

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Саратов
Издательство Саратовского университета
2018

УДК [9(470.44)+[882:069.02](470.44-25)](082+929)
ББК 46.3.1
Ч45

Ч45 Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Гапоненков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2018. – Вып. 21. – 224 с.

В выпуске, посвященном 190-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского и 60-летию сборника, представлены труды ученых из Японии, Бразилии, Италии, Армении, Белоруссии, Москвы, Нижнего Новгорода, Саратова, исследующих философские, эстетические, литературно-критические, общественные взгляды Н. Г. Чернышевского и его современников (И. С. Тургенева, М. Н. Каткова, Д. И. Писарева и др.).

Публикуется также монографическая статья А. П. Скафтымова о романе «Что делать?», не переиздававшаяся с 1926 г. В книгу включен раздел воспоминаний о профессоре А. А. Демченко, биографе Н. Г. Чернышевского.

Для философов, филологов, историков, культурологов.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, профессор *Ю. Н. Борисов*, доктор филологических наук, профессор *А. А. Гапоненков* (отв. редактор), кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского *И. Е. Захарова*, зам. директора по научной работе ЗНБ СГУ *А. В. Зюзин* (отв. секретарь), доктор философских наук, профессор *В. К. Кантор*, доктор исторических наук, профессор *В. А. Китаев*, доктор философских наук, профессор *Е. В. Листвина*, директор музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского *Г. П. Муренина* (зам. отв. редактора), кандидат юридических наук, профессор Университета Саппоро *Он Оя*, доктор филологических наук, профессор *В. В. Прозоров*

УДК [9(470.44)+[882:069.02](470.44-25)](082+929)
ББК 46.3.1

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В 2018 г. исполнилось 60 лет со дня выхода первого выпуска продолжающегося научного сборника «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». В далеком 1958 г. он появился по инициативе и под редакцией трех выдающихся лидеров саратовской филологической (литературоведческой) научной школы профессоров А. П. Скафтымова, Ю. Г. Оксмана и Е. И. Покусаева. Заведующий кафедрой русской литературы Е. И. Покусаев был ответственным редактором первого выпуска. В сборнике были напечатаны статьи не только саратовцев (А. П. Медведев, Л. П. Медведева, Б. И. Лазерсон, П. А. Бугаенко, Н. М. Чернышевская, А. Ф. Ефремов, Л. Магон), но и выдающихся историков литературы и общественной мысли из других городов, в том числе Москвы и Ленинграда (Н. Ф. Бельчиков, Е. Г. Бушканец, Б. Ф. Егоров, Б. П. Козьмин, С. А. Рейсер). В многочисленных отзывах и рецензиях на это продолжающееся издание отмечался высокий научный уровень публикуемых материалов.

Выпуски 2–8-й выходили исключительно под редакцией Е. И. Покусаева. С 1983 по 2015 г. сборник издавался редколлегией, ответственным редактором и «душой» издания был профессор А. А. Демченко. Книги традиционно были поделены на два раздела: I. Исследования и статьи; II. Материалы и сообщения. Это позволяло представить значительные по объему концептуальные аналитические статьи по знаковым проблемам биографии и творчества Н. Г. Чернышевского, литературно-общественной, журнальной борьбе 1860–1880-х гг., а также опубликовать неизвестные материалы и сообщения, библиографию.

В 1958–1989 гг. книги «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» выходили в Издательстве Саратовского университета. В дальнейшем издание поддерживалось музеем-усадьбой Н. Г. Чернышевского (директор Г. П. Муренина). Кафедра истории русской литературы и фольклора (ныне кафедра русской и зарубежной литературы) брала на себя научное редактирование сборников. Они предназначались для преподавателей, научных работников, студентов-филологов, философов и историков, читателей, интересующихся историей русской мысли, науки и культуры. В настоящее время выпуск сборника возобновлен под эгидой Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и на базе Издательства Саратовского университета.

В научных сборниках «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» публиковались крупные столичные и провинциальные ученые – филологи, историки, философы: Е. И. Покусаев, А. А. Демченко, Г. Н. Антонова, В. Г. Базанов, В. Э. Боград, В. А. Бочкарев, П. А. Бугаенко, А. М. Гаркави, Б. Ф. Егоров, М. Г. Зельдович, В. К. Кантор, В. А. Китаев, Г. В. Краснов, В. Ш. Кривонос, Г. В. Макаровская, С. Ф. Мартынович, Н. Н. Мостовская, И. В. Порох, В. В. Прозоров, С. А. Рейсер, В. Б. Смирнов, М. В. Теплинский, Н. А. Троицкий, Т. И. Усакина, Н. М. Чернышевская, М. Д. Эльзон, И. Г. Ямпольский и др. В последние годы среди авторов – представители Японии (Он Оя, Нагано Сюнъити, Имаи Есио) и Великобритании (Т. Д. Роллингс).

Основу сборника обычно составляли статьи по итогам Международных научных чтений «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» (музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, СГУ). Настоящий 21-й выпуск не исключение: его материалы апробированы на 38-х и 39-х научных чтениях 2016 г. и 2017 г. Помимо работ ученых из Японии, Бразилии, Италии, Армении, Белоруссии, Москвы, Нижнего Новгорода, Саратова, исследующих философские, эстетические, литературно-критические, общественные взгляды Н. Г. Чернышевского и его современников (И. С. Тургенева, М. Н. Каткова, Д. И. Писарева и др.), в сборник включен раздел, посвященный 80-летию профессора Адольфа Андреевича Демченко, благодарную память о котором хранят все участники научных чтений.

Ключевая публикация этого выпуска – монографическая статья А. П. Скафтымова «Роман Чернышевского “Что делать?” (Его идеологический состав и общественное воздействие)», образец целостного анализа художественного текста, «суммы философии романа», его историко-культурного значения. Работа А. П. Скафтымова, не переиздававшаяся с 1926 г., читается как классический и очень актуальный труд, позволяющий взглянуть на творчество Чернышевского без идеологических клише, мифов советского и постсоветского времени.

Наше издание имеет почтенную научную традицию и междисциплинарный потенциал (Н. Г. Чернышевский – писатель, философ, журналист, литературный критик, экономист, историк, переводчик).

I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

В. К. Кантор

АВГУСТИН И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: ПАДЕНИЕ РИМА КАК КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Тема падения Рима волнует умы мыслителей начиная, по крайней мере, с 5 в. Так что тема вполне законна. Непривычным, скорее всего, покажется сочетание двух имен: Аврелия Августина – гиппонского епископа, практически первым попытавшимся осмыслить крушение Рима как важнейшее событие мировой и церковной истории европейского человечества, и Николая Чернышевского, публициста и философа, жившего четырнадцать столетий спустя после разгрома Рима варварами и совсем в другой стране, только входившей в европейскую парадигму. Существенно, конечно, что оба мыслителя были воспитаны вполне религиозно, поэтому ход мыслей обоих в чем-то совпадал, более того, язык Августина – латынь – был языком, на котором Чернышевский свободно читал и изъяснялся, даже письма к отцу писал на латыни. Иными словами, языковой преграды не было, а в библиотеке Гаврилы Ивановича стояли книги Августина («Избранные сочинения Августина Иппонийского»), вполне освоенные молодым семинаристом, которого знакомые именовали библиофагом. Попробуем сравнить речь Августина «Слово о разорении города Рима» и статью-трактат Николая Чернышевского «О причинах падения Рима. (Подражание Монтескье)». Французский просветитель Монтескье, духовный наставник великой Екатерины, здесь тоже не случаен. Один из своих трудов («Размышления о причинах величия и падения римлян») он посвятил падению Рима, более того, ссылаясь в этом труде на Августина. Да и Россия входила в круг его интересов, а точнее сказать, его труды входили в круг интересов императрицы Екатерины Великой, строившей Российскую империю, ориентируясь на Римскую.

Не менее существенно то, что начиная с XV в. тема Рима становится темой православной мысли. Напомним идею старца Филофея

о Москве как третьем Риме. Неожиданным среди этих исторических событий были идеи, развиваемые в посланиях старца и игумена псковского Елеазаровского монастыря Филофея. Уже в «Первом послании Василию III», написанном около 1514–1521 гг., Филофей формулирует идею, позволяющую псковичам, да и не только им, но и всем другим княжествам, подчиненным Москве, несколько иначе взглянуть на завоевателя. Дело в том, что именно Филофей формулирует идею «Москва – Третий Рим». В одном из последних посланий Филофея псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу (Мисюрю) Мунехину – на звездочетцев (1523 г. или 1524 г.) – эта идея разрабатывается в полемике с Николаем Булевым, астрологом и врачом при дворе Василия III, немцем из Любека и католиком, который утверждал, что первенство в христианском мире принадлежит католическому Риму. Библейские познания позволили Филофею взглянуть на Москву, так сказать, не из Пскова, увидеть в ней место, где находит свое завершение земная история (первый Рим погиб от руки варваров, второй, Константинополь, – от турок, третий же, Москва, пребудет истинным центром христианства – ибо православие превосходит латинскую веру – до скончания веков), дали возможность не только примириться с подчинением Москве, но и видеть в этом промысел Божий, осуществление христианской истории в Московском царстве. Неизбежным русские славянофилы считали «закат Европы», как и падение Рима. Рим был символом Европы. Описывая свое впечатление от крушения французской революции 1830 г., Ф. И. Тютчев в стихотворении «Цицерон» переводит это событие в регистр Рима, который воплощает в восприятии русского гения Европу как таковую:

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
Я поздно встал и на дороге
Застигнут ночью Рима был.
Так, но, прощаясь с римской славой,
С capitoлийской высоты,
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой.

Римская империя была чем-то большим, чем просто государственным образованием, символом того, как надо жить не-варвару. Это было пространство, необходимое для существования цивилизованного человека, поэтому так ласкало имя «Рим» слух русских европейских поэтов или, по слову Манделштама:

Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной!

Как замечал С. Аверинцев, «уже Тертуллиан, ненавидевший языческую Римскую империю, все же верил, что конец Рима будет концом

мира и освободит место для столкновения потусторонних сил. Тем охотнее усматривали в существовании Римской империи заградительную стену против Антихриста и некое эсхатологическое “знамение”, когда империя эта стала христианской¹. Соответственно вся до-имперская русская жизнь воспринималась просвещенной Россией как жизнь варварская. Да, в борьбе за «старые обычаи» Петра Великого именовали «антихристом», но это прозвище осталось лишь в сознании противников петровского дела. Великая русская литература как подлинная носительница христианских смыслов, литература от Ломоносова и Пушкина до Бунина и Ахматовой полагала Петра борцом с адскими силами России. Более того, в сознании русской культуры именно Пушкин, «наше всё», оказался наиболее тесно связанным с Петром. Характерно, что Петр ориентировал свою империю не на восточный вариант Рима, а на Запад, прекрасно понимая его силу.

Чернышевский писал о величии Рима: «Варварскими нашествиями почти все существовавшее хорошее было истреблено, римский мир отодвинут на несколько сот лет назад, к тем временам, когда владычествовали над Galliей дикие верцингеториксы, бродили по Европе кимвры и тевтоны, или к временам еще более далеким, когда Македония была населена дикарями, когда опустошаема была Малая Азия скифами, или еще раньше, когда ходили греки на Трою. Не раньше XVII века, быть может только в половине XVIII века, успела континентальная Европа снова подняться до того положения, до какого достигала в конце III, в начале IV века. Прогресс был слишком на 1000 лет. <...>

Чем же был убит древний мир? Мы прямо говорим: исключительно волнением, которое овладело всеми кочевыми племенами от Рейна до Амура. Тут было ни больше, ни меньше, как погибель страны от наводнения. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротив, жизнь была свежа, прогресс безостановочен. Погибель Римской империи – такая же геологическая катастрофа, как погибель Геркулана и Помпеи, как погибель страны, по которой гуляют теперь волны Зейдерзе. Подобные случаи погибели предмета, погибели дела от внешних разрушительных сил, как бы ни здорово было дело, как бы ни исполнен был жизни предмет, встречаются ежедневно в частном быту, встречаются бесчисленное число раз в истории; только никогда не происходила эта гибель в известной нам истории в таком огромном размере, как при погибели всего древнего цивилизованного мира. Не толкуйте же о разумности, о благотворности этих катастроф. Лошадь ударила человека подковою по виску, и он умер, – какая тут разумность, какие тут внутренние причины смерти? Лиссабон разрушен землетрясением, – виноваты ли в том достоинства или недостатки португальской цивилизации? Поднимается самум, заносит песком караван в Сахарской степи, – не доказывайте, что верблюды и лошади

¹Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 124.

были плохи, люди глупы, товары нехороши. Слепая игра сил природы в стихиях, в животных или в людях, не вышедших из животного состояния»¹. Именно об этом «Медный всадник» Пушкина, о том, что разбойничья стихия в состоянии сломать символ цивилизации.

Как справедливо написано в предисловии к проповеди Августина, «проповедь блаженного Августина, названная позже “Слово о разорении города Рима”, была произнесена им вскоре после взятия Рима Аларихом в 410 г., как явствует из его слов о “недавнем разорении столь великого города”. Главный вопрос, который Августин решает перед слушателями: за что Рим постигла такая страшная кара? <...> Проповедь интересна еще и тем, что для сопоставления с плачевными событиями в Риме довольно подробно описывается бедствие (calamitas) в Константинополе “при императоре Аркадии”. Об этом бедствии Хроники Проспера и Марцеллина упоминают как о землетрясении, в описании же Августина оно выглядит как ряд атмосферных явлений неясной природы. Беглое упоминание Августином того, что среди слушателей могут находиться свидетели событий в Константинополе, породило предположение о том, что проповедь могла быть произнесена в Константинополе, однако подтвердить эту догадку нечем»². Но очевидно, что именно это имел в виду Чернышевский, когда говорил о «слепой игре сил природы в стихиях, в животных или в людях, не вышедших из животного состояния».

Но идея империи никогда не умирала в западноевропейском сознании. Пожалуй, именно она противостояла разнузданности варваров. Карл Великий строил империю, чтобы европеизировать германских варваров, убедить их, что они римляне. «На Западе Римская империя, – писал Аверинцев, – перестала существовать “всего лишь” в действительности, в эмпирии – но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен “семиотическое” существование. <...> Знаком из знаков становится для Запада многократно разоренный варварами город Рим. Когда в 800 г. Запад впервые после падения Ромула Августула получает “вселенского” государя в лице Карла Великого, этот король франков коронуется в Риме римским императором и от руки римского папы. “Священная Римская империя германского народа” – это позднейшая формула, отлично передающая сакральную знаковую имену города Рима. Это имя – драгоценная инсигния императоров и пап»³.

Европейскость этой идеи доказывает парадоксальным образом текст Канта, мыслителя, жившего в раздробленной Германии, когда

¹Чернышевский, Н. Г. О причинах падения Рима (Подражание Монтескье) // Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1950. Т. 7. С. 655–657.

²Аврелий Августин. Слово о разорении города Рима [Электронный ресурс] / предисл. и пер. с лат. С. А. Степанцова // Вестник древней истории. [Электронный ресурс]. 2001. № 2. URL: <http://www.ancientrome.ru/antlitr/augustinus/de-eccidio-f.htm> (дата обращения: 23.11.2017). Яз. рус. Загл. с экрана.

³Аверинцев, С. С. Указ. соч. С. 115–116.

сошла на нет Священная Римская империя немецкого народа. Парадоксальным, ибо Кант нигде не произносит слово «империя», хотя думает о правовой защищенности разных народов внутри единого государственного образования. Необходимое человечеству государственное устройство, полагал он, может быть реализовано лишь во всемирно-гражданском состоянии, чего можно ожидать только от «союза народов». Вступить в него и «выйти из не знающего законов состояния дикости», а тем самым преодолеть антагонизм не только между отдельными людьми, но и между отдельными государствами, антагонизм, порождающий непрекращающиеся войны, – это задача человечества.

Но невероятное историческое влияние Римской империи связано было и с той, синхронной по времени ее существованию, возможностью распространить свои принципы на всю внятную в ту эпоху Ойкумену. На империю ориентировались окружавшие ее варвары, так же как и так называемые «галло-римляне», и сама империя не могла не чувствовать мощь энергийного излучения своего образа жизни, своей цивилизации, своего общественно-политического устройства. Недаром и после падения Рима варвары подражали ему, пока Карл Великий не короновался в качестве римского императора.

Но Августин задает парадоксальный вопрос, а был ли уничтожен Рим варварами? «Когда вопрошают о праведности и когда Бог отвечает о праведности, он ищет праведных по божественной мере, не по мере человеческой. Поэтому я без промедления отвечаю: либо он нашел там столько праведников и пощадил город, или, если он не пощадил города, то и праведников там не нашел. Но мне ответят: ясно, что Бог не пощадил города. Ответу: а мне совсем не ясно. Этот город не был погублен, как был погублен Содом. <...> А из города Рима сколь многие вышли и вернутся, сколь многие остались там и избежали гибели, сколь многих в священных местах даже тронуть не посмели! “Но многих, – скажут мне, – увели в плен”. – Так и Даниила, и не в наказание ему, а в утешение другим. “Но многих, – скажут, – убили”. – Так и многих праведников и пророков от Авелевой крови до крови Захарии (Мф. 23:35), так и многих апостолов, так и самого Господа пророков и апостолов»¹. Но далее был свирепый и великий воин – гунн Атила (406–453), примерно через сорок лет тоже завоевавший Римскую империю. Римский папа Лев вступил с гунном в переговоры и добился некоторого успеха. Впрочем Монтескье пояснил, как ему казалось, причину мягкости Аттилы по отношению к римлянам: «Не следует думать, что Атила пощадил римлян благодаря своей умеренности; он следовал нравам своего народа, которые влекли его

¹ *Аврелий Августин*. Указ. соч. URL: <http://www.ancientrome.ru/antlitrr/avustinus/de-exc-idio-f.htm> (дата обращения: 23.11.2017). Яз. рус. Загл. с экрана.

к тому, чтобы налагать на народы дань, а не к тому, чтобы включать их земли в свое государство»¹.

Тема гибели Древнего Рима со времен Августина была своего рода оселком, на котором проверялась глубина историософского понимания больших мыслителей. Наша задача показать, как мнение толпы обретало господство в обществе и как истина, которой владеет личность, противостоит общепринятому безумию, выявляя реальные причины катастрофы. В каждом случае докса бывает разная, в зависимости от общепринято господствующей идеологической установки общества. В эпоху Августина, как мы знаем, победу одержало христианство. Несмотря на недавнее господство язычества, уже утвердилось мнение толпы, что отныне с христианством общество получило защиту от варварства и его зла раз и навсегда. А Рим – центр христианства, а потому злу варварского язычества неподвластен. Падение Рима в мироощущении античных христиан означало, что открыты отныне врата Ада, что христианство не является защитой. Августин отвечал, ссылаясь, как и Чернышевский, на случай как причину катастрофы, на стихию.

В эпоху Чернышевского в сознании образованной толпы место христианства заняла цивилизация. Рим пал, поскольку цивилизация оказалась бессильна перед варварами. Хотя это были варвары, понимавшие значение Рима и христианства. Так, Аларих запретил своим вестготам разрушать церкви. Варвар гунн Аттила, по легенде, был воспитанник римского семейства.

Монтескье писал: «Рим возвысился благодаря тому, что он всегда вел одну войну вслед за другой; ибо, к его несказанному счастью, один народ начинал с ним войну тогда, когда другой уже был побежден. Рим был разрушен потому, что все народы сразу напали на него и растерзали его на части»².

Августин все же пытался оправдать Рим, что он не до конца погряз в грехах: «Сколь велик город смиренных, который говорит это Богу! Или вы думаете, что город состоит из стен? Город состоит из граждан, а не из стен. Словом, если бы Бог сказал содомлянам: “Бегите, ибо я сожгу место сие”, – разве не сочли бы мы большим благом для них, если бы они бежали и шедшее с небес пламя опустошило бы укрепления и стены? Разве не пощадил бы Бог город, если бы город (civitas) переселился и избежал гибели в этом огне?»³

Любопытно, что Монтескье видел в возвышении Рима победу суетности и поддерживал Августина в том, что главная задача человечества – Град Божий, а не земное устройство: «Три знаменитых автора

¹Монтескье, Ш. Л. Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье, Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 361.

²Монтескье, Ш. Л. Указ. соч. С. 364.

³Чернышевский, Н. Г. Указ. соч. С. 659.

ответили Симмаху. Орозий составил свою историю, чтобы показать, что в мире всегда были такие великие бедствия, на какие тогда жаловались язычники. Сальвиан написал свое сочинение, где он доказывал, что безнравственность христиан была причиной опустошений, причиненных варварами. **А святой Августин показал, что град Божий отличается от града земного, где древние римляне за некоторые человеческие добродетели получили столь же суетные воздаяния, как сами эти добродетели**¹ (выделено нами. – *В.К.*).

Заметим – и это очень важно, – что Монтестье называл закат республики и установление власти Цезаря «внезапной революцией», которая продолжилась в захвате Рима варварами. Кстати, великий русский писатель Е. И. Замятин написал после победы Октября роман об Аттиле «Бич Божий», о варваре, воспитанном в Риме и объединившем римских рабов и наступавших на Рим варваров, во главе которых встал сам. Иными словами, падение Рима воспринималось Замятиным как Октябрьская революция. Чернышевский знал, разумеется, этот ход мысли Монтестье. Поэтому, не принимавший революции в принципе, он пытался понять, что может противостоять варварской революции. Если принять соображение Августина о возможности природного катаклизма, который можно сравнить с массовым нашествием варваров, то варвары способны смести данную цивилизацию с лица Земли, жителям только и можно что бежать из города.

В связи с российскими рассуждениями о «закате Европы» и уподоблением этого процесса гибели «Древнего Рима» (у славянофилов и Герцена) Чернышевский предложил свою схему исторического процесса, весьма независимую и отличную от гегелевской. Не вдаваясь в анализ общих положений этой концепции, отметим только, что Чернышевский весьма резко делит историю человечества на периоды цивилизованный и варварский. Варвары и цивилизованные люди, разумеется, могут сосуществовать во времени и пространстве, более того, варвары, которые отождествляются Чернышевским со стихийной природной силой (наподобие наводнения, потопа, урагана или землетрясения), вполне могут разгромить народ цивилизованный (как германцы Древний Рим), так же как молния может убить человека. Но Чернышевский сомневался, могут ли варвары привнести новое, прогрессивное начало в историю. Повторяя Гегеля, даже славянофилы говорили о германцах, что с ними пришло в историю понятие свободной личности. Чернышевский в образе жизни германцев не видит разницы с аналогичными военными обычаями других варварских племен: «Вольные монголы и Чингиз-хан с Тамерланом, вольные гунны и Аттила; вольные франки и Хлодвиг, вольные флибустьеры и атаман их шайки – это все одно и то же: т. е. каждый волен во всем, пока атаман не срубит ему головы, как вообще водится у разбойников.

¹Монтестье, Ш. Л. Указ. соч. С. 359–360.

Какой тут зародыш прогресса, мы не в силах понять; кажется, напротив, что подобные нравы – просто смесь анархии с деспотизмом»¹. Отождествляя варварство с состоянием хаоса, разбоя, Чернышевский, безусловно, не думал, что это состояние общественной жизни могло выработать хотя бы самые отдаленные намеки на права отдельной личности, отдельного человека. Скорее, это заслуга народов цивилизованных, и вне цивилизации право личности утвердить не удастся.

Не случайно только спустя тысячу лет после падения Древнего мира в Европе, в эпоху Возрождения, пробуждается сызнова личность, которую еще надо воспитывать христианством либо посредством идеи разумного эгоизма, перефразировкой золотого правила Христа, что ближнего надо любить как самого себя. Но для этого надо научиться любить себя, понимая, что высшее в этой любви – помощь ближнему. Как писал Августин, «важно знать, должен ли один человек любить другого ради него самого, или во имя чего-то иного». Для такой любви, говоря словами Августина, необходимо умение преодолевать самого себя. По сути дела, говоря о необходимости преодолевать искушения, Августин предложил новый императив: преодолей самого себя: «Боже мой, Ты, который поднимаешь меня; смиренного, даешь отдых труждающемуся, Ты, Который слушаешь исповедь мою и отпускаешь грехи мои, Ты велишь ведь мне любить ближнего, как самого себя»². Это путь к Граду Божьему. И связан этот путь не в последнюю очередь с воскрешением христианства и разрушенной варварами античной культурой. Отсюда и русский мыслитель заключал, что не стоит хвалиться варварством, «свежей кровью», а надобно прежде просветить и цивилизовать свой народ. Свой вариант построения Града Божия он представил в романе «Что делать?». Задал задачу русской мысли – человек должен уметь преодолевать себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. Москва : CODA, 1997.

Аврелий Августин (Блаженный Августин). Исповедь / Аврелий Августин (Блаженный Августин) ; пер. и коммент. М. Е. Сергиенко. Москва : Гендальф, 1992.

Аврелий Августин. Слово о разорении города Рима [Электронный ресурс] / Аврелий Августин; предисл. и пер. с лат. С. А. Степанцова // Вестник древней истории. 2001. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ancientrome.ru/antlitr/augustinus/de-excidio-f.htm> (дата обращения: 23.11.2017). Яз. рус. Загл. с экрана.

Монтескье, Ш. Л. Размышления о причинах величия и падения римлян / Ш. Л. Монтескье // Монтескье, Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Ш. Л. Монтескье. Москва : Канон-пресс-Ц ; Кучково поле, 2002.

¹Чернышевский, Н. Г. Указ. соч. С. 659.

²Аврелий Августин (Блаженный Августин). Исповедь. М., 1992. Кн. 12. Гл. 26. С. 36.

Чернышевский, Н. Г. О причинах падения Рима (Подражание Монтегкье) / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Художественная литература, 1950. Т. 7.

В. В. Прозоров

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА: НЕОЖИДАННЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Года три назад к работе, связанной с судьбой Чернышевского в сети Интернет, поощрил меня А. А. Демченко: «Важно понять, – размышлял он, – входит ли Чернышевский и каким образом в поле зрения нового поколения **безразличных к чтению** молодых людей». Попробуем разобраться... Начиная примерно с середины 1990-х гг. Чернышевский был, как известно, исключён из обязательных программ общеобразовательной средней школы России. И поколения школьников, окончившие обучение, со второй половины 90-х о нём, как правило, не знают ровным счётом ничего. И дело совсем не в том, чтобы лишний раз уличить юных в каких-то, с нашей точки зрения, досадных изъянах в их общекультурной осведомлённости. Нам скорее о другом стоит думать: о том, как, в каких доступных формах (форматах) зацепить их внимание, сфокусировать на важных именах, судьбах, текстах, представляющих интерес для нас и способных новое поколение «нечитателей» задеть за живое. Тут вопросы в большей степени не к ним, а к нам. Кстати – о них, о новом поколении, вступившем уже в социально активную фазу жизни. В 2017 г. впервые к нам в университеты пришли студенты, в отличие от всех нас рожденные уже в XXI в., – так называемое поколение Z. Не будет преувеличением сказать, что новое поколение – это клавиатурное поколение с ощущением мира на кончике собственных пальцев, с привычной средой обитания в интернетовской реальности, с почти что врождённым умением безбоязненно (вопрос – безболезненно ли? – остаётся открытым) отсекают то, что кажется им избыточным при огромном информационном изобилии.

Идёт поколение внутренне раскрепощенное, непуганое, открытое к откровенному диалогу без снобистского высокомерия и постмодернистского пересмешничества. Юные легко задаются трудными вопросами, которые кажутся им вполне естественными: а почему это так? а кто сказал, что этого ни при каких условиях быть не может? ну и что тут особенного? мне так не кажется! а вы бы на моём месте поступили иначе?.. Они заметно открыты для перемен в собственной судьбе. Они последовательно нацелены на индивидуальный успех. Упорный дух командного поиска вторичен, хотя он вовсе и не исчез... Искренне стремятся к самообразованию, к здоровому образу жизни, к совершенствованию физических и психических способностей. Нам надо быть с ними на одной волне. Иначе мы станем действовать в неблагоприятном поле взаимного брюзжания и бранчивости.

Конечно, любое обобщение сродни средней температуре по боугодному заведению. Но некоторые общие тенденции всё же вырисовываются. Юным мало благоговейно внимать педагогам. Им нужно вступать в разговоры, в переписку, в общение. На равных. Хотя, случается, предельно внимательно слушают и благодарно реагируют, если с ними делятся заветным и их тоже трогающим. Они и жить торопятся, и чувствовать спешат. . . Им показан и пир непослушания, как и всем юным. Всегда есть, конечно, и расположившиеся на обочине инертные люди, и выпавшие из поколения «лишние люди», и составляющие оппозицию своему поколению «новые люди», складывающие фундамент для тех, кто придет им вслед.

Справедливости ради отмечу, что в пространстве повседневного общения юных – в Интернете, в ю-тубе, в разных социальных сетях – нет-нет да и встретятся беглые, мимоходом упоминания о Чернышевском, скорые (подчас избыточно категоричные) суждения о нем, о фактах его биографии, о современном восприятии его наследия. То кто-то из пользователей безапелляционно заметит, что «неадекватный» Чернышевский – «очень посредственный писатель» (хотя «сам я его так и не прочёл»), что в голове его была «адская каша» и что его «забыли навсегда». Другой в ЖЖ саркастически защищает автора «Что делать?» от голословных нападок и относит его к плеяде нынешних российских оппозиционеров – «белоленточников». Кто-то не без симпатии именует его «прототипом креаклов», т. е. представителей так называемого «**креативного класса**». Ему оппонируют: «Чернышевский за свои революционные убеждения был готов на смерть пойти – много Вы таких креаклов знаете?»

Неправда, однако, что Чернышевского вовсе нет в современной школе. Он занимает своё место в программе для **профильных** гуманитарных филологических классов. Класс 10-й. Раздел «XIX век. Вторая половина». Это школьная программа по литературе, подготовленная под редакцией академика РАО А. А. Леонтьева при участии кандидата педагогических наук О. В. Чиндиловой.

А вот и некоторые письменные отклики-отзывы сегодняшних 16–17-летних молодых людей – абитуриентов Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, родившихся на рубеже XX–XXI вв. и учившихся как раз по этой программе:

– Большая загадка для меня, за что его власти так жестоко преследовали. Или мы чего-то важного не знаем, какие-то подробности скрыты от нас, или это просто цепь странных недоразумений. . .

– Счастье в том, чтобы делать добрые дела. Это и есть разумный эгоизм, как его Чернышевский пропагандирует. Этому учат все религии. Мне кажется, Чернышевский может быть нужен в межконфессиональном диалоге.

– Не могу, к сожалению, похвалиться, что много романов прочёл, но «Что делать?» одолел. Сначала краткое содержание прочёл, потом –

стало интересно – и весь роман. Понял, что в нём много замысловатого упрятано. Про любовный треугольник, например, и про его пользу в нашей жизни. . .

А вот ещё признание, которое повело меня уже на розыски в Интернете. Признание такое: Я бы не прочла почти весь роман (кое-что по ходу чтения, конечно, пропускала), если б не познакомилась в Интернете с интересным кратким содержанием. Поняла: стоит читать!

Опять краткое содержание. . . Надо разбираться! Мы хорошо знаем, что сегодня существует целая индустрия создания укороченных литературно-классических версий, прочно прописанных в Интернете. Узок круг современных юных читателей. Круг этот имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Многочисленные наблюдения показывают: электронные варианты «толстых» книг осиливают те, кто имел уже опыт общения с книгой на бумажных носителях, кто вкусил прелесть контакта с книгой в её Гутенберговском бытии. К кратким содержаниям произведений классики, признаюсь, я испытывал (и был в этом не одинок) насмешливое раздражение. Пока не стал тщательнее вникать в быстро меняющиеся реальные процессы распространения знаний о «толстых» книжках. Кратких содержаний видимо-невидимо. Без них подавляющее большинство школьников (в том числе, и гуманитарно ориентированных) не обходится. Это реальность. Не считаться с ней нельзя. Лучше, преодолев филолого-педагогическую гордыню, внимательнее присмотреться к этому явлению повседневного читательского спроса.

На сайте «брифли» легко нашёл искомое. Услужливо-застывшее рекламное предупреждение: *«Что делать?» за 10 минут*. И здесь же – пояснение: *оригинал 17 часов*. Это ровно то время, которое занимает прослушивание текста Чернышевского.

Стал вникать в краткий текст и, к удивлению, понял главное. В век бесконечного множества мгновенных, лаконичных, лоскутных, обрывочных информационных порций нам, гуманитариям-профессионалам, надо оставить тон высокомерного пренебрежения к кратким содержаниям почтенных текстов. Есть смысл присмотреться к этому феномену и оценивать его с точки зрения качества предъявляемых малых по объёму текстов.

В самом деле, какой из двух вариантов для нас предпочтительнее?

1. Юные в подавляющем большинстве никогда не прочтут классический текст в полном объёме и никогда с ним в жизни не соприкоснутся; пройдёт ещё примерно полтора десятка лет, и массовая читательская память о классике придёт в полное умаление. . . Но и прежде, в доинтернетовскую эпоху, скажем честно, многие из школьников на самом деле не способны были одолевать классические тома. Отсюда (ныне тоже практикуемые) «новаторские» учительские приёмы, когда большой текст разбивался на части, и в классе каждый читал свою часть, а на уроках осколки сбивались в целое (но пазлы

от этого не срастались). Я знаю школьников, которым далеко за 40, но они так и не удосужились прочесть «Войну и мир», не говоря уже о «Что делать?»).

2. А второй вариант требует пристального рассмотрения-размышления. Краткий текст, книжное либретто, представляющая классический фолиант аннотация, наконец, текстовая развёрнутая реклама дают в сжатом виде информацию о сюжетно-фабульных ходах текста, о системе действующих лиц-персонажей, об авторском отношении к изображаемому. Иными словами, в кратком изложении содержатся в полной мере те самые представления о произведении, которые по прошествии времени хранит наша остаточная читательская память. В то же время подобная аннотация может выполнить и главное своё предназначение – стать для кого-то «вратами» в большой текст, может побудить к читательскому труду и творчеству. Умно, деликатно, ненавязчиво составленное краткое изложение классического текста способно заключать в себе отблеск оригинала.

Так вот, вчитался я в «**Что делать?**» за 10 минут и пришёл к заключению, что это вполне приличное и умно составленное либретто романа. Автор пересказа – кандидат филологических наук, доцент Литинститута Татьяна Александровна Сотникова литературный критик, автор 17 романов. Пишет и издаётся с 1995 г. под псевдонимом Анна Берсенева. Интернет сообщает, что в 1989 г. она в результате автомобильной аварии потеряла ногу, спасая собственного ребенка. Получила инвалидность. Продолжает вести активный образ жизни: пишет книги, выступает с рецензиями, воспитывает двоих сыновей. Опыт в работе, связанной с пересказами классиков, у неё большой. Пересказаны и «Анна Каренина», и «Хаджи-Мурат», и «Живой труп», и «Кому на Руси жить хорошо», и, кстати сказать, «Пролог» Чернышевского (пересказ за восемь минут!), и ещё десятки великих текстов XIX–XX вв. Эти и другие пересказы собраны в семитомном издании «Все шедевры мировой литературы в кратком изложении» под редакцией критика и филолога профессора Московского государственного университета Владимира Ивановича Новикова.

Вот начальный фрагмент либретто романа «Что делать?» для наших старшеклассников в исполнении Татьяны Сотниковой:

«11 июля 1856 г. в номере одной из больших петербургских гостиниц находят записку, оставленную странным постояльцем. В записке сказано, что о её авторе вскоре услышат на Литейном мосту и что подозрений ни на кого иметь не должно. Обстоятельства выясняются очень скоро: ночью на Литейном мосту стреляется какой-то человек. Из воды вылавливают его простреленную фуражку.

В то же самое утро на даче на Каменном острове сидит и шьёт молодая дама, напевая бойкую и смелую французскую песенку о рабочих людях, которых освободит знание. Зовут её Вера Павловна. Служанка приносит ей письмо, прочитав которое Вера Павловна рыдает,

закрыв лицо руками. Вошедший молодой человек пытается её успокоить, но Вера Павловна безутешна. Она отталкивает молодого человека со словами: “Ты в крови! На тебе его кровь! Ты не виноват – я одна...” В письме, полученном Верой Павловной, говорится о том, что пишущий его сходит со сцены, потому что слишком любит “вас обоих”...»

Трагической развязке предшествует история жизни Веры Павловны».

Далее вспоминается детство Веры Павловны Розальской, её отец, Павел Константинович, мать, Марья Алексеевна, с её воспитательными принципами, сюжет со Сторешниковым, с приглашением к брату Феде учителя – студента-медика выпускного курса Дмитрия Сергеевича Лопухова... Не забыт ни один из снов Веры Павловны. Коротко говоря, следует то, что в школьных методиках определяется как **пересказ содержания**. Иными словами, чему и нас с вами в школе учили с детства...

Чем подкупает пересказ? Предельно краткой внятностью изложения – для тех, у кого скорость стала естественной жизненной потребностью. Пристально чутким вниманием к затейливой фабуле – для тех, у кого, как и рассчитывал Чернышевский, преобладает интерес к авантюрной повествовательности. Умной недоговорённостью – для тех, кто готов взяться за прочтение оригинала. А тем, кто никогда не соберётся прочесть роман, является видимость знакомства с ним, потому как пересказ сделан толково, качественно, с вниманием к важным сюжетным подробностям и деталям, ключевым репликам героев, к их характеристикам и мотивам их поступков.

Открытый вопрос: что лучше: почти полное – в ближайшей перспективе, при смене поколений – забвение классического текста или честно выполненные подспорья для его новой жизни в юных читательских поколениях?

Я – за второй путь.

А. А. Гапоненков

**ТРИ САРАТОВСКИХ МЫСЛИТЕЛЯ:
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, С. Л. ФРАНК, Г. П. ФЕДОТОВ.
К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹**

В умственной жизни Саратова XIX–XX веков было три выдающихся мыслителя, которые вошли в историю русской мысли, прославили наш город, оставили после себя свой саратовский текст, места пребывания. Наверное, трудно поставить кого-то даже рядом с ними в области философской культуры в городе, настолько значительны

¹Выступление на пленарном заседании XXXIX Международных научных чтений «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» 19 октября 2017 г. в Саратове.

их творческие достижения, прижизненные и посмертные. Неведомой многим остается соотносительность этих трех имен в интеллектуальной истории Саратова. Сближает их не только локальный принцип «гениев места», все они отличились особым отношением к русской революции, ее движущим силам, судьбе России. Саратовский опыт биографии был востребован ими для осмысления революционных событий (как в Европе, так и в России).

Один из них давно стал визитной карточкой городского культурного пространства. Николай Гаврилович Чернышевский, писатель, философ, экономист, родился и умер в Саратове, здесь учился в семинарии, преподавал в мужской классической гимназии, провел последние месяцы жизни. Его именем названы университет, большая улица, проходящая вдоль Волги, площадь, ему поставлен памятник. В 1920 г. советским правительством открыт мемориальный музей-усадьба Н. Г. Чернышевского.

Саратов как город исторической судьбы непредставим без него, выходца из духовного сословия, ярчайшего выразителя феномена разночинства и идеолога этого явления в русской истории, общественно-литературной демократической традиции, деятельного сотрудника и редактора журнала «Современник», автора знаменитого романа «Что делать?», в названии которого сакраментальный вопрос русской жизни, властителя дум российской молодежи, несгибаемого узника сибирской каторги, вдохновлявшего радикалов многих поколений. И еще, Чернышевский – единственный самый известный наш земляк, образ которого серьезно повлиял на историю саратовской культуры XX в. – научно-университетской, литературной, музейной, городской, волжской.

Чернышевского называют философом-материалистом, гуманистом, социалистом-утопистом, вдохновившимся идеями Жана Батиста Жозефа Фурье и Людвиг Андреаса Фейербаха, забывая указать на то, что он оригинальный русский мыслитель со своей системой философских взглядов, что не только западная культура была «оплодотворена» его ищущим разумом. В его трудах нашлось место русским писателям, литературным критикам, журналистам. «Очерки гоголевского периода русской литературы» – книга о гоголевском направлении в русской словесности, первая история русской литературной критики. В молодости Чернышевский проявил интерес к татарскому, арабскому и персидскому языкам.

Он типичный «шестидесятник», попович, который после кризиса религиозных взглядов начинает опираться на данные естественных наук, научное мировоззрение, закон причинности, объективный характер природы. Его философский монизм продиктован «антропологическим принципом», «естественными потребностями» индивида, «общественными привычками и обстоятельствами». Для того чтобы личность получила всестороннее развитие, чтобы победить бедность, необходимо изменить условия жизни в стране, и сделать это можно

посредством радикальной социальной перемены, «перемены декораций». Но такой ли революции, как произошла в России? Я разделяю точку зрения исследователей (А. А. Демченко, В. К. Кантор), которые считают, что Чернышевский не был автором прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1861), хотя бы потому, что он отвергал всякую деструктивную борьбу за существование в отношении к человеку, придерживаясь теории творческого приспособления Жана Батиста Ламарка. Революционизм Чернышевского носил больше *сентиментально-гуманистический* характер: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда её, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д.»¹. Собственно профессиональным революционером он не был и не мог быть по складу своего характера.

Чернышевский не ограничивал стремлений человеческой природы к удовлетворению своих потребностей (идея личного преуспевания, счастья), к удовольствиям вследствие недостаточности. В этом смысле он последователь воззрений британских философов Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля. Чернышевский провозгласил заимствованный из европейской философии этический принцип «разумного эгоизма». Он борец с аристократией, высказывался также против буржуазной и либеральной морали. Протоиерей Георгий Флоровский подметил об эпохе 1860-х гг.: «“Метафизика” казалась слишком холодной и черствой, на её место ставили “этику” или мораль, – подменяли вопрос о том, *что есть*, вопросом о том, чему быть *должно*. В этом уже был некий утопический привкус...»² Богословские догматы и христианские истины переводили на язык этики. А ее приспособляли к утилитарным задачам. Этим занимался и Чернышевский в романе «Что делать?».

«Новые люди» – это люди «безукоризненной честности», обладающие личным достоинством, труженики, «натуры» активные, свободные, сильные, умные, которые стремятся к личному счастью и общественному благу, берутся за настоящее дело, оптимистичны и устремлены в будущее. Они придерживаются понятий *должного* и *разумного* и вместе с тем не лишены слабостей, наслаждаются чувством, веселятся. Это Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Катя Полозова. Только Рахметов выходит за рамки «обыкновенных людей», изображен в романе как носитель предельных качеств: аскетизма, твердости воли, прямолинейности, богатырской силы, правды, пользы не для себя, а для человека вообще. Хотя и у него есть «гнусная слабость» – «хорошие сигары».

В. К. Кантор справедливо пересматривает сложившийся общественно-революционный взгляд на «новых людей» Чернышевского:

¹Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939. Т. 1. С. 356–357.

²Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. Репринт. Киев, 1991. С. 292.

«новые люди как подвижники», которые приняли основные принципы христианства¹. Биография Чернышевского, особенно его пребывание в Сибири, Вилуйске, являет собой христианский аскетизм в жизненных проявлениях и необыкновенную стойкость.

Необходимо признать тот факт, что элементы христианского мирозерцания плотно вплетены в утопические теории Чернышевского, а иногда и прямо соотносятся с Евангелием. Священное Писание мыслитель, конечно, знал почти дословно при той силе памяти и владения языками, что у него были. Надо добавить, что и Л. Фейербах не отказался от использования образа Христа как символа братской любви (но без распятия и воскресения). Необходимо понимать, что в России распространялось филаретовское христианство официального православия, «Катехизиса». Православная мысль А. А. Хомякова и других славянофилов была воспринята чрезвычайно узким кругом московских кружков. Но было и то переосмысление истин Священного Писания и Священного Предания, что усиливало общую тенденцию к секуляризации, возникновению самостоятельной русской философии, питавшейся из разных источников, славяно-русских и европейских. Не случайно Вл. С. Соловьев считал основной тезис магистерской диссертации Чернышевского «прекрасное есть жизнь» «первым шагом к положительной эстетике», так как этим превращались в эстетический объект сама объективная реальность, глубины этой реальности, предметы и явления окружающего нас мира.

Мистика религиозного чувства не может быть окончательно изжита даже в социалистических доктринах и теориях, образах художественных произведений (аллюзии, пародийность). Чернышевский же отвергал мистицизм как условие существования русской мысли. Он взял на вооружение социалистические теории обобществления труда в коллективе, артели, товариществе. Он не выступал против и крестьянской общины. Как известно, Карл Маркс признавал Чернышевского выдающимся экономистом. Мифологизация его образа русскими марксистами, Г. В. Плехановым, В. И. Лениным, советской историографией, сведение его работ к идеям исторического материализма умалили саратовский источник мирозерцания Чернышевского – практику служения его отца, Гавриила Ивановича, таинства, церковную литургию, богословские и богослужебные книги.

В этой связи была бы очень значимой выставка, посвященная старинным храмам, построенным вдоль Волги, времен юности Чернышевского. Отец благословил сына на учебу в Петербургском университете, а не в духовной академии. Какие настроения царили в саратовском духовенстве, среди священников и преподавателей духовного училища и семинарии, ближайшего круга Г. И. Чернышевского в 1840-е гг., как обсуждались петербургские и московские новости, об этом предстоят дальнейшие разыскания. Саратовские адреса

¹См.: Кантор, В. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М. ; СПб., 2016. С. 341–346.

Чернышевского, дома, которые он посещал, надо включать в память городской культуры, туристические маршруты, презентации. Особая традиция саратовской «умственной жизни» XIX в. – *разночинский демократизм*. Его надо заново исторически осмыслить на примере волжской провинции.

Крупнейший философ XX в., религиозный мыслитель Семен Людвигович Франк родился в Москве, но ключевой период его жизни, годы революции и Гражданской войны, оказался связанным с Саратовом. Здесь он еще в 1908 г. женился на Татьяне Сергеевне Барцевой, дочери управляющего пароходного предприятия «Восточное общество товарных складов», а с 1917 по 1921 г. был профессором Саратовского университета, первым деканом вновь открытого историко-филологического факультета, таким образом став зачинателем высшего гуманитарного образования в нашем городе. Статья С. Л. Франка «De profundis» из знаменитого сборника «Из глубины» писалась в Саратове в 1918 г. Сохранились по крайней мере два дома, в которых он жил в городе своей жены. В дом Барцевых на улице Никольской (Радищева) против Константиновской (Советской) захаживал задолго до Франка Н. Г. Чернышевский. В национализированном доме И. Я. Славина на Угодниковской улице (ныне Ульяновская, 9) профессор Франк жил в тяжких условиях, топя буржуйку дровами, в годы Гражданской войны. Его как идейного оппонента советская власть в лице Ленина и Л. Троцкого выслала за пределы России в 1922 г. Всю жизнь в эмиграции он хранил паспорт, выданный ему в 1918 г. Саратовским университетом, так и не сменив свое гражданство. Сегодня одна из аудиторий философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского носит имя Франка, в университетских стенах прошли две конференции по изучению творческого наследия этого философа, вышел сборник неизвестных рукописных материалов «С. Л. Франк. Саратовский текст» (Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006).

Франк был тем философом, который развенчал в сборнике «Вехи» гибельную утилитарную мораль русской интеллигенции, её зная во все предреволюционные десятилетия. В главе «Что делать?» из книги «Смысл жизни» (1926) он глубоко сомневается, как можно отвечать на вопрос «когда-то прогремевшего романа Чернышевского», предлагая общее *дело*, которым осмысляется жизнь и спасается мир, рекомендовать средства, опуская цель. Русская интеллигенция заменила вопрос о смысле жизни вопросом «Что делать?» Не самонадеянность ли это человеческого разума, «ересь утопизма»? Но «единственная религиозно оправданная и не иллюзорная постановка вопроса “что делать?” сводится не к вопросу о том, как мне спасти мир, а к вопросу, как мне приобщиться к началу, в котором – залог спасения жизни. Заслуживает внимания, что в Евангелии не раз ставится вопрос “что делать?” именно в этом последнем смысле. И ответы, на него даваемые, постоянно подчеркивают, что “дело”, которое здесь может

привести к цели, не имеет ничего общего с какой-либо “деятельностью”, с какими-либо внешними человеческими делами, а сводится всецело к “делу” внутреннего перерождения человека через самоотречение, покаяние и веру»¹. Вот это «приобщение» к чему-то намного большему, чем самочинный человек, противоречит *гуманитаризму* и *антропологическому принципу*. Гуманизм не может быть безрелигиозным, не освященным высшей инстанцией – Божеством. Франк не раз говорил, что через головы своих отцов «шестидесятников» он протягивает руку дедам – «людям сороковых годов» – с их углубленным духовным деланием.

Русскую революцию и гражданскую войну Франк оценивал по своим личным впечатлениям. Он не видел реальных сражений, хотя отчетливо слышал с левого берега Волги, где находился в немецких колониях, звуки боев под Бальцером (ныне Красноармейск) в 1919 г. Перед его взором прошли многие события и социальные движения той эпохи в провинции, Саратов и Саратовской губернии: октябрьский переворот, «сплошная социализация», «уплотнения», репрессии ВЧК, расстрелы «заложников», голод, дровяной кризис, принудительные работы, эпидемия тифа, а также ущемление прав интеллигенции, профессуры, приход «красных профессоров», – и за всем этим он увидел пробуждение колоссальной энергии разнузданной крестьянской массы и сравнил ее с «пугачевщиной».

Франк не считал, что гражданская война сводится к героической борьбе белых с красными (как и наоборот), споря со своим другом П. Б. Струве в эмиграции. В статье «Религиозно-исторический смысл русской революции» философ писал: «Русская революция произведена в конечном счете крестьянами. . . » Но у нее есть и свои вожди: «Революция всегда осуществляется верой в ее идеалы активного меньшинства народа, образующего ядро ее участников, и всегда разнуздывает темный вихорь порока, бесчинства и корысти. Так было и в России. Сколько бы бессмысленного разрушения и чисто эгоистических корыстных действий не происходило в революцию, ее подлинной силой была некая бескорыстная вера, порыв к какой-то объективной правде, и ее успех был определен стойкостью и бескорыстным самоотвержением фанатических служителей этой веры»².

Таким образом, Франк признал революцию явлением духовного порядка, это «жажда самочинности», потеря религиозной цельности, не любовь к свободе, а анархия и деспотизм, отрицание ценности личности, «нигилистический рационализм».

По поводу саратовских событий октября – ноября 1917 г. Татьяна Сергеевна Франк-Барцева вспоминала: «Никакого восстания в Саратове не было. Это как-то, по-видимому, путем декретов, какого-то внутреннего большевистского самоуправления было произведено. Но было

¹ Франк, С. Л. Смысл жизни. Брюссель, 1976. С. 40.

² Франк, С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 123.

просто восстание населения, которым руководили эсеры или меньшевики, оно продолжалось сутки. Были баррикады, были выстрелы, были раненные, на стороне социалистов-революционеров участвовал мой брат (Николай Барцев. – А. Г.) и пришел потом страшно огорченный, оттого что победили большевики. И я сама, еще не наученная никаким горьким опытом, выйдя на улицу утром, наблюдала толпу человек в двадцать, которая шла с винтовками – все страшно мрачные, и у меня хватило наивности или глупости спросить, чья взяла. Они посмотрели на меня очень зло и ни слова мне не ответили. И из этого я поняла, что взяла не наша сторона, а они. Тогда я впервые поняла, что господами положения стали большевики»¹.

Сила воздействия переживаемого момента истории заставляет самого Франка от констатаций внешней реальности перейти к внутреннему состоянию души, к исповеди (из письма Франка к М. О. Гершензону от 12 декабря 1917 г., Саратов): «Живем, мы, конечно, очень плохо, во власти темной озлобленной толпы, как и всюду. При нормальных условиях здесь можно было бы ужиться, найти 2–3 человек, с которыми можно потолковать и плодотворно работать в университете, но теперь действительно тяжело во многих отношениях. Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству и к самой жизни. Мысль по привычке работает – многое хотелось бы сказать, но кому – и для чего? Кроме того, все слова, на которые мы способны, кажутся ничтожными перед лицом пережитого. Не для того, чтобы помочь и спасти, – это уже поздно, – но чтобы осмыслить и оценить свершившееся, нужно иметь язык пророков. Мне кажется, что наши слабые интеллигентские души просто не приспособлены к восприятию мерзостей и ужасов в таком *библейском* масштабе, и могут только впасть в обморочное оцепенение. И исхода нет, п<отому> ч<то> нет больше родины. Западу мы не нужны, России тоже, п<отому> ч<то> она сама не существует, оказалась ненужной выдумкой. Остается замкнуться в одиночестве стоического космополитизма, т<о> е<сть> пытаться жить и дышать в безвоздушном пространстве. Так когда-то жил Герцен. Невесело!»².

Имя Георгия Петровича Федотова, историка-медиевиста, религиозного мыслителя, меньше всего известно саратовцам. Он удостоился лишь мемориальной доски на здании Саратовской областной научной библиотеки, да и то по инициативе московского фонда «Либеральное наследие». Между тем Г. П. Федотов родился в Саратове в семье правителя дел губернской канцелярии при губернаторе А. А. Зубове (его супруга была крестной матерью мальчика). Учился в Воронежской Николаевской гимназии на родине отца, скоропостижно скончавшись. Летние впечатления он получал в гостях у тети на даче близ

¹ Действительно свободные. Татьяна Сергеевна Франк о первых годах революции / подгот. текста и публ. И. Толстого // Русская жизнь. 2007. 23 ноября.

² С. Л. Франк. Из писем М. О. Гершензону (1912–1919) / публ. М. А. Колерова // De visu. 1994. № 3/4. С. 29.

станции Разбойщина (ныне Жасминная) под Саратовом. Возвратился сюда в 1905 г., принимал здесь участие в революционной деятельности, сходках, был успешным агитатором социал-демократических кружков берегового района среди рабочих, выдвинулся в руководящие органы РСДРП – член саратовского городского комитета (1906 г.). Его ближайшим товарищем был Георгий Ипполитович Оппоков (псевдоним Ломов, фамилия легендарного Никитушки Ломова – Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?»). Квартира Федотовых располагалась в доме № 114 по Константиновской улице; мать Георгия Петровича – учительница музыки Елизавета Андреевна Иванова – дожила до 1930-х гг. Один из братьев Т. С. Франк Николай Барцев дружил с Г. П. Федотовым. Все это не случайно исторически пересеклось.

Будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, погружаясь в средневековую историю на семинарах И. М. Гревса, Федотов постоянно поддерживал легальную и нелегальную связь с саратовской социал-демократической организацией вплоть до своего ареста и добровольной высылки в Германию, как оказалось, для подготовки к профессорскому званию. Удивительно либерально относилась к революционерам «царская охранка»! По возвращении в Россию в 1914 г. Федотов становится приват-доцентом Петроградского университета по кафедре средних веков и одновременно сотрудником Публичной библиотеки. В действующую армию не взят из-за политической неблагонадежности. В это время происходит его окончательный разрыв с революционным движением, участие в религиозном кружке А. А. Мейера «Воскресенье».

Юношеским увлечением, невзаимной любовью и многолетней дружбой, перепиской Г. П. Федотов был связан с Татьяной Юлиановной Дмитриевой, преподавателем истории в гимназиях Саратова, так же, как и он, ученицей И. М. Гревса. Когда открылся историко-филологический факультет, Федотов стремился в родной город. Из письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой, 14 апреля 1918 г.: «На днях я послал Франку заявление о своей кандидатуре в Саратовский университет. Тебя это удивляет? <...> Если у меня не будет серьезных конкурентов, то твое желание видеть меня в Саратове исполнится. Я сам этому очень рад, хотя именно за последний год сжился с Петроградом и пустил корни. Меня все-таки тянет теперь к близким людям, к солнцу, к родному воздуху, к Волге. Здесь я целую вечность должен дожидаться возможности выступить перед академической аудиторией, и работоспособность у меня здесь гораздо ниже, чем в Саратове»¹. Переговоры об избрании Г. П. Федотова доцентом-медиевистом велись с И. М. Гревсом, закончившись не в пользу Саратовского университета. Стремление Федотова преподавать в Саратове осуществилось только в 1920 г.

¹ Федотов, Г. П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2008. Т. 12. С. 216–217 (Публ. А. В. Антощенко).

В 1920–1922 гг. Федотов был профессором истории на факультете общественных наук (ФОН) Саратовского университета, отойдя от революционных идеалов своей молодости и идейно не приняв новую власть. В Саратове он читал общий курс истории Средних веков, руководил семинарием по истории духовной культуры эпохи Меровингов и Каролингов. Для студентов Саратовского института народного хозяйства он читал лекции по истории экономического быта стран Западной Европы в Средние века. Активно работал в Обществе археологии, истории и этнографии и был директором Музея общественного и революционного движения. По воспоминаниям Е. Н. Кушевой, «в Саратовском университете он попробовал организовать религиозный кружок... Об этом кружке стало известно, он был распущен, но никто из членов кружка не был исключен из университета»¹.

Федотов посещал в Саратове заседания краеведческого общества ИСТАРХЕТ, занимался музейной деятельностью. Жил он, как и Франк, на Угодниковской улице в бывшем доме Славина (тогда № 5, ныне № 9) с женой Еленой Николаевной Нечаевой и приемной дочерью Ниной (от первого брака Нечаевой). Два раза переболел тифом. Вступил в конфликт с коллегами по университету из-за лицемерной общей поддержки советских «обрядов» и символов, пения «Интернационала». Затем перебрался в Петроград, занимался переводами.

В 1925 г. покинул СССР, оставшись в Германии. Довольно быстро переехал в Париж. Научная карьера медиевиста во Франции была практически невозможна. Общение с бывшим саратовским коллегой – философом В. Э. Сеземаном – привело его в евразийское издание «Версты». Затем он печатался в крупнейших журналах русского зарубежья, издавался на европейских языках. Предвоенные годы Федотов провел, будучи профессором Свято-Сергиевской богословской академии (Сергиевское подворье в Париже), автором трудов по истории русской святости и народной веры, снискав себе славу одного из лучших публицистов русского зарубежья. Последние годы жизни Федотов преподавал в Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке, создавая труды по истории русской духовной культуры.

В эмиграции Федотов писал в «Письмах о русской культуре» («Создание элиты»): «В известном смысле можно сказать, что большевизм был возвращением к традициям 60-х годов. Конечно, в нравственном смысле нельзя и сравнивать Ленина с Чернышевским. Но умственный склад их был сходен, недаром Чернышевский вошел в творимую легенду революции, как предтеча большевизма»². Федотов как редактор журнала «Новый град» отстаивал синтез социализма, либерализма и христианства, церковного экуменизма. Вот в этом элементе социализма, народоправства он не изменил устремлениям своей

¹ Кушева, Е. Н. Воспоминания / послесл. А. И. Клибанова // Отечественная история. 1993. № 4. С. 132.

² Федотов, Г. П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 400.

мятежной юности, хотя был одним из выразителей «пореволуционного сознания».

В другой работе «Схема революции» он не упоминает Чернышевского, когда говорит о духовном происхождении «аскетического имморализма» – «каменности сердца» Ленина и большевиков: «Впрочем, этот аскетический имморализм имел и русские корни: он восходил, через народничество с его морализмом, к нигилизму 60-х годов. Большевики учились этике у Писарева, тактике – у Нечаева. Бакунин, Ткачев, Нечаев – вот линия предков Ленина»¹. Федотов глубоко и точно характеризует движущие силы революции и Гражданской войны. В партии Ленина он видит «не менее шести слоев» в процессе ее роста. Здесь и опыт социал-демократический, и международный коммунизм, и военная составляющая, и народный – рабоче-крестьянский, и полицейский – от старого режима, и «нео-демократический»².

А вот как Федотов оценивает итог деятельности Ленина: «Он один сделал возможным эту фантастическую спайку интернационалистов, инородцев, русских подпольщиков, экстернов, рабочих, солдат и мужиков. И не спайку, а сплав, литой и твердый, самый твердый в политической истории России. Распад России совершился бы без Ленина, хотя он сделал все, что мог, чтобы его ускорить. Но построение СССР из ее развалин – дело его рук, его личное дело. <...> Ленин – единственная биография русской революции, но без этой биографии она теряет всякое правдоподобие»³.

Без христианского покаяния за произведенную революцию, причем от лица всех ее движущих сил, не только русского народа, невозможно, по мысли Федотова, возрождение России.

В год 100-летия русской революции стоит присмотреться к волнующим страницам трех саратовских мыслителей: их размышления могут прояснить истоки современных социально-политических процессов, уроки прошлого, предвосхитившие будущие события. Они неотъемлемая часть нашей городской духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Действительно свободные. Татьяна Сергеевна Франк о первых годах революции / подг. текста и публ. И. Толстого // Русская жизнь. 2007. 23 ноября.

Кантор, В. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского / В. Кантор. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Кушева, Е. Н. Воспоминания / Е. Н. Кушева; послесл. А. И. Клибанова // Отечественная история. 1993. № 4.

Федотов, Г. П. Собр. соч. : в 12 т. / Г. П. Федотов. Москва : Sam & Sam, 2008–2013.

¹Федотов, Г. П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2011. Т. 5. С. 67.

²Там же. С. 66.

³Там же. С. 72.

Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. Репринт. Киев : Христианская благотворительная организация «Путь к истине», 1991.

Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк. Брюссель : Жизнь с Богом, 1976.

Франк, С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк ; сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. Санкт-Петербург : Наука, 1996.

С. Л. Франк. Из писем М. О. Гершензону (1912–1919) / С. Л. Франк ; публ. М. А. Колерова // De visu. 1994. № 3/4.

Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Гослитиздат, 1939. Т. 1.

Е. В. Бессчетнова

«СЕБЯЛЮБИЕ» АРИСТОТЕЛЯ И «РАЗУМНЫЙ ЭГОИЗМ» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

После ареста, находясь в Петропавловской крепости, Н. Г. Чернышевский размышлял о своих творческих планах и обдумывал содержание своих будущих трудов. Он собирался написать «Историю материальной и умственной жизни» человека, «Критический словарь идей и фактов», «Энциклопедию знания и жизни». В своем письме от 5 октября 1862 г. к жене он отметил, что последнюю работу планирует написать в самом легком виде – почти романа, с анекдотами, сценами, остротами специально для людей, которые, кроме романов, ничего и не читают. Письмо он закончил следующими словами: «Надобно разъяснить им, в чём истина и как следует думать и жить. Со времен Аристотеля не было сделано ещё никем того, что я хочу сделать, и я буду добрым учителем людей в течение веков, как был Аристотель»¹.

В «Антропологическом принципе в философии» Чернышевский назвал Аристотеля и Спинозу одними из немногих мыслителей, которые следовали антропологическому принципу, хотя и не употребляли этого термина для характеристики своих воззрений на человека. В 1854 г. в девятом номере журнала «Отечественные записки» была опубликована статья Чернышевского об аристотелевской «Поэтике», в которой он показал себя знатоком античной философии и древнегреческого языка. Чернышевский действительно прекрасно ориентировался в классической античной литературе, в своих статьях очень часто цитировал Платона и Аристотеля.

Но при этом, выбирая между концепциями двух античных гениев, Чернышевский первенство отдавал Аристотелю. Почему именно ему? Почему он все-таки хотел стать вторым Аристотелем, а не вторым Платоном? Дело в том, что о создании нового государственного строя, как Платон, Чернышевский не думал. Идея строительства идеального государства, пусть даже основанного на принципах справедливости, такого,

¹Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 14. С. 456.

в котором нельзя убить Сократа, т. е. философа, мудрейшего из людей, ему не была близка. Чернышевский хотел быть, прежде всего, исследователем, а самое главное учителем, наставником человека на пути его личностного развития. Иными словами, центральным пунктом его идей был не новый строй, а новый человек. Чернышевский вслед за Аристотелем очень точно умел отделять «должное» от «сущего», идеал от действительности. Благо для него не было трансцендентным и труднодостижимым. Оно имманентно и существует в материальном мире в виде отдельных добродетелей. В «Никомаховой этике» Аристотель писал, что благо – это цель человеческой деятельности, акцентируя, что нравственная деятельность, в свою очередь, должна быть направлена на самого человека, на развитие его способностей, духовно-нравственных сил и, как следствие, на совершенствование его жизни. Жизнь для древнегреческого философа была благом и удовольствием, ибо это видно из того, что «все стремятся к ней, и особенно добрые люди и блаженные»¹. Это утверждение Аристотеля в полной мере соотносимо с тезисом Чернышевского «Прекрасное есть жизнь». Повсюду жизнь – вот основной пафос мыслителя. При этом наивысшую ценность составляет жизнь человека, которую Чернышевский определял как постоянное духовное усилие во времени, чтобы оставаться живым. Ведь всегда как внутри человека, так и вне него будут присутствовать некие мертвые отходы, от которых необходимо избавляться деятельным усилием воли.

Аристотель писал, что жизнь обязательно должна быть определена, ибо определенность принадлежит самой природе блага, а вот «ни плохую жизнь, ни расстрелянную жизнь, ни жизнь в страданиях не следует принимать во внимание, потому что такая жизнь лишена определенности, так же как и ее содержание»².

Древнегреческий философ был убежден, что вся деятельность человека должна быть направлена на достижение именно счастливой жизни, которая и есть высшее благо. Для Аристотеля она представляется собой жизнь в созерцании, жизнь в теоретической деятельности. Именно при *vita contemplativa* может быть воплощена в полной мере нравственная красота, которая заключается в непрерывной деятельности ума. На пути к жизни созерцательной человек развивает свои наилучшие способности³. Аристотель был убежден в том, что разум (ум) ведет человека к прекрасному и божественному, «будучи то ли само божественным, то ли самой божественной частью в нас...»⁴.

В свою очередь о счастье в «Никомаховой этике» Аристотель писал как о нечто общем для многих, так как «благодаря своего рода

¹Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. М., 1984. С. 261.

²Там же.

³См. об этом: Кессиди, Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения. С. 10.

⁴Аристотель. Указ. соч. С. 251.

обучению и усердию оно может принадлежать всем, кто не увечен для добродетели. А если быть счастливым так лучше, чем случайно, то разумно признать, что так и бывают счастливыми»¹. Чернышевскому и этот тезис был близок, неслучайно он одну из глав романа «Что делать?» завершил следующими словами: «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нём, и путь лёгок и заманчив, попробуйте! – развитие, развитие. Наблюдайте, думайте, читайте тех, которые говорят вам о чистом наслаждении жизнью, о том, что человеку можно быть добрым и счастливым. Читайте их – их книги радуют сердце, наблюдайте жизнь – наблюдать ее интересно, думайте – думать завлекательно. Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается – их не нужно. Желайте быть счастливыми – только, только это желание нужно. Для этого вы будете с наслаждением заботиться о своём развитии; в нём счастье. О, сколько наслаждений развитому человеку! Даже то, что другой чувствует как жертву, горе, он чувствует, как удовлетворение себе, как наслаждение, а для радостей так открыто его сердце, и как много их у него! Попробуйте – хорошо!»². Чернышевский видел счастье в преобразении и развитии личности. Аристотель под счастьем понимал деятельность, которая «возникает, а не наличествует»³. Во второй книге «Никомаховой этики» он даёт своё классическое определение счастью: «Счастье – это некая деятельность души в полноте добродетели»⁴.

Под добродетелью Аристотель понимал «способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий»⁵. Далее он добавлял, что «добродетель имеет дело с удовольствиями и страданиями, что она возрастает благодаря тем поступкам, благодаря которым она возникла, но она гибнет, если этих поступков не делать, и деятельность её связана с теми же поступками, благодаря которым она возникла»⁶. В свою очередь, поступки, которые соответствуют добродетели, возможны только в результате сознательного выбора и доставляют удовольствие сами по себе: «Более того, они в то же время добры и прекрасны, – пишет Аристотель, – причем и то и другое в высшей степени, если только правильно судит о них добропорядочный человек»⁷.

Чернышевский также показал, что быть добродетельным не просто хорошо, но еще и выгодно, так как именно добродетельные поступки ведут к счастливой жизни. В «Антропологическом принципе

¹ Аристотель. Указ. соч. С. 251.

² Чернышевский, Н. Г. Что делать? СПб., 2014. С. 289.

³ Аристотель. Указ. соч. С. 260.

⁴ Там же С. 74.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 67.

в философии» он так говорил о «цели, которая предписывается человеку <...> рассудком, здравым смыслом, потребностью наслаждения: эта цель – добро. Расчетливы только добрые поступки; рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр»¹. Герои романа «Что делать?», совершая добродетельные поступки, также становятся счастливее. Не случайно Николай Страхов свой отзыв на роман озаглавил «Счастливые люди». Но стоит отметить, что ни для Аристотеля, ни для Чернышевского одни только добродетельные поступки недостаточны для преобразования личности. Кроме них, необходимо и «известное душевное состояние», благодаря которому человек поступает сознательно и разумно. Иными словами, чтобы быть счастливым, необходимо быть добродетельной личностью, каждое действие которой было бы «целью самую по себе». Аристотель писал: «Для добропорядочного человека предмет желания – истинное благо, для дурного – случайное»². Этот тезис Аристотеля очень точно раскрыл Чернышевский на примере матери Верочки в романе «Что делать?». Она любит Верочку, желает для неё и себя блага, но заботится, прежде всего, о быте, а не духе, её благо случайное, изменчивое, непостоянное, направленное на материальные вещи. Новые люди Чернышевского по природе своей стремятся к добру и счастью. Но главное, что стоит отметить, говоря о новых людях, это то, что счастливая жизнь для них невозможна в одиночестве. Чернышевский полагал, что человек не может быть счастлив «сам с собой». Только в общении с другими людьми он раскрывается как свободная личность, этот тезис мыслитель перенял у Аристотеля, который, в свою очередь, в «Никомаховой этике» писал: «Счастливый человек должен жить с удовольствием. Однако для одиночки жизнь тягостна, потому что трудно непрерывно быть самому по себе деятельным, зато с другими и по отношению к другим это легко»³.

Аристотель выделяет три рода дружбы: дружба из-за пользы, дружба ради удовольствия и, наконец, дружба двух добродетельных личностей, когда питающие дружбу желают благ друг другу просто потому, что они друзья. Философ описал совершенную дружбу следующим образом: «Совершенная же дружба бывает между людьми добродетельными и по добродетели друг другу подобными, ибо они одинаково желают друг для друга собственно блага постольку, поскольку добродетельны, а добродетельны они сами по себе. А те, кто желают друзьям блага ради них, друзья по преимуществу. Действительно, они относятся так друг к другу благодаря самим себе и не в силу посторонних обстоятельств, потому и дружба их остается постоянной, покуда они добродетельны, добродетель же – это нечто постоянное»⁴.

¹Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1950. Т. 7. С. 291.

²Аристотель. Указ. соч. С. 105.

³Там же. С. 261.

⁴Там же.

Учение о дружбе Аристотеля – это не только учение об отношении между людьми, это также учение о том, как человек должен, прежде всего, относиться сам к себе, а потом уже к другим, о том, как человек должен соотносить собственное благо с чужим благом. В девятой книге Аристотель задает принципиальный вопрос для построения правильных отношений между людьми: «Сложен и такой вопрос: к кому нужно питать дружбу в первую очередь – к самому себе или к кому-то другому? В самом деле, тем, кто в высшей степени себя любит, ставят это в вину и в посрамление зовут себялюбцами, и считается, что дурной человек все делает ради самого себя, причем тем больше, чем хуже, добрый же совершает поступки во имя прекрасного и тем больше, чем он лучше, причем ради друга, а своим пренебрегает»¹. Аристотель убежден, что человек относится к другим так же, как к себе, поэтому совершенная дружба между людьми возможна только в том случае, когда каждый из них находится в согласии с самим собой: «Действительно говорят, что в первую очередь следует питать дружбу к тому, кто является другом в первую очередь, а друг в первую очередь – тот, кто, желая кому-то собственно благо, желает их ради самого того человека, даже если никто об этом не узнает. Между тем эти свойства имеются у человека, прежде всего в отношении его к самому себе, так же как и все остальные признаки, по которым определяют друга; было ведь сказано, что все проявления дружбы из отношения к самому себе распространяются на отношение к другим. К самому себе в первую очередь следует питать дружескую приязнь»². Таким образом, Аристотель подчеркнул свою мысль о том, что человек всегда должен поступать ради блага для самого себя. Философ выделяет два вида себялюбцов. Первый вид – это себялюб порицаемый, тот который уделяет себе большую долю в имуществе, почестях и телесных удовольствиях. Второй вид – это себялюб, которого таковым обычно никто не называет, так как он совершает поступки правосудные и благоразумные. Но Аристотель отмечает, что именно такого человека и следует называть себялюбом, потому что «он уделяет себе самые прекрасные и первейшие блага и угождает самому главному в себе, во всем ему, повинуюсь; и как государство и всякое другое образование – это, прежде всего, его главнейшая часть, так и человек; выходит, что себялюбом в высшем смысле является в первую очередь человек, дорожащий этой частью себя и угождающий ей»³.

Чернышевский же, в свою очередь, полагал, что человеческий эгоизм – это данность, от него избавиться невозможно, но его можно перевести на разумную почву и искать, прежде всего, постоянных истинных благ, а не сиюминутных, кратковременных наслаждений. В «Антропологическом принципе в философии» мыслитель писал: «Люди видели

¹ Аристотель. Указ. соч. С. 261.

² Там же.

³ Там же. С. 257.

по опыту, что каждый человек думает все только о себе самом, заботится о своих выгодах больше, нежели о чужих, почти всегда приносит выгоды, честь и жизнь других в жертву своему расчету, – словом сказать, каждый из людей видел, что все люди – эгоисты. В практических делах все рассудительные люди всегда руководились убеждением, что эгоизм – единственное побуждение, управляющее действиями каждого, с кем имеют они дело»¹. Далее он подчеркнул: «Мы не станем говорить о тех действиях и чувствах, которые всеми признаются за эгоистические, своекорыстные, происходящие из личного расчета; обратим внимание только на те чувства и поступки, которые представляются имеющими противоположный характер: вообще надобно бывает только всмотреться попристальнее в поступок или чувство, представляющиеся бескорыстными, и мы увидим, что в основе их все-таки лежит та же мысль о собственной личной пользе, личном удовольствии, личном благе, лежит чувство, называемое эгоизмом»². Иными словами, Чернышевский вслед за Аристотелем был убежден, что в основе всех поступков человека лежит стремление к наслаждению, удовольствию, эвдемонии. Но при этом источники получаемых наслаждений делятся на два вида: пустые, мимолетные состояния и факты, составляющие основу нашего существования. Так, к примеру, свободные граждане независимой страны умрут на поле боя, только чтобы не попасть в руки врага, потому что для них высшее благо – это свобода. Аристотель же отметил, что истинный себялюб через все свои поступки стремится к нравственной красоте: «Правда о добропорядочном заключается в том еще, что он многое делает ради друзей и отечества и даже умирает за них, если надо: он расточит имущество и почести и вообще блага, за которые держатся другие, оставляя за собой лишь нравственную красоту <...> Это, вероятно, и происходит с теми, кто умирает за других: они в этом случае избирают то, что для них самих есть величие и красота»³.

Естественное себялюбие Аристотеля и разумный эгоизм Чернышевского не могут быть отождествлены с чистым эгоизмом, ведь «эгоизм заключается не просто в любви к себе, а именно в чрезмерной любви»⁴. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» писал: «Искать счастья в эгоизме – ненатурально, и участь эгоиста нимало не завидна: он урод, а быть уродом неудобно и неприятно»⁵. Так на примере героев романа «Что делать?» Чернышевский наглядно показал, как эгоизм можно перевести на разумную почву и видеть благо для себя во благе других людей. Они все следуют аристотелевской формуле и к другу относятся, как к самому себе. Но вот

¹Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1950. Т. 7. С. 292.

²Там же.

³Аристотель. Указ. соч. С. 260.

⁴Там же. С. 259.

⁵Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1950. Т. 3. С. 131.

Лопухов, пожалуй, единственный герой романа, который в наибольшей степени и в каждом своем поступке следует принципу разумного эгоизма, исходит из другой формулы: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Он любит Верочку так же, как самого себя, поэтому помогает ей бежать из родительского дома и начать новую жизнь, осознав, что она любит другого, отказывается от неё, от своей старой жизни, своего имени, инициирует самоубийство и уезжает на другой континент. Чернышевский очень точно на примере Лопухова показал, как любовь становится той самой главной силой, с помощью которой преодолевается эгоизм. Об этом позже в своей работе «Смысл любви» написал Вл. С. Соловьёв, отметив, что «любовь больше чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность. Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, т. е. свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его»¹. Чернышевский на протяжении всей своей жизни был убежден, что только любовь действительно подрывает эгоизм. В любви человек познает другого и себя через другого, научается жить не только в себе, но и в другом, наделяет его безусловным значением, видит в нем личность, при этом сохраняя своё собственное безусловное значение. В данном контексте исток принципа разумного эгоизма Чернышевского стоит искать не в работах Милля, Фейербаха или Аристотеля, а в Святой книге (Ветхом и Новом Завете)².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // *Аристотель*. Сочинения / Аристотель. Москва : Мысль, 1984.

Кантор, В. К. «Срубленное дерево жизни». Судьба Н. Г. Чернышевского / В. К. Кантор. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Кессиди, Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля / Ф. Х. Кессиди // *Аристотель*. Сочинения / Аристотель. Москва : Мысль, 1984.

Соловьёв, Вл. С. Смысл любви / Вл. С. Соловьёв. Москва : Азбука Аттикус, 2016.

Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Гослитгиздат, 1939–1953. Т. 7, 14.

Чернышевский, Н. Г. Что делать? / Н. Г. Чернышевский. Санкт-Петербург : Лениздат, 2014.

¹Соловьёв, Вл. С. Смысл любви. М., 2016. С. 79.

²См. об этом: Кантор, В. К. «Срубленное дерево жизни». Судьба Н. Г. Чернышевского. М. ; СПб., 2016. С. 496.

АНГЛИЙСКИЙ УТИЛИТАРИЗМ И «ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Нам кажется, что сейчас в России английский утилитаризм не пользуется большой популярностью. И мало кто из исследователей обращает внимание на его основателя. Нам представляется, что И. Бентам сейчас в России ещё не достаточно оценён. Из-за этого не освещено и влияние английского утилитаризма на Чернышевского, а его идейная позиция в той части, где она связана с утилитаризмом, к сожалению, ещё не полностью изучена. Вместе с тем надо отметить, что влияние утилитаризма на формирование мировоззрения Чернышевского часто отмечалось русскими учёными в досоветский период¹. Частично невнимание советских учёных можно объяснить тем, что К. Маркс крайне отрицательно относился к английскому утилитаризму и называл Бентама «гением буржуазной глупости»². Можно сказать, что советская идеология влияла на научные условия объективного освещения английского утилитаризма.

Мы, живущие в государствах благоденствия XXI в., уже знаем, что социалистическая утопия Маркса и Энгельса не являлась последней инстанцией истории. Нам предстоит заново проанализировать идейно-философскую позицию Чернышевского в её связи с утилитаризмом, потому что утилитаризм Бентама через Милля-младшего во многом открыл теоретический путь к теории нынешних государств благоденствия.

Общеизвестно, что в отличие от последователей принципов невмешательства *laissez-faire* Бентам оправдывал вмешательство со стороны государства ради благоустройства народа. Определяя мерки хорошего и дурного или справедливого и ложного с точки зрения «пользы», он утверждал, что «известная мера правительства может быть названа сообразной с принципом пользы ... когда таким же образом стремление этой меры увеличить счастье общества больше, чем стремление её уменьшить это счастье»³.

По мнению Бентама, его теорию «пользы» можно называть «принципом величайшего счастья или благоденствие»⁴. Согласно его

¹Об этом см.: *Айзенштат, М. Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах* [Электронный ресурс] // ИСТОРИЯ.РФ [Электронный ресурс] : Главный / Федеральный исторический портал страны / Российское военно-историческое общество. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/book/n-g-chiernyshievskii-ob-anghlii-i-anghlichanakh> (дата обращения: 20.05.2018). Яз. рус. Загл. с экрана.

²*Маркс, К. Капитал* // Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 624.

³*Бентам, И. Введение в основание нравственности и законодательства* // Бентам, И. Избранные сочинения Иеремии Бентама. СПб., 1867. Т. 1. С. 3.

⁴Там же. С. 1.

теории поступок человека должен оцениваться тем, сколько «пользы» он принёс. Следовательно, так как «интерес общества – сумма интересов отдельных членов, составляющих его»¹, хорошее или справедливое законодательство правительства – то законодательство, которое имеет «своей целью наибольшее счастье наибольшего числа людей»². Таким образом, Бентам оформил известный лозунг утилитаризма: «наибольшее счастье для наибольшего числа людей». Но, к сожалению, хотя Бентам пытался установить конкретную, объективную мерку «пользы», по которой измеримо было бы благосостояние³, ему не удалось это сделать. Из-за этого утилитаризм Бентама потерял объективное основание в конкретности «пользы».

Первая рецензия Чернышевского на работу Бентама появилась в 1857 г. на страницах десятого номера «Современника», т. е. более чем через 50 лет после того, как первый перевод книги «О гражданском и уголовном законодательстве» Бентама на русский язык был выпущен в Санкт-Петербурге. Делая большие выписки из сочинения Бентама, в этой рецензии Чернышевский познакомил русских читателей с теорией Бентама.

Например, цитируя следующую фразу из Бентама, Чернышевский видел в нём критика самодержавия и произвола: «Бедствие преходящее, как бы велико оно ни было, не умерщвляет духа промышленности. Он возрождается после разрушительной войны, приведшей в бедность. . . Для умерщвления духа промышленности потребна сила внутренней и постоянно действующей причины; таковы, например, правление, не стесняющееся законами, вредные законы»⁴.

Здесь надо отметить, что после Крымской войны, в период перед предстоящими реформами, Чернышевский НЕ призывал к революции. Ссылаясь на Бентама и приводя прошедшие революционные события в Европе в качестве примера, Чернышевский отметил, что «этот способ слишком дорого обходится государству, и счастлива нация, когда прозорливость ее законодателя предупреждает ход событий» [IV, 495]. В данный момент для Чернышевского революционное преобразование не было насущной задачей России, а как ему казалось, требовалась именно «прозорливость законодателя», которая предупреждала бы революцию.

На фоне обострения общественной ситуации после Крымской войны Чернышевский познакомил читателей с Бентамом как с «одним из учнейших и глубокомысленнейших мыслителей своего века», как мыслителем, занимавшимся наукою о государстве, имеющим цель

¹Бентам, И. Введение в основание нравственности и законодательства. С. 3.

²Там же. С. 5.

³Там же. С. 30.

⁴Чернышевский Н. Г. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении // Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1948. Т. 4. С. 493. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте в квадратных скобках с указанием тома и страницы.

«облегчить действие этим способом» [IV, 495]. В этом смысле мнение Чернышевского вполне совпадает с мнением Б. Н. Чичерина, который, касаясь А. Токвиля, говорил, что «правительство современными преобразованиями всегда может предупредить переворот»¹.

В то же время, опять ссылаясь на Бентама, Чернышевский требовал свободу слова в дореформенной России: «Сравни правления, кои стесняли обнародование мыслей, с правлениями, кои давали им свободное течение. С одной стороны представится тебе Испания, Португалия, Италия, с другой – Англия, Голландия, Северная Америка. Где более процветает нравственность и благосостояние? Где чаще злодеяния? Где общежительность приятнее и надёжнее?» [IV, 497].

Здесь Чернышевский согласился с Бентамом в том, что «жестокое рабство, суетные боязни, тщетные обязанности ... печальные мысли суть препятствия к состоянию счастливому». Но ещё актуальнее то, что «народы, кои непрестанно были удерживаемы в состоянии уничтожения установлениями, противными успехам всякого рода, соделывались добычею народов, имевших перед ними сравнительное превосходство» [IV, 497–498]. Чернышевский опасался, что если правительство продолжит стеснять мысль, то Россия станет «добычею» европейских держав.

Вместе с требованием свободы слова Чернышевский требовал гласность от тогдашнего царского правительства. Цитируя Бентама, Чернышевский полагал, что «когда отчёты обнародываемы, когда подлежат они ревизии общественной, тогда не может быть недостатка ни в свидетелях, не в судьях, тогда всякая погрешность будет усмотрена, доказана обнаружена» [IV, 498]. По словам Чернышевского, «чем больше занято общество государственными делами, тем прочнее бывает правительство» [IV, 501]. Таким образом, слова Бентама Чернышевский использовал для критики русского самодержавия.

Здесь стоит обратить внимание на то, что «свобода слова и гласность» – это лозунг русских либералов². В этом смысле Чернышевского этого периода адекватнее считать реформатором, чем революционером.

На самом деле год 1857-й был важным моментом в жизни Чернышевского. В это время уже везде чувствовалось изменение социально-политической ситуации. После поражения в Крымской войне было разрешено издавать новые журналы. Облегчилась цензурная строгость. После того как Чернышевский освободился от работы над «Лессингом», как он перестал заниматься литературной критикой, он стал выступать на страницах журнала «Современник» в качестве публициста. Хотя тогда еще сохранялись цензурные меры для обсуждения

¹Чичерин, Б. Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 244.

²См.: Чичерин, Б. Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 4. С. 111–125.

крестьянского вопроса, на страницах журналов уже развернулась дискуссия вокруг русской сельской общины. По словам Чернышевского, «Лессинг и Крабб и т. п. были хороши два года назад», но уже начиналось новое время. Теперь он с нетерпением желал «писать постоянно о более живых предметах» в новых общественно-политических условиях [XIV, 341]. Он принимает участие в дискуссии о сельской общине.

Дело в том, что сразу после того, как закончилась Крымская война, вопрос вокруг русской сельской общины вызвал жаркую дискуссию. Например, славянофилы, которые до этого времени долго не имели свой печатный орган, в апреле 1856 г. получили разрешение на издание их нового журнала «Русская беседа». В первом номере этого журнала И. Д. Беляев подвергнул критике Б. Н. Чичерина и его работу «Обзор исторического развития сельской общины в России». Вслед за ним в 1857 г., в первой книжке этого года (в 5-м номере) «Русской беседы» Ю. Ф. Самарин опубликовал рецензию на магистерскую диссертацию Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». Самарин, возражая Чичерину, сказал, что русское государство не формировалось завоеванием князей и их дружин¹, а сельская община не являлась творением государственной власти².

Стоит отметить, что когда Чернышевский вступил в дискуссию о русской сельской общине, он не интересовался историческим происхождением общины и абстрактными вопросами. Он подходил к вопросу об общине с другой точки зрения, т. е. с точки зрения «пользы» и утилитаризма. Здесь он ставил вопрос о том, какие «пользы» приносит общинное пользование земли.

Как уже отмечено выше, Бентаму не удалось конкретизировать количество «пользы». А Чернышевский подходил к вопросу определения количества «пользы» (или, по его словам, «благосостояния») путем использования денежной единицы, рубля. В 5-м номере журнала «Современник» за 1857 г., возражая против сторонников либеральной экономики, Чернышевский писал, что общинное поземельное пользование «более благоприятно благосостоянию», чем фермерское производство типа Западной Европы. Чтобы доказывать, как общинное поземельное пользование «более благоприятно благосостоянию», он сравнил два вида хозяйства с точки зрения дохода, т. е. рубля [IV, 126].

Здесь Чернышевский брал для примера два участка земли по 5 000 десятин, и на каждый участок приходилось по 2 000 человек населения, 400 семей.

Первый участок – капиталистическое хозяйство с улучшением земли. Там одна семья землевладельца, 30 семей фермеров, 369 семей

¹См.: Самарин, Ю. Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская беседа. 1857. Кн. 1. Отд. III : Критика. С. 107.

²Там же. С. 108.

наёмных крестьян. Чернышевский предположил, что на этом участке каждая десятина даёт в общей сложности 20 руб. дохода. Значит, общая сумма дохода составляет 100 000 руб. (20x5 000). Из дохода каждой десятины (20 руб.) семья землевладельца берёт по 5 руб. за аренду, семьи фермеров – по 9 руб. Остальное, по 6 руб., получают семьи наёмных земледельцев. Значит, из общей суммы (100 000 руб.) землевладелец берёт 25 000 руб. (5x5 000), фермеры берут 45 000 руб. (9x5 000), а земледельцы получают 30 000 руб., т. е. каждая фермерская семья берёт по 3 000 руб. (45 000/30), а каждая крестьянская семья получает 81 рубль 30 копеек (30 000/369).

На втором участке ведётся общинное пользование земли. Там каждая десятина даёт не так много, только 12 руб. из-за нехватки капитала для улучшения земли. Значит, общая сумма дохода составляет всего 60 000 руб. (12x5 000). Так как на втором участке всего 400 семей, каждая крестьянская семья получает по 150 руб. (60 000/400).

Отсюда Чернышевский пришёл к следующему: «Вывод ясен: на втором участке масса населения пользуется почти вдвое больше благосостоянием, хотя масса производимых ценностей вдвое больше на первом участке» [IV, 126].

Складывается впечатление, что с помощью метода, который использует гипотезу и математику и который позже он назовёт «гипотетическим методом», Чернышевский «объективно» доказал выгоду общинного использования земли [IX, 58]. Но всё-таки странное дело, ведь, согласно Бентаму, интерес (т. е. благосостояние) общества определяется суммой интересов отдельных членов этого общества. А Чернышевский заключил, что «общинное пользование мы считаем выгодным», несмотря на то что общинное пользование земли даёт вдвое меньше, чем капиталистическое хозяйство [IV, 127]. Согласно Чернышевскому, при общинном хозяйстве вдвое меньший рубль даёт больше «пользы», чем при капиталистическом хозяйстве. При этом стоит отметить, что здесь он имеет в виду не только количество благосостояния, но и его качество. Для Чернышевского главное – благосостояние «огромного большинства населения» [IV, 127]. Короче говоря, один рубль у крестьянина приносит больше «пользы» в общество, чем один рубль у землевладельца (или у фермера). Оба рубля качественно разные.

Констатируем. В отличие от Бентама, которому не удалось найти объективную меру для измерения количества «пользы», Чернышевский нашёл в денежной единице, в рубле, количественно измеряемую меру благосостояния. Более того, несмотря на то, что, согласно Бентаму, должно считать невыгодным общинное пользование земли, Чернышевский считал его «выгодным». Потому что, как сказано выше, по мнению Бентама, интерес общества – простая сумма интересов отдельных членов, а общинное пользование земли уменьшает массу производимых ценностей данного общества. Согласно Бентаму, ос-

нователю лозунга «Наибольшее счастье наибольшего числа людей», общественное пользование земли не может быть «выгодным».

В то же время Чернышевский считал «выгодным» общественное пользование земли, потому что оно увеличивает благосостояние каждого члена, который составляет «огромное большинство» общества. Значит, здесь он признаёт качественную разницу между единицами стоимости и между благосостояниями в зависимости от того, кому они принадлежат. Иными словами, один рубль у члена большинства дороже одного рубля у члена меньшинства общества. Очевидно, что под словом «большинство» он подразумевает «крестьян», а под словом «меньшинство» – «землевладельца», или «фермера». Так как то законодательство хорошо, что принесёт пользу, следовательно, то законодательство, которое обогащает крестьян, хорошо. Напротив, если законодательство обогащало бы землевладельца, то это законодательство должно считать плохим или несправедливым. Такой подход к вопросу вёл бы к «теории трудящихся», но это уже другая тема¹.

В заключение хотелось бы отметить, что логика Чернышевского о качестве благосостояний очень напоминает утверждение Милля-младшего о том, что «лучше быть недовольным человеком, чем довольною свиньей, – недовольным Сократом, чем довольным дураком»². Оба мыслителя, исходя из утилитаризма Бентама, обращали внимание не только на количество, но и на качество благосостояний. Если напомнить, что Милль опубликовал свою статью «Утилитаризм» в 1861 г., то Чернышевского, который опубликовал свою рецензию в 1857 г., можно назвать предшественником Милля в аргументе о качестве благосостояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айзенштадт, М. Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах [Электронный ресурс] / М. Айзенштадт // ИСТОРИЯ.РФ [Электронный ресурс]: Главный / Федеральный исторический портал страны / Российское военно-историческое общество. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/book/n-g-chernyshevskii-ob-anghlii-i-anghlichanakh> (дата обращения: 20.05.2018). Яз. рус. Загл. с экрана.

Бентам, И. Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам // Бентам, И. Избранные сочинения Иеремии Бентама. Санкт-Петербург : Русская книжная торговля, 1867. Т. 1.

Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Москва : Госполитиздат, 1960. Т. 23.

Милль, Дж. С. Утилитарианизм. О свободе / Дж. С. Милль. 3-е рус. изд. Санкт-Петербург : И. П. Перевозников, 1900.

Самарин, Ю. Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина / Ю. Ф. Самарин // Русская беседа. 1857. Кн. 1. Отд. III: Критика.

¹См.: *Yushiro Taii.* Chernyshevskii unorekishitetugaku. Kyoto, 2000. Pp. 125–134. (На японск. яз. Историофилософия Чернышевского)

²*Милль Дж. С.* Утилитарианизм. О свободе. 3-е рус. изд. СПб., 1900. С. 103.

Чернышевский, Н. Г. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Художественная литература, 1948. Т. 4.

Чичерин, Б. Н. Современные задачи русской жизни / Б. Н. Чичерин // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 4.

Чичерин, Б. Н. Очерки Англии и Франции / Б. Н. Чичерин. Москва : Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858.

Yushiro Taei. Chernyshevski unorekishitetugaku / Yushiro Taei. Kyoto, 2000. (На японском языке: Историофилософия Чернышевского).

А. С. Баранова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Самостоятельность человеческого познания невозможно рассматривать вне вопроса о сущности природы человека. Н. Г. Чернышевский в статье «Антропологический принцип в философии» анализирует роль природных дарований в процессе познания. Если природные дарования человека велики и если человек «ещё ничему не выучился, зато узнал, по крайней мере, что спасение может быть дано ему только наукой: он уже не отстанет от умственного труда, как бы ни стесняли его обстоятельства»¹. Кроме материальной потребности знания, в человеке уже развита любознательность. Его стремление к познанию может быть приятным явлением, при первых признаках которого человеком овладевает радостное волнение, неприятный же процесс вызывает в нем тяжёлый трепет. Н. Г. Чернышевский подчёркивает большую роль ощущений, работы органов чувств в данном процессе, которые способствуют радостному или тоскливому состоянию в связи с склонностью отыскивать во всём следы занимающего человека предмета. Развитая любознательность человека способствует его умственному развитию. Любознательный, стремящийся к самостоятельному познанию человек жертвует сном, отдыхом, развлечениями. В результате он учится много, мыслит ещё больше, размышляет над общечеловеческими вопросами, всё глубоко обдумывает, мысль его получает великую проницательность.

Н. Г. Чернышевский наряду с антропологическими проблемами, связанными с природой и характером человеческого познания, поднимает проблему умственного положения простолюдина, самоучки. Недостатком в этом вопросе является незнание того, какие книги надо выбирать, а также учений, которые являются действительно современными. Чаще всего самостоятельность познания самоучки определяется выбором книг, написанных в духе теорий, уже получивших господство в обществе, т. е. теорий уже значительно устаревших. Самоучка

¹*Чернышевский, Н. Г.* Собр. соч. : в 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 218.

нуждается в хороших руководителях, иначе он, наверное, возьмётся за школьные руководства, служащие вместилищем всякого хлама. Самостоятельность познания простолюдина зависела от чрезвычайной силы ума, однако Н. Г. Чернышевский отмечает, что «слишком часто заметно, что ум этот связывался воззрениями, не имеющими никакого научного основания. Результатом столь неблагоприятных условий была темнота; он сам заметил её и хотел выйти из неё или страстными порывами ненависти к преданию, против его воли опутывавшему его, или усилиями придать ему разумный смысл»¹.

Н. Г. Чернышевский делает глубокий вывод о том, что в процессе развития самостоятельности познания человеку недостаточно только собственных сил ума, здоровой натуры, здравого смысла, необходимо также знакомство с новейшими научными положениями. В противном случае самоучка остаётся «под влиянием ошибочных мнений, которые господствуют в так называемой образованной публике, в которой достигает господства только то, что уже отжило своё время в науке, принуждён истощать свои силы на борьбу с предрассудками, уже разоблачёнными истинно современной наукой, ещё не дошедшей до него, или подчиняться этим предрассудкам, переходить от гнева на них к покорности им, вместо того чтобы холодно отстранять их, как разоблачённую ложь, которая стала бы для него неопасна, как скоро он понял бы, что она чистейший вздор»². Подчёркивая важность новых современных теорий, Н. Г. Чернышевский отмечает, что простолюдины, жаждущие перемен, затрудняются в их осуществлении тем, что воспитались в понятиях старины, не познакомились ещё с воззрениями, соответствующими их потребностям. В результате человек вынужден собственными силами доискиваться тех решений, которые уже найдены наукой. Подчёркивая роль образования, философ отмечает, что «лучшие люди во Франции обширный объём серьёзного преподавания средних учебных заведений считают вернейшим залогом умственного развития своей нации и думают, что только обширность лицейских курсов может снабдить молодого человека достаточным запасом и сведений и умственных интересов, чтобы он совершенно не опошлел в своей последующей жизни, мало способной пробуждать деятельность мысли»³.

Другой проблемой человеческого познания является сословный характер образования. Среди бедных сословий есть люди, стремящиеся к познанию и обладающие умственными способностями. Некоторые добрые люди зажиточного сословия, заметив ум мальчика, помогали отдать его в гимназию. Однако бедным покупать книги было не на что, бедность семейства скоро заставила его бросить гимназию, чтобы снова стать работником. Сильные, способные натуры, урывая

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 228.

²Там же. С. 221.

³Там же. Т. 5. С. 142.

время от сна, отказывая себе во всяком развлечении, даже в отдыхе, посвящают всё время чтению, как бы чрезмерна ни была чёрная работа, занимавшая их целый день. Таким образом, человек «учится много, мыслит ещё больше: голова его думает над общечеловеческими вопросами и над вопросами о положении целого его сословия, пока руки его исполняют чёрную работу. Тяжёл и длинен этот путь: пятнадцать лет нужно ему на то, чтобы приобрести сведения, которые при лучших условиях приобрёл бы он в два-три года»¹. В результате тяжёлого, упорного труда такой человек уже знает всё, что знают учёные люди, у него выработана ясность мышления, он может сообщить им что-то достойное их внимания, в его мыслях есть нечто новое, связанное с жизнью. Сначала это новое нравится учёным, как нравилась прежде даровитость деревенского мальчика: они одобряют труженика; он продолжает свой умственный труд, развивает свои мысли. Однако покровители в силу сословности усматривают вредную сторону в его мыслях, показавшихся сначала такими невинными. Отмечая сословность и элитарность образования, Н. Г. Чернышевский осуждает то обстоятельство, когда «прежнее довольно гордое участие к нему заменяется в них подозрительностью, она усиливается, подтверждается, переходит в положительную нелюбовь, потом в ненависть к нему за его вредный образ мыслей, за его губительные стремления; он отвергнут всеми, кто имеет хорошее положение в обществе, подвергается гонениям; но уже поздно: он уже не нуждается в покровительстве, он уже сильнее преследователей, он знаменит, и все его трепещут, потому что он сокрушает каждого, на кого принуждён поднять руку»². В биографии отдельного человека прослеживается история целого сословия. Одновременно прослеживаются природные и социальные условия самостоятельности человеческого познания.

Ценными являются мысли Н. Г. Чернышевского о характере человеческого познания. Он утверждает, что «громадный запас наблюдений и особенно тонкие средства анализа нужны не столько затем, чтобы гениальный ум мог увидеть истину, открытие которой требует глубоких соображений, – чаще всего бывает, по крайней мере в общих философских вопросах, что истина заметна с первого взгляда человеку пытливого и логичного ума, – обширные исследования и громадные научные средства в этих случаях приносят, собственно, ту пользу, что без них истина, открытая гениальным человеком, остаётся его личным соображением, которого он не в силах доказать точным учёным образом, и потому или остаётся не принята другими людьми, продолжающими страдать от своих ошибочных мнений, или, что едва ли не хуже ещё, принимается другими людьми не на разумном основании, а по слепому доверию к словам авторитета»³. К трудностям самосто-

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 228.

²Там же.

³Там же. С. 234.

ятельного человеческого познания относится проблема доказательности суждения, а также слепое, бездумное, бездоказательное принятие за истину ложного суждения, т. е. ложность «истины», принятой другими людьми. В этом случае возрастает необходимость самостоятельности человеческого познания.

Н. Г. Чернышевский раскрывает роль науки в самостоятельности познания человека. Шаткость воззрений, смесь скептицизма с излишней доверчивостью он связывал с недостаточным знакомством с идеями, выработанными современной наукой, которая основаниями своих теорий берёт истины, открытые естественными науками посредством самого точного анализа фактов. Наука ничего не принимает без строжайшей, всесторонней проверки и не выводит из принятого никаких заключений, кроме тех, которые сами собою неотразимо следуют из фактов и законов, отвергать которые нет никакой логической возможности.

Трудностью самостоятельности человеческого познания является и то, что новое и в идеях, и в жизни распространяется довольно медленно. Однако оно распространяется, постепенно проникая всё глубже в разные слои населения, начиная, конечно, с более развитых. Мысль человека может спутываться преданиями или задерживаться устаревшими формами науки в анализе общественного положения и полезных для общества реформ.

Антропологические основы человеческого мышления, познания Н. Г. Чернышевский связывает с идеей «единства человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека»¹. Волю он рассматривал в ряду явлений и фактов, соединённых причинною связью. Философ утверждает: «Очень часто ближайшею причиною появления в нас воли на известный поступок бывает мысль. Но определённое расположение воли производится также только определённою мыслью: какова мысль, такова и воля; будь мысль не такова, была бы не такова и воля»². Иногда ответы на вопросы не ищутся, приблизительные, неточные ответы лишь прикрывают леность доискиваться подлинной причины, недостаток желания и воли знать истину.

Вместе с тем Н. Г. Чернышевский отмечает случаи теоретического незнания, когда наука при всём желании и наличии воли не готова ответить на ряд вопросов. Он отмечает, что химия умеет изготавливать синильную и уксусную кислоту, но изготавливать фибрион она ещё не умеет. Такие неразрешимые вопросы носят специальный характер и возникают в основном у сведущих людей. Н. Г. Чернышевский поднимает вопросы, которые оставались в его время неразрешёнными для нравственных наук. Он размышляет: «Психология, например, открывает следующий факт: при слабом умственном развитии человек

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 223.

²Там же. С. 250.

не в состоянии понимать жизни, различной от его собственной жизни; чем сильнее развивается его ум, тем легче ему бывает представлять себе жизнь, не похожую на его жизнь. Как объяснить этот факт? При нынешнем состоянии науки строго научного ответа ещё не найдено, а существуют только разные догадки»¹. Интересны и научно обоснованы мысли Н. Г. Чернышевского о том, что как для химии чрезвычайно важен водород, существование которого было бы незаметно без неё, так и для психологии чрезвычайно важен факт неспособности неразвитого человека и способности развитого понимать жизнь, отличную от его жизни. Н. Г. Чернышевский отмечает, что как открытие водорода привело к усовершенствованию химической теории, так и открытие этого психологического факта имело своим последствием построение теории антропоморфизма.

Н. Г. Чернышевский ставит важный психологический вопрос, на первый взгляд простой, но «не разрешимый точным образом при нынешнем состоянии науки: дети имеют склонность ломать свои игрушки; отчего это происходит? Надобно ли считать эту ломку только неловкою формою желанья пересоздавать вещи по своим надобностям, неловкою формою так называемой творческой деятельности человека, или тут есть след чистой склонности к разрушению, приписываемой человеку некоторыми писателями? Таковы почти все теоретические вопросы, точного решения которых ещё не даёт наука. Читатель видит, что они принадлежат к разряду вопросов, надобность и важность которых открывается только наукою, понятна только для учёных, к разряду так называемых технических или специальных вопросов»².

Важным вопросом антропологических основ самостоятельности человеческого познания является связь познания с деятельностью организма человека. По мнению Н. Г. Чернышевского, «деятельность какой-нибудь части организма даёт возникновение тому, что называется явлениями человеческой жизни; мы видим, что когда есть деятельность, то есть и феномен; из этого видим, что и для приятного ощущения непременно нужна какая-нибудь деятельность организма»³. Философ опирается на данные естественных наук, которые говорят, что «причина, производящая перемену в мускулах, т. е. изменение качества крови, непременно производит некоторую перемену и в нервной системе; если при перемене в составе крови, питающей мускулы и нервы, изменяется питание мускулов, то должно изменяться и питание нервной системы; а при различии в питании непременно изменяются качества и действия питающейся части организма»⁴. Зрительный нерв лошади улучшенной породы восприимчивее, чувствительнее, у неё

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 252.

²Там же. С. 252–253.

³Там же. С. 264.

⁴Там же. С. 269.

впечатления несколько иные, чем у простой лошади. Такие же перемены происходят и во всей нервной системе. Умственные способности у одного более развиты в известном отношении, чем у другого. Даже у животных гораздо яснее обнаруживается способность к прогрессу, когда они развиваются по собственной надобности, по собственному побуждению. Философ отмечает, что даже животные глупеют от рабства, становятся трусливыми, ненаходчивыми в непредвиденных обстоятельствах. Но, выходя на свободу, они возвращаются к находчивости и смелости вольного состояния. В человеке также «пробуждается усердие к делу... и живость в работе. Но для этого бывает нужно увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобождённым от стеснений и опеки, которыми он вообще бывает подавлен»¹.

Актуальными и важными являются мысли Н. Г. Чернышевского о сущности и роли мышления, которое «состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы дойти до известного результата. В этом состоит не только мышление о житейских предметах, но и так называемое отвлечённое мышление»². Для развития отвлечённого мышления необходимо развитие интереса, накопление в памяти данных, развитие чувств (зрения), внимания. Нервный процесс, состоящий из ряда комбинаций ощущений и представлений, выбор представлений и ощущений в мышлении и составляют, по Чернышевскому, сущность мышления.

Самостоятельность мышления тесно связана с побуждениями человека. Н. Г. Чернышевский исследует побуждения, руководящие людьми, и приходит к выводу, что «все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчётом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия»³.

Философ рассматривает соотношение умственной деятельности и добра. Он отмечает: «Если есть какая-нибудь разница между добром и пользою, она заключается разве лишь в том, что понятие добра очень сильным образом выставляет черту постоянства, прочности, плодотворности, изобилия хорошими, долговременными и многочисленными результатами, которая, впрочем, находится в понятии пользы, именно этою чертою отличающимся от понятий удовольствия, наслаждения. Цель всех человеческих стремлений состоит в получении насла-

¹Чернышевский, Н. Г. Избранные педагогические сочинения / под ред. А. Ф. Смирнова ; сост. А. В. Плеханов. М., 1983. С. 152.

²Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 271–272.

³Там же. С. 282.

ждений»¹. Источники наслаждения могут быть различными, зависеть и не зависеть от человека, однако умственная деятельность является величайшим наслаждением, познание должно быть тесно связано с добром и направлено на его увеличение. Н. Г. Чернышевский видел огромное значение ума, познания для увеличения пользы человеку. По его мнению, «способы к исполнению чувств сердца даются воле представлениями ума, и поэтому надобно также обратить внимание на ту сторону мышления, которая относится к способам иметь влияние на судьбу других людей»².

Антропологический принцип в понимании Н. Г. Чернышевского состоит в целостности человека, «в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отделением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом»³.

Анализ антропологических основ человеческого познания позволил сделать Н. Г. Чернышевскому важные выводы о целостности организма человека, о зависимости познания человека от свойств организма и его целостности. Он показал связь знаний и человеческого организма, связь знаний и жизни человека с реальностью его существования. Характеризуя процесс познания с антропологической точки зрения, Н. Г. Чернышевский также отмечает, что «люди знают относительно мало сравнительно с тем, сколько хотелось бы и полезно было бы им знать; в их скудном знании очень много неточности; к нему примешано много недостоверного и, по всей вероятности, к нему ещё остаётся примешано очень много ошибочных мнений. – Отчего это? – Оттого, что восприимчивость наших чувств имеет свои пределы, да и сила нашего ума не безгранична; т. е. оттого, что мы, люди, существа ограниченные»⁴.

Философ критикует схоластичность мышления, не связанного с жизнью. Он утверждает, что знание даётся реальной жизнью. Если мы имеем знание о нашем организме, то имеем знание и об одежде, которую носим, и о пище, которую едим, и о воде, которую пьём, и о пшенице, о лесах, о посуде, о домах, заводах, каменоломнях, т. е. «если мы люди, то мы имеем знание неисчислимого множества предметов прямое, непосредственное знание их, их самих; оно даётся

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 287.

²Там же. С. 292.

³Там же.

⁴Там же. С. 299.

нам нашей реальной жизнью»¹. Однако есть знание не фактическое, а мысленное, полученное из рассказов других людей или книг. Когда эти сведения достоверны, они также знание. «Различие прямого фактического знания от косвенного, мысленного параллельно различию между реальною нашей жизнью и нашей мысленною жизнью», – отмечает Н. Г. Чернышевский. Он различал прямое, фактическое знание и косвенное, мысленное, однако и то и другое знание реально: «Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого знания самих предметов у нас нет, значит, отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма»². Чтобы не превращать знания в мираж, Н. Г. Чернышевский призывал изучать действительность, а не сообразные с нею галлюцинации нашего мышления.

Антропологический принцип самостоятельности человеческого познания проявляется в сущности человеческого знания: «Наши знания – человеческие знания. Познавательные силы человека ограничены, как и все его силы. В этом смысле слова характер нашего знания обуславливается характером наших познавательных сил. Будь органы наших чувств более восприимчивы и наш разум более силён, мы знали бы больше, нежели знаем теперь; и, разумеется, некоторые из нынешних наших знаний видоизменились бы, если бы наши знания были обширнее нынешних. Расширение знаний вообще сопровождается видоизменением некоторых знаний из прежнего запаса. История наук говорит, что очень многие из прежних знаний видоизменились благодаря тому, что теперь мы знаем больше, чем знали прежде»³.

Н. Г. Чернышевский считает людей существами, способными ошибаться. Каждый рассудительный человек знает, что в житейских делах надо всматриваться и вдумываться, когда желаешь не наделать много слишком грубых ошибок. В науке необходимо соблюдать правила. Логика сообщает эти правила осторожности. Н. Г. Чернышевский отмечает, что люди – существа, все способности которых ограничены, ограничена и способность избегать ошибок: «Поэтому при всей возможной заботливости добросовестных исследователей истины различать достоверное от недостоверного всегда оставалась и теперь бесспорно остаётся в человеческих знаниях ускользнувшая от внимания исследователей примесь недостоверного и ошибочного»⁴. В связи с этим встаёт задача проверки достоверности знаний и разумности суждений, которая имеет свои пределы и в науке, и в жизни.

По мнению Н. Г. Чернышевского, самостоятельности человеческого познания мешают человеческие качества: страсть вдаваться в мелочные или не имеющие отношения к исследованию предметы, соби-

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 301.

²Там же.

³Там же. С. 310.

⁴Там же. С. 312.

рание длинных перечней, не прибавляющих ничего к разъяснению, даваемому немногими примерами, потеря в мелочах, далёкие блуждания от предмета, потеря из вида крупных фактов, неимение времени исследовать существенные вопросы. Н. Г. Чернышевский на примере великого учёного Дарвина, имевшего сильный ум, громадный запас знаний, не ослабевавшее до конца жизни влечение увеличивать его, учиться и учиться, показал сложный путь самостоятельности человеческого познания. Вопросы, поставленные Н. Г. Чернышевским относительно антропологических основ самостоятельности человеческого познания, необычайно актуальны в наши дни и требуют дальнейшего осмысления в современных условиях развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Правда, 1974.

Чернышевский, Н. Г. Избранные педагогические сочинения / Н. Г. Чернышевский / под ред. А. Ф. Смирнова; сост. А. В. Плеханов. Москва : Педагогика, 1983.

Соня Бранко

ЭСТЕТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ГЛАЗАМИ Д. И. ПИСАРЕВА

После публикации в 1855 г. диссертация молодого Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» сразу же оказалась в центре всех дискуссий об эстетике. Аргументы, изложенные в ней, были незамедлительно приняты радикальной интеллигенцией и, как утверждал впоследствии писатель К. К. Случевский, приобрели «силу интеллектуального закона»¹. Истинная интеллектуальная сила этого текста заключалась в простоте основных принципов, которая была определена монистическим, унитарным видением автора. С самого начала Н. Г. Чернышевский отверг унаследованный из гегелевской мысли философский дуализм с его разделением природного и сверхприродного, реального и идеального. По мнению Чернышевского, истина едина, не существует различных путей в ее поисках и, соответственно, в определении реальности: есть только один путь, и сила разума должна вести всех людей по нему. Таким образом, обращаясь к искусству, он устранил дуализм эстетической мысли, проявлявшийся в дихотомии форма / содержание, т. е. в понятии о том, что идея облекается в материальную форму. Это понятие являлось важным элементом господствовавшей в то время доктрины

¹*Moser, C. A.* *Esthetics as Nightmare. Russian literary theory, 1855–1870.* Princeton, 1989. P. XVII.

гегелевской эстетики, которая была развита Фридрихом Теодором Фишером и опубликована в России в 1846–1847 гг.

Вопросы об искусстве, поднятые Н. Г. Чернышевским, были рассмотрены в статье Д. И. Писарева «Разрушение эстетики». В своём анализе Д. И. Писарев, прежде всего, объявил труд Н. Г. Чернышевского устаревшим, полагая, что автор не предложил ничего нового и лишь отверг прежние аргументации об искусстве. Тем не менее Д. И. Писарев отдаёт должное существовавшей на тот момент необходимости расчистить путь для новых идей и утверждает, что стратегия Н. Г. Чернышевского, вставшего на позицию своих оппонентов, позволила ему поставить под вопрос действовавшую в то время систему понятий. Как утверждает Д. И. Писарев, «автор видел, что эстетика, порожденная умственной неподвижностью нашего общества, в свою очередь поддерживала эту неподвижность»¹.

Это заявление определяет центральный аргумент Д. И. Писарева и в то же время раскрывает его стремление опровергнуть две эстетические концепции, ещё существовавшие в русской критике. Одна из них – концепция в русле классической традиции, которая предписывала и учитывала учение о трёх уровнях стиля литературного языка. Другая – рефлексивная, принадлежащая романтической традиции, основывающаяся на свободе творчества и на идее гения. С помощью такого подхода Д. И. Писарев охватывал сразу две группы интеллектуалов-аристократов: академиков, судивших литературные произведения в соответствии с установленными нормами, и прогрессивных писателей-романтиков.

Д. И. Писарев утверждает, что Н. Г. Чернышевский, тем не менее, стремился не столько сформировать новое эстетическое мышление, сколько поставить под сомнение саму эстетику с тем, чтобы вывести на первый план проблему обсуждения действительности: «Чтобы двинуться с места, чтобы сказать обществу разумное слово, чтобы пробудить в расслабленной литературе сознание ее высоких и серьезных гражданских обязанностей, надо было совершенно уничтожить эстетику, надо было отправить ее туда, куда отправлены алхимия и астрология» (328).

Далее Писарев пишет: «Эстетика, или наука о прекрасном, имеет разумное право существовать только в том случае, если прекрасное имеет какое-нибудь самостоятельное значение, независимое от бесконечного разнообразия личных вкусов. Если же прекрасно только то, что нравится нам, и если вследствие этого все разнообразнейшие понятия о красоте оказываются одинаково законными, тогда эстетика рассыпается в прах. У каждого отдельного человека образуется своя собственная эстетика, и следовательно, общая эстетика, приводящая

¹Писарев, Д. И. Разрушение эстетики // Писарев, Д. И. Литературная критика : в 3 т. Ленинград, 1981. Т. 2. С. 328. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц.

личные вкусы к обязательному единству, становится невозможной» (329).

Этот отрывок проясняет некоторые моменты.

Для того чтобы литература начала выполнять свой «гражданский долг», свою социальную функцию, было необходимо порвать её связь с эстетическим мышлением и приблизить её к науке. К тому времени прошло уже несколько десятилетий, как началось распространение современной науки в обществе. Начиная с 1855 г. в связи с ростом числа печатных изданий научные публикации стали конкурировать с литературой за место на страницах журналов. Вследствие этого стало образовываться новое дискурсивное поле с двусторонним заимствованием лексических и стилистических ресурсов. Так, в текстах радикальных критиков распространены отсылки к научным постулатам для обоснования и утверждения анализа как творческого процесса, так и сюжетных приёмов.

Однако популяризация науки имела своим побочным эффектом подъём «лженауки», т. е. своего рода сциентизма простонародного и мистического уклона, который легко овладел обыденным сознанием, что принудило радикальных критиков к активной борьбе против этих, по их мнению, вредоносных веяний. Эти критики, впоследствии названные «шестидесятниками», полагали, что общественное сознание могло развиваться лишь с помощью разума. Поэтому было необходимо отделить настоящую науку от суеверий, удерживающих людей во власти дремучих предрассудков, и как можно быстрее установить универсальные законы, объясняющие феномены действительности. Поскольку в сфере искусства не удавалось найти подобных законов, радикальные критики склонялись к тому, чтобы рассматривать эстетику как вульгарную науку, наподобие алхимии и астрологии.

Стоит отметить, что лишь Д. И. Писарев открыто заявил о связи между эстетикой и лженауками, о ней не говорится ни в текстах Н. Г. Чернышевского, ни в текстах Н. А. Добролюбова. Не встретив научной основы для понятия «эстетика», Д. И. Писарев полагает, что наука о прекрасном не имеет права на существование, ведь прекрасное определяется каждым индивидуумом в соответствии с его собственным вкусом. Это убеждение, скорее всего, восходит к идеям Д. Юма, попавшим в Россию опосредованно, через труды английских утилитаристов. Тем не менее подобные выводы традуются несколько механистическими: всё то, что не удаётся отнести к универсальному, включается в сферу эмпирического.

Понятие субъективности, появившееся в философии после Декарта, который поставил субъекта в основу познания (т. е. «мыслью, следовательно, существую»), породило на Западе английскую эмпирическую традицию, уделявшую основное внимание индивидуальному телесному опыту и опыту материальных ощущений. Д. Юму принадлежит труд о моделях эстетического вкуса, в котором он соотносит вкус и чувства. В противоположность этой концепции А. Г. Баумгартен

разработал немецкую догматическую традицию, в которой эти модели приписывались не индивидууму, а объекту, в силу чего вкус стал рассматриваться как проблема понятийная.

Выступая против эмпириков, Кант поддержал догматиков, поскольку стремился к универсальности как к предпосылке философских рассуждений. Однако наперекор догматикам он отстаивал индивидуальный опыт в отношении вкуса, считая невозможным приписывать что-либо объектам. Кант полагал, что каждый индивидуум может чувствовать прекрасное в моменты, когда способности его духа (т. е. «свободная игра воображения и рассудка») приходят в согласие¹. Согласно его эстетическим суждениям, прекрасное является результатом не материальных ощущений, а рефлексии о способностях духа.

По всей видимости, в идеях радикальных критиков не присутствуют ни этот «субъективный универсализм» Канта, ни немецкая догматическая традиция. Однако Д. И. Писарев порицает эстетику по причине собственного понимания прекрасного и вкуса, будучи мотивирован императивом универсализма, хотя и не философского, подобно немецким мыслителям, а научного, отличаясь этим от английской традиции.

Рассмотрение определенных аспектов, которые русские авторы выделяли в философии Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, приводит нас к выводу, что кантовская мысль, хотя и присутствовала в этих философских концепциях, но не была усвоена в России.

В поисках критериев, способных стать базой для размышлений о преобразовании российского общества, радикальные критики придают наибольшее значение тому, что имеет научный, а значит, и универсальный характер. Однако эмпирическое понимание прекрасного приводит их к признанию или обесцениванию эстетики в различной степени. Д. И. Писарев находит пример этих различий в мысли Н. Г. Чернышевского, для которого эстетика является одним из проявлений чувств «здорового человека», получающего удовольствие от реальной жизни, но при условии, если вообще «ещё стоит говорить об эстетике»². Д. И. Писарев толкует эту оговорку как доказательство того, что проблема эстетики уже была решена мыслителем, считавшим, что стоило говорить об эстетике лишь для того, чтобы разрушить её радикальным образом. Если Н. Г. Чернышевский не сделал этого, то лишь потому, что общество его времени ещё не являлось достаточно зрелым, чтобы услышать подобные слова. Поэтому в результате Д. И. Писарев сам начинает выступать за разрушение эстетики.

Для подкрепления своих аргументов он изучает и опровергает эстетические концепции, распространенные в обыденном сознании, как, например, идею о том, что человек обладает врождённым стремлением

¹См.: Kant, I. *Crítica da faculdade do juízo*. Rio de Janeiro, 1995. P. 62.

²Чернышевский, Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Русская литературная критика XIX века. М., 2007. С. 252, 256.

к красоте, или о том, что индивидуум имеет неизбежную необходимость в совершенстве. Согласно Д. И. Писареву, поиск идеального совершенства вызывает недовольство реальным миром, а недовольство в области прекрасного ни к чему не приводит. Такое недовольство даёт результаты только когда оно направлено на реальность, ибо в этом случае обретает преобразующую силу. Д. И. Писарев подчёркивает монистическое видение Н. Г. Чернышевского, провозгласившего: «Прекрасное – есть жизнь»¹. Таким образом, прекрасное в жизни всегда выше прекрасного в искусстве, ведь сила созидательной фантазии ограничена и способна лишь комбинировать впечатления, полученные из опыта. Искусство должно по мере возможности воспроизводить реальность как воспоминание или указание на то, что нас интересует в жизни, или на то, что мы не смогли испытать или наблюдать в реальности. Под искусством Н. Г. Чернышевский понимает любое занятие, имеющее своей целью удовлетворение вкуса или *эстетического чувства*. Это сближение «вкуса и эстетического чувства» действительно присутствовало в работах Н. Г. Чернышевского, но не имело того центрального характера, который придал ему Д. И. Писарев.

Однако в размышлениях Н. Г. Чернышевского есть парадокс, не замеченный Д. И. Писаревым. Хотя жизнь или реальность (два взаимодополняющих понятия, к которым можно добавить ещё: реальная жизнь, живая жизнь и т. д.) является началом и конечной целью искусства («прекрасное – есть жизнь»), она нуждается в интерпретации. По словам Н. Г. Чернышевского, «она не раскрывает нам свои явления», поэтому становится необходимым посредничество художника или критика, даже если и ограниченное, поскольку художник «создаст лишь бледную копию действительности», а критик должен располагать научным методом для раскрытия действительности в художественном произведении (как, например, «реальная критика» Н. А. Добролюбова). Исходя из предпосылки, что искусство не создаёт ничего нового, а лишь разъясняет уже существующее, и что эстетика – атрибут жизни, а не искусства («прекрасное – есть жизнь»), всякая творческая и критическая деятельность является интерпретацией уже существующего и ещё не раскрытого. В этом смысле зеркальный характер искусства по отношению к действительности кажется преобладающим, что делает эстетику необязательной. Однако Н. Г. Чернышевский устанавливает в качестве результата взаимоотношений искусства и жизни новую сферу, а именно сознание: изображение жизни в искусстве и его критическое толкование приводят к осознанию проблем своего времени. В этом смысле жизнь как конечная цель не равна больше жизни, рассматриваемой изначально, взятой искусством в качестве модели, а является результатом этого осознания, т. е. идеальным будущим, жизнью, какой она должна стать, заключённой в парадоксе

¹Чернышевский, Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности. С. 273.

изречения: «Прекрасное – есть жизнь (какова она есть)» или «прекрасное – есть жизнь (какой она должна стать)». Эта дихотомия делает мысль Н. Г. Чернышевского более гибкой, открывает пространство для творчества, для нового (к чему сам автор обратился, создавая роман «Что делать?») и, на наш взгляд, опровергает разрушение эстетики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Писарев, Д. И. Разрушение эстетики / Д. И. Писарев // Писарев, Д. И. Литературная критика: в 3 т. / Д. И. Писарев. Ленинград : Художественная литература, 1981. Т. 2.

Чернышевский, Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности / Н. Г. Чернышевский // Русская литературная критика XIX века. Москва : Эксмо, 2007.

Moser, C. A. Esthetics as Nightmare. Russian literary theory, 1855–1870 / C. A. Moser. Princeton : Princeton University Press, 1989.

Kant, I. Crítica da faculdade do juízo / I. Kant. Rio de Janeiro : Forense Universitária, 1995.

М. М. Адулян

СЛЕД РОМАНА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» В АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Связи Н. Г. Чернышевского с молодежью Закавказья были настолько крепкими, что царское правительство опасалось бегства писателя с ее помощью за границу – через Эривань в Турцию или Иран. «Совершенно секретный» документ, свидетельствующий об этом, приводится армянским литературоведом Г. Н. Овнаном в его книге «Армяно-русские литературные связи. . .»¹. Кроме того, Некрасовский «Современник», ведущим сотрудником которого являлся Н. Г. Чернышевский, журнал, в котором печатались литературно-критические и публицистические его статьи, а затем и роман «Что делать?», имел своих подписчиков в Эривани, Караклисе, Дилижане, Александрополе и других армянских городах.

Естественно, что и голос Чернышевского, литературного критика и публициста, и его роман «Что делать?» оставили свой след в армянской литературе.

В первую очередь, следует выделить и осветить ту связь с Чернышевским, которая проявилась в творчестве классика армянской литературы, писателя, известного своими историческими романами, публициста и общественного деятеля Раффи (Акопа Мелик-Акопяна), чьи произведения наполнены идеями национально-освободительной борьбы.

¹См.: Овнан, Г. Русско-армянские литературные связи в XIX–XX вв. Ереван, 1960. Кн. 1. С. 204 (на арм. языке).

В романе «Хент» («Безумец», 1880) Раффи обратился к проблеме национально-освободительного движения и нарисовал картину своей романтической утопии, в которой некоторые армянские исследователи узрели влияние утопических идей Чернышевского. Но прежде чем приступить непосредственно к самому роману, следует обратиться и к тому историческому периоду, в который он создавался. Русско-турецкая война уже успела закончиться, вместе с тем утратились все иллюзии, связанные с ней. Армяне вновь остались «у разбитого корыта», так и не обрели желанную свободу, и состояние простого армянского народа, живущего на своей исторической родине, завоеванной турками, не улучшилось – турецкий деспотизм еще более усилился, тем самым разбудив мечту об обретении желанной свободы. В этих тяжелых политических условиях Раффи и создавал свой роман «Хент». «В этом романе автор на более широком полотне показал социально-политическую жизнь армянского народа, коснулся разнообразных проблем, более конкретно представил наличие и историческое значение каждой из различных общественных идеологий национально-освободительного движения»¹.

Первым, кто обратил внимание на схожесть высказанного Раффи с мыслями Чернышевского, был западноармянский писатель А. Айкуни, который сотрудничал также в издававшейся в Тифлисе армянской газете «Мегу Айастан». Именно на его предположении основывались впоследствии некоторые армянские литературоведы, ошибочно предполагая, что Раффи черпал все свои романтико-утопические идеи у Чернышевского.

Так, в своей работе «Н. Г. Чернышевский и армянская литературно-общественная мысль» Г. Овнан пишет о нападках, которые обрушились на Раффи после выхода романа: «Особенно ожесточенными были нападки армянской клерикальной газеты “Мегу Айастан” и ее сотрудника Айкуни, который пытался доказать, что роман “Хент” лишен художественных достоинств и представляет всего лишь сказку. Однако Айкуни верно подметил, что роман “Хент” был своеобразным откликом в армянской действительности на “Что делать?” Чернышевского», что Раффи «много читал Тургенева, а особенно Чернышевского и русских романистов», утверждая, что «Сон Веры Павловны из романа Чернышевского Раффи вложил в уста героя своего романа Вардана»².

Исследователь приводит и ответ самого Раффи, опубликованный в газете «Мшак» (1883, № 150) за подписью «Павстос»: «Не довольствуясь клеветой, Айкуни сочиняет еще один донос на автора романа “Искры”», чтобы опорочить его. Он утверждает, что автор читался Чернышевского и потому пишет свои романы под его влиянием, точно так же, как он в свое время считал, что автор «Хента» «вложил сон

¹Саринян, С. Раффи. Ереван, 1957. С. 149 (на арм. языке).

²Овнан, Г. Н. Г. Чернышевский и армянская литературно-общественная мысль // Чернышевский и литература народов Советского Союза. Ереван, 1988. С. 269–270.

Веры Павловны в уста своего Вардана». «Господину Айкуни должно быть хорошо известно, что упомянутая книга Чернышевского запрещена в России, а ее автор пребывает в неизвестности... какую же цель преследует этот господин, навлекая на нашу невинную литературу подобные подозрения?»¹ В этом ответе Г. Овнан узрел явный намек на то, что Раффи осведомлен о Чернышевском. Хотя наверняка армянский писатель читал запрещенный роман «Что делать?», в этой публикации он ничем себя не выдает, а тем более не намекает на то, что писал роман «Хент» под влиянием Чернышевского.

Общность между двумя романами замечает в опубликованной в 1910 г. в Тифлисе «Истории армянской литературы» известный армянский писатель Вртанес Папазян: «На Раффи оказали влияние русские писатели 60-х годов – Чернышевский, Тургенев и др.»²

Сам Раффи в своем письме от 28 июля 1887 г. к армянскому драматургу и театральному деятелю А. Абеяну подчеркивал: «По сей день, да и вообще всегда, моей целью было и будет ознакомление нашего народа с новыми мыслями и новыми идеями»³. Такие «мысли и идеи» он черпал из русской литературы, в частности у Н. А. Добролюбова и Н. А. Некрасова, а вот имя Чернышевского ни разу не упоминается на протяжении всего творчества армянского писателя. Впрочем, мы не обнаружили даже намека на произведения или идеи Чернышевского и в эпистолярном наследии Раффи. Хотя, с другой стороны, имя русского писателя находилось под глубочайшим запретом до конца XIX в. и, быть может, именно этим обусловлено молчание Раффи. Он был прекрасно знаком с работами зарубежных просветителей, в том числе и современников, поэтому невозможно, чтобы писатель обошел вниманием творчество Чернышевского.

Один из наиболее авторитетных исследователей творчества Раффи академик С. Н. Саринян отмечает, что «в общее содержание утопии Раффи вплетены элементы учений просветителей и социал-утопистов, по своим литературным и идейным решениям она связана с Руссо, Сен-Симоном, Кабе, Чернышевским, а также с другими домарксистскими моделями социализма»⁴.

Все же Г. Овнан был первым в истории армянского литературоведения и критики, кто рассмотрел роман «Хент» с точки зрения отражения в нем революционных идей романа «Что делать?», подробно останавливаясь при этом на отличиях в изображении утопического будущего у Чернышевского и Раффи. Приходится сказать, однако, что сегодня, со сменой идейных приоритетов и установок после распада СССР, эти наблюдения Г. Овнана потеряли свою актуальность.

¹Овнан, Г. Н. Г. Чернышевский и армянская литературно-общественная мысль. С. 269–270.

²Там же.

³Раффи. Собр. соч. : в 10 т. Ереван, 1959. Т. 10. С. 630 (на арм. языке).

⁴Саринян, С. Указ. соч. С. 132.

Идеи Чернышевского Раффи якобы развил применительно к армянской действительности. Овнан находит сходство не только в идейно-политических взглядах писателей, но и в художественно-композиционной структуре их романов, что сказывается, в частности, в хронологической последовательности действия романов: «Что делать?» и «Хент» начинаются со следующих событий: у Чернышевского – с псевдосамоубийства главного героя, а у Раффи – с осады крепости турками, что вызвано конкретными задачами, которые ставил перед собой каждый из писателей.

Другая художественная особенность обоих романов, согласно наблюдениям Г. Овнана, состоит в том, что авторы сознательно рисуют картины будущего (где царит равенство, свобода, любовь, красота) в снах главных героев: Чернышевский – в сне Веры Павловны, а Раффи – через сон Вардана.

Сравним два этих сна. Сон Веры Павловны у Чернышевского:

«Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, – или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ... Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжеее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля – это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, – как же они растут на открытом воздухе? ... “И все так будут жить?” – “Все... для всех вечная весна и лето, вечная радость”»¹.

А вот сон Вардана у Раффи:

«Казалось, время ушло далеко вперед, и он видел Армению, разрушенную, опустошенную Армению совершенно обновленной. Что это за чудесное превращение! Неужели потерянный рай возвратился на землю?... Это не был тот рай, в котором человек жил не работая, не производя, питаясь плодами со щедрого стола чудесной природы. Это был другой рай, созданный человеком, его усилиями и честным трудом; вместо неведения в нем господствовало мудрое знание, а вместо патриархальной жизни – разумная цивилизация... Вот видит Вардан деревню. Разве это не село О... провинции Алашкерт? Знакомые окрестности; те же горы и холмы, та же река и зеленая долина, все – старое, знакомое. Течение веков ничего здесь не уничтожило, ничего не унесло, а только видоизменило. Но как неузнаваемо стало село! Не видно больше жалких землянок, которые походили больше на звериные берлог и, чем на жилища людей. Вместо них каменные, белые как снег дома, окруженные роскошными садами. Ровные,

¹Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. М., 1974. Т. 1. С. 373–376. Далее есть ссылки в тексте на это произведение даются с указанием тома римскими цифрами и страницы арабскими в круглых скобках.

широкие улицы осенены тенью вечнозеленых деревьев, а подле них струятся прозрачные, как хрусталь, ручьи»¹.

Конечно, при желании можно найти некоторые сходства, но у Раффи устремленность в светлое будущее осложняется национально-историческими реалиями. Это борьба армян за свободу от гнета турок, боль за поруганную честь армянского народа и культуры, потому в мечтах его героя – обретшая свободу и независимость страна, где говорят только на чистом армянском языке: «Везде царил дух просвещения. Неизменным остался только армянский язык. Но как развился этот язык! Какими красивыми оборотами звучал он теперь в устах армянина!» (301).

Интересно, что и у Чернышевского упомянут язык будущего – русский. «Неужели ж это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски» (I, 376), – произносит Вера Павловна в своем утопическом сне.

В главных образах своего романа Раффи, как может показаться на первый взгляд, также следует Чернышевскому, создавая новый тип героев. Заслуживает внимания тот факт, что в начале повествования армянский писатель дает следующее примечание к имени своего главного героя: «Настоящее имя молодого человека Сампсон, но я из героя моего создал новый отдельный тип» (33). В обоих романах – люди нового типа, которые способны изменить настоящее и представить, каким будет будущее.

Если у Чернышевского светлое будущее представлено в сне Веры Павловны, находящейся у себя дома и в своей постели, то у Раффи утопический сон снится измученному в борьбе за освобождение родины молодому человеку на могиле любимой девушки. Личная трагедия Вардана переплетается во сне с идеей освобождения армян. Как отмечает сам Раффи, сердце героя «удручили две любви» (47), которые по существу неотделимы одна от другой: любовь к родине и любовь к девушке, которую хотели подвергнуть нравственному угнетению, насильно жениться на ней. Вардан мучается вопросом: «Зачем же заботиться только о Лала? Зачем оставлять общее дело и идти за личным?..» (177).

Утопия Раффи представляет собой общественное государство, где нет хозяев и рабов, где собственность обществена, а право на труд и оплата согласуются с выгодами частного и общего, личности и общества. В общем строении утопии по-своему решена задача религии и Церкви. Это учреждение, где сплочены школа и Церковь, где проповедник и учитель дополняют друг друга, давая молитве светское содержание, а в пропаганде «приспосабливая абстрагирование религии к потребностям и задачам быта...»². У Чернышевского в романе «Что

¹Раффи. Хент. Ереван, 1957. С. 300. Далее все ссылки в тексте на это произведение даются с указанием страницы в круглых скобках.

²Саринян, С. Указ. соч. С. 132.

делать?» проблема религии и Церкви не отражена вовсе, что является еще одним аргументом в пользу того, что Раффи писал свой роман, не находясь под влиянием только лишь Чернышевского.

Единение людей возможно, по Чернышевскому, при наличии общего дела, при равенстве материального состояния. Эта идея раскрывается через образ открывающей швейную мастерскую Веры Павловны, что, по замыслу Чернышевского, является первым шагом к изменению психологии людей.

Эту мысль в романе «Хент» продолжает старик Хачо: «А у нас?.. Всякий тянет свою лямку и думает только о себе, до другого ему дела нет; пусть будет что будет, ему нет времени заботиться о нем. Какое ему дело до других, если сам он спокоен, если никто не трогает его? Глупцы! Они не понимают, что каждый существует для всех, а все для каждого» (71). Вардан же как представитель нового типа людей понимает, что нужна общность, именно поэтому он оставляет свои личные переживания и бросается освобождать страну от турок. Как носителю этой идеи ему снится приведенный выше сон.

«Раффи заканчивает свою легенду о свободе этой мечтой об идеальном обществе. В качестве романтической утопии эта легенда сама по себе заслуживает внимания с точки зрения характеристики социально-философского мировоззрения Раффи»¹.

Быть может, гораздо проще было бы считать носителем идей Чернышевского другого героя романа Раффи – Дудукджяна, который видит смысл своей жизни в работе на благо нации: он собирается открывать школу в деревне и готов учить не только юношей, как тогда было принято в Армении, но и девушек. Однако общество не приняло его возвышенных порывов, и это начинание не увенчалось успехом. «Дудукджян начал бы пропагандировать восстание, он бы подтолкнул народ к борьбе с оружием, если бы тот был готов к этому: согласно правому убеждению, основной движущей силой борьбы является народ, а освободительный дух неколебим только в том случае, если владеет народом... Именно поэтому для того, чтобы освободительная борьба воплотилась в жизнь, необходимо, чтобы весь народ стал носителем соответствующей идеологии, проникся идеей свободы. Без этой предпосылки всякое движение бессмысленно. Вот почему Дудукджян не верит в реальность освободительных программ и его подготовительная деятельность носит долгосрочный характер»².

Зато в своем сне уже Вардан видит такую картину: «Утро. Из домов выходят группами деревенские ребята, здоровые, веселые и чистенькие. Мальчики и девочки – все вместе, с книгами в руках спешат в школу» (300).

«Школа, просвещение уничтожают варварскую отсталость и поднимают народ до уровня цивилизации, а цивилизация сама по се-

¹Саринян, С. Указ. соч. С. 132.

²Там же. С. 162.

бе исключает варварское давление и физическое уничтожение наций. Именно эти иллюзии питают герои Раффи¹.

Еще один немаловажный факт: если бы «Хент» Раффи в самом деле был бы «армянским зеркальным отражением» романа «Что делать?», тогда он обязательно бы вывел в своем произведении главную героиню-аналог Веры Павловны. Между тем девочка Лала в романе «Хент» даже отдельными чертами не напоминает героиню Чернышевского. Стоит отметить и то, что у Раффи был свой взгляд на проблему женской эмансипации.

В марте 1879 г. в газете «Мшак» появляется сокращенный вариант исследования писателя под названием «Армянская женщина», которое имеет не только национальное, но и социально-историческое значение для армянского народа. Полная версия стала доступна читателю лишь в 1890 г., когда в свет вышла книга «Армянская женщина и армянская молодежь».

Описывая жизнь женщин в разных условиях и местностях, Раффи рассмотрел подробно быт, семейное и общественное положение, моральное и умственное состояние армянской женщины, пытаясь найти всему объяснение в социально-исторических отношениях и условиях.

Раффи сделал массу интересных наблюдений, однако, оставаясь в рамках этнографического объективизма, он так и не согласился с точкой зрения Чернышевского. Армянский писатель полагает, что если восточная женщина обретет желанную свободу, то не сможет в полной мере насладиться этим благом, использовать его в нужном направлении: «В нашем обществе давно поднимается вопрос о том, что девушке не позволяют располагать своим семейным положением по свободной воле. Но есть ли у нее воля? Ее воспитали настолько наивной, неопытной и не знакомой с жизнью, что если оставить этот выбор на нее, первый же попавшийся шарлатан способен обмануть ее и сделать несчастной»².

Понятно, что освобождение женщины и ее независимость для Раффи – дело далекого будущего. Он открыто заявляет о том, что она пока еще к этому не готова: «Женская свобода, женская эмансипация, равенство женщины – очень красивые слова, но пока еще даже среди просвещенных народов эти вопросы находятся в ряду жизненных неразрешенных вопросов»³.

Примечательны инвективы национал-демократа Раффи против возникающих в армянских женщинах и в армянской молодежи «нигилизма» или «космополитизма» и такого рода «новых идей». Писая перед либерализмом, Раффи также счел женщину пока еще лишь средством влияния на мужское общество, отмечая, что она по своему

¹ Саринян, С. Указ. соч. С. 162.

² Цит. по: Оганнисян, А. Налбандян и его время. Ереван, 1955. Кн. 1. С. 176.

³ Раффи. Армянская женщина // Раффи. Собр. соч. : в 10 т. Ереван, 1958. Т. 9. С. 387 (на арм. языке).

нежному складу ума и привлекательному характеру могла бы стать отличным средством связи между действующими силами, в ее салонах могли бы возникать и решаться общественные проблемы: «Женщина могла бы стать силой, влияющим духом в мелких и значительных делах. Именно в этом заключается ее общественное призвание»¹. Однако он не отводит ей господствующей роли в будущем, не видит ее самостоятельной и полностью свободной, «новым человеком», каковой представляет свою Веру Павловну Чернышевский. Это является еще одним аргументом в пользу того, что Раффи отнюдь не «воспитывался» под влиянием русского писателя, не считал его источником своего вдохновения, как ошибочно полагают некоторые армянские литературоведы.

Доказательством может послужить и то, что Раффи не может представить женщину в образе врача: «Я не придерживаюсь крайностей, не вижу женщину в роли врача, писателя или судьи, а более хотел бы видеть ее в роли содержательницы магазина или отличной домохозяйки»².

Что касается утопии, то, как отмечает С. Саринян, ее «отдельные черты в творчестве Раффи можно наблюдать еще в «Предисловии» к роману «Салби», в мыслях героев произведений «Один вот так, другой – так» и «Золотой петух». В романе «Хент» утопия Раффи получает законченный и целостный вид, и как «социальный взгляд эта утопия является по себе значительнейшим явлением в истории армянской литературы и общественной мысли»³.

Таким образом, после Берлинского конгресса армянскую общественность особенно остро волновал только один вопрос: «Что делать?» Раффи романом «Хент» попытался по-своему ответить на него, черпая идеи у зарубежных просветителей, быть может, в том числе, и у Чернышевского. Однако никак нельзя утверждать сей факт с точностью, приводя лишь косвенные предположения и основываясь на домыслах, как это делает Г. Овнан, а вслед за ним и другой армянский исследователь Р. А. Карапетян в своей книге «Н. Г. Чернышевский в истории армянской общественной и философской мысли», одна из глав которой является почти перепечаткой соответствующей части книги Г. Овнана. Именно по причине того, что Карапетян не добавил ничего нового к уже сказанному, мы не будем затрагивать эту работу.

С Чернышевским, с его революционно-демократическими идеями и деятельностью тесно связано имя выдающегося армянского литературно-общественного деятеля, поэта, публициста и философа-материалиста Микаэла Налбандяна (1829–1866). Обратимся к отражению идей Чернышевского в его творчестве.

¹Оганнисян, А. Указ. соч. С. 177.

²Раффи. Армянская женщина. С. 359.

³Саринян, С. Указ. соч. С. 162.

Как известно, идейное и литературное становление Налбандяна происходило в эпоху общероссийского движения середины XIX в., что и определило направление, идеи и темы его творчества. Именно по этой причине, как бы нам ни хотелось избежать революционной и материалистической тематики, придется обратиться и к ним. В годы учения в Московском университете (1854–1858 гг.) и в особенности в период активного сотрудничества в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), который издавался в Москве, Налбандян ориентировался на «Современник». Но с самого начала стоит отметить, что в случае Налбандяна это было не просто механическое заимствование и восприятие чужих идей. Поэт вбирал, впитывал их, а затем вырабатывал, выдвигал свои, носившие творческий характер, идеи. Иными словами, воспринимая, осмысляя явления русской жизни, действительности, настроения и взгляды русских авторов и деятелей, Налбандян применял их в отношении к армянской действительности.

В начале октября 1853 г. Налбандян получает в Москве должность младшего учителя армянского языка в Лазаревском институте восточных языков.

Один из крупнейших очагов просвещения, способствовавший сближению армянской и русской культур, был основан в Москве в 1815 г. и просуществовал до 1918 г. Здесь слушали лекции о Востоке А. С. Грибоедов и А. С. Пушкин, в гимназических классах института учился И. С. Тургенев. Позже здесь учились Ю. Веселовский, К. Станиславский и другие деятели русской культуры.

Институт сделал очень многое для пропаганды русской литературы среди армян. В 1843 г. О. Амазаспян выпустил в Москве сборник армянских переводов стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского и Н. И. Гнедича, что положило начало систематической публикации произведений русской литературы в армянской печати.

В Лазаревском институте преподавал и видный общественный деятель и писатель А. Аламдарян, автор изданного в Москве «Краткого российско-армянского словаря» (1821). Ему принадлежит и учебное пособие «Законы русской грамматики», где приводятся отрывки из сочинений И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина и других русских писателей.

В 50-х гг. в институте армянскую литературу читал профессор М. Эмин (1815–1890), который еще при жизни Пушкина перевел на армянский язык его поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Он же переводил И. А. Крылова, Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева.

С Лазаревским институтом связана деятельность выдающегося армянского просветителя Степаноса Назаряна (1814–1879) – издателя прогрессивного армянского журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»). М. Налбандян познакомился с ним вскоре по приезде в Москву, и с этих пор между ними установилась искренняя дружба.

С. Назарян окончил философский факультет Дерптского университета, где он учился одновременно с Х. Абовяном. В Петербургском университете Назарян слушал лекции известных востоковедов – академиков М. И. Броссе и Х. Д. Френа, основательно изучил классическую немецкую философию И. Канта, Ф. В. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, творчество И. Ф. Шиллера и И. В. Гете.

В 40-х гг., будучи профессором Казанского университета, он защитил докторскую диссертацию по творчеству великого персидско-таджикского поэта А. Фирдоуси, изданную на русском языке в Москве и Казани.

Армянский исследователь С. Даронян в своей книге «Микаэл Налбандян. Проблемы творчества и литературных связей» отмечает, что в 12-м номере журнала «Современник» за 1851 г. в статье «Новые книги (ноябрь 1851)»¹ им обнаружена никогда не привлекавшая внимание специалистов рецензия на диссертацию Назаряна. В ней отмечалось, что анализ, данный Назаряном поэзии Фирдоуси, глубок и всесторонен, что работа армянского ученого «написана очень хорошим языком, показывает в авторе образованного, хорошо знакомого и с европейской литературой»².

Стоит отметить, что Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» вызывали интерес и у Чернышевского, серьезно занимавшегося изучением восточных языков и литератур. В романе «Повести в повести» (1863), написанном в Петропавловской крепости, Чернышевский с восторгом говорил о Фирдоуси, ставя его в ряд с Д. Мильтоном, В. Шекспиром, Д. Боккаччо и А. Данте. Возможно, он был знаком и с двухтомным трудом Назаряна, о выходе которого мог узнать как раз из рецензии «Современника».

Время пребывания Налбандяна (начало 1860-го) в Петербурге совпало с этапом нарастающего освободительного движения, в первых рядах которого, как известно, стоял и Чернышевский. В 1860 г. в «Юсисапайле» публикуется одно из самых известных стихотворений М. Налбандяна «Дни детства»:

Не лира нежная теперь нужная –
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь!³
(Пер. В. Звягинцевой)

Еще в начале 50-х Чернышевский писал: «... у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... А чем кончится это? Каторгою или виселицею» (1, 418–419).

¹Современник. 1851. № 12. С. 48–51.

²Даронян, С. К. Микаэл Налбандян. Проблемы творчества и литературных связей. Ереван, 1975. С. 28.

³Налбандян, М. Собр. соч. : в 2 т. Ереван, 1968. Т. 1. С. 50. Далее ссылки в тексте на это произведение даны с указанием тома и страницы арабскими цифрами в скобках.

С этими словами перекликается стихотворение «Свобода» Налбандяна, написанное за год до «Дней детства»:

«Свобода!» – восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь.
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнь, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, звать
И повторять: «Свобода!» (1, 18)
(Пер. В. Звягинцевой)

Заметно влияние русского критика на литературно-критическую деятельность и на эстетические взгляды армянского поэта. Так, в посвященной армянской литературе большой статье «Критика “Сос и Вардигер”» (1864), написанной во время заключения в Петропавловской крепости, Налбандян сравнивает опубликованный в «Юсисапайле» роман Г. Тер-Овannisяна «Тер-Саркис» (1861) с «Мертвыми душами» Гоголя, а его автора называет «армянским Гоголем».

В этой статье армянский критик развивает мысли Чернышевского, высказанные в «Очерках гоголевского периода русской литературы», и призывает армянских писателей идти в «гоголевском направлении» по пути критического реализма, о чем писал и Чернышевский: «... за Гоголем остается заслуга, что он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое» (III, с. 19). Стоит отметить, что если Чернышевский в «Очерках...» выделил новый, послегоголевский этап и назвал его «критическое направление», то в армянской литературе «гоголевский этап» только-только начинался.

Интересно, что «Критика “Сос и Вардигер”» была не только запрещена к публикации, но и включена в дело против Налбандяна. На прошении об издании статьи руководитель III Отделения кн. В. Долгоруков написал: «Как поступают с произведениями Чернышевского?»¹ Иными словами, был поставлен вопрос о строжайшей цензурной проверке, которой подвергалось и все, что писал в крепости Чернышевский, особенно после выхода романа «Что делать?».

В статье Налбандян рассуждает по поводу недовольства крестьян существующими порядками, показанными в романе П. Прошяна «Сос и Вардигер». Героем, способным вызвать перемены в установленных порядках, Налбандян считает Аршаму. «Устами Аршаму говорит представитель нового времени... Аршам представитель нового поколения: он не только не признает горькую истину этих слов, но и осуждает лицемерие своих братьев. Жаль, повторяем, что в “Сос и Вардигер”

¹Налбандян, М. С. Полн. собр. соч. : в 6 т. Ереван, 1983. Т. 4. С. 474.

мало проявляется то направление, которое мы видим в высказываниях Аршама, но и того, что есть, достаточно, чтобы видеть животворное влияние скептицизма» (2, 203).

В «Сосе и Вардitere» Налбандян выражает те же идеи, что и Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» («Современник», 1861, № 11), говоря о рассказах Н. Успенского, который изобразил деревню, ее ужасающий быт, инертность крестьян.

В годы сотрудничества в «Юсисапайле» Налбандян становится убежденным сторонником женской эмансипации в социальной и семейной сферах. Одну из глав своего остросатирического произведения «Дневник» (1858–1860) Налбандян посвятил семейному и общественному положению армянской женщины: «...прошли времена, когда на женщину смотрели как на рабыню. Прошли времена, когда женщина считалась товаром, вещь, предметом обстановки, объектом купли-продажи. Прошли и уже не вернуться те времена, когда законодатели смотрели на женщину, как на некую родильную фабрику, производящую солдат для отечества. Прошли времена, когда женщина считалась то нечистой силой, то ангелом. Теперь, в наш гуманный век, просвещенный мир смотрит на женщину как на человека» (1, 422–423).

В своей повести «Одному – слово, другому – невесту» (1858) Налбандян впервые делает попытку создать в лице Манушак образ новой, передовой женщины. Но если здесь вопрос об эмансипации женщин решается лишь с чисто просветительских позиций, то уже в романе «Вопрошение мертвых» (1859) все иначе. В главной героине этого произведения, помимо гордости и независимости характера, появляются внешнее обаяние, ум, образованность, воспитанность. Мариам прекрасно владеет иностранными языками и много читает, любит музыку и прекрасно поет, играет на фортепьяно и интересуется общественной жизнью.

В образ Мариам Налбандян вложил такие черты, которые роднят ее с Верой Павловной. К сожалению, роман «Вопрошение мертвых» остался незавершенным и не был известен в широких читательских кругах, ведь образ Мариам был фактически новым явлением в армянской литературе.

Крупный армянский поэт, прозаик и переводчик Рафаэл Патканян, являющийся одним из основоположников армянской гражданской поэзии, также рассматривал вопрос «Что делать?», однако в свете волновавших его национальных проблем.

После Русско-Турецкой войны и победы балканских народов Патканян считал, что Армения, подобно Болгарии, сможет обрести свободу. Главной мыслью, проходившей почти через все его произведения, является освобождение Западной Армении от турок. Именно эта тема звучит в знаменитых его стихотворениях «Слезы Аракса», «Песнь матери Агаси», в поэме «Смерть храброго Вардана Мамикониана» и др.

Армянский поэт учился в Петербургском университете в конце 50-х, в эти годы создал армянский студенческий литературный кружок «Гамар-Катипа» (это название Патканян также использовал как псевдоним при издании собственных произведений). В 1862 г. он открыл в городе типографию, которая печатала армянские переводы зарубежной и русской литературы. Патканян также был основателем просветительского журнала «Север», который издавался в Петербурге и был ориентирован на местных армян. Будучи в центре литературной жизни Петербурга и в курсе всех событий, Патканян, надо полагать, был знаком с идеями и произведениями Чернышевского. Вполне возможно, что и первое в армянской действительности ремесленное училище для бедняков, открытое Патканяном в конце 70-х гг., появилось не без воздействия романа «Что делать?», по примеру швейной Веры Павловны.

В некоторых произведениях Патканяна прослеживаются его симпатии к русскому народу, в частности в стихах периода Русско-Турецкой войны (1877–1878 гг.), в стихотворном цикле «Вольные песни» (1878) и в рассказе «Война» (1877). В 1881 г. Патканян пишет стихотворение «Что делать?» («Դ՛իշ տի՛նի?»). Примечательно, что название взято в кавычки, что позволяет предположить указание Патканяном на источник вдохновения – роман «Что делать?» Чернышевского. Открыто дать ссылку на опального русского писателя Патканян не мог, поскольку имя Чернышевского все еще находилось под запретом.

Г. Овнан, обращаясь к вопросу о воздействии романа «Что делать?» на армянских писателей, говорит и об А. Ширванзаде, который не только сам зачитывался этим произведением, но и распространял его среди молодежи, организовав чтения в литературных кружках: «В 80-е годы прошлого столетия армянский писатель Ал. Ширванзаде, работая в библиотеке бакинского благотворительного общества, через своих тифлиских знакомых приобрел роман “Что делать?” и читал его в Баку среди армянской и русской молодежи... Под влиянием романа “Что делать?” А. Ширванзаде изучает жизнь рабочих на нефтепромыслах Баку, их тяжелые будни, пишет ряд интересных статей о жизни и безжалостной эксплуатации рабочих»¹.

Идеи Чернышевского нашли отражение и в творчестве малоизвестного армянского писателя А. Адеяна (1871–1902), изображавшего в своих рассказах тяжелое состояние армянского крестьянина.

Произведения Адеяна не издавались отдельной книгой ни при жизни писателя, ни долгое время после. Лишь в журнале «Мурч» с 1854 по 1900 г. публиковались отдельные рассказы. В 1899 г. тоненькой книжечкой издается рассказ «Свекровь».

Спустя 50 лет, в 1950 г., в Ереване издается собрание сочинений Адеяна в одном томе. В него включены почти все художественные

¹Овнан, Г. Н. Г. Чернышевский и армянская литературно-общественная мысль. С. 273–274.

произведения писателя, за исключением одного маленького незаконченного рассказа «Дневник студента».

Учитывая, что А. Аделян мало знаком даже армянскому читателю, считаем нужным привести некоторые факты его биографии. А. Аделян (настоящая фамилия Даниелян) родился в селении Мегри в крестьянской семье. Начальное образование получил в родном селении, а затем переехал с отцом в Баку, где учился в реальной школе. Именно там у Адедяна появляются русские друзья, с помощью которых он начинает читать российские периодические издания.

«Один из русских его товарищей по школе, который приносил запрещенные цензурой книги, принес и вручил ему журнал “Современник”. “Прочитаешь роман “Что делать?”, – сказал он, – автор этого романа уже 20 лет влачит существование на каторге»¹.

Аделян не мог оторваться от этой книги: «Проведя бессонные две ночи, он все же прочел роман – произведение, которое не было похоже ни на один из прочитанных ранее романов. Он был поражен целеустремленностью героев романа Чернышевского, их наполненной смыслом деятельностью, швейными мастерскими Веры Павловны и загадочным образом Рахметова. В то время многое для Адедяна осталось непонятым, но он уловил самое главное – мысль о том, что перед любым честным и сознательным человеком Чернышевский ставит вопрос о том, что же делать»².

Идеи Чернышевского проявляются, в частности, в рассказе Адедяна «Несговорчивый Аракел», опубликованном в журнале «Мурч» за 1894 г.

Один из главных героев рассказа учитель Смбат Мхитарян, увлеченный романом «Что делать?», получил образование в армянской школе, затем в русском училище, принимал участие в литературных кружках. «Товарищи приносили ему произведения тех критиков, которые вызывали в мыслях читателя целую революцию. Смбат с жадностью поглощал эти книги. Знакомство с идеями о преобразовании жизни человека и общества вызывало в нем воодушевление и жажду деятельности. Он уже ясно понимал, в чем состоит призвание личности, обязанности общества и его членов... Систематическое чтение и знакомство с жизнью поставило перед Смбатом вопрос “что делать?”, столь мучивший его»³.

Нам кажется, что Аделян, подобно Паткянью, специально формулирует предложение так, чтобы упомянутый вопрос был в кавычках, тем самым указывая на запрещенный царской цензурой источник.

Находясь под влиянием просветительских идей Чернышевского, Смбат Мхитарян решает построить в селе школу и учить ребятишек.

¹ Даниелян, С. Азария Аделян. Ереван, 1964. С. 13 (на арм. языке).

² Там же. С. 14.

³ Аделян, А. Собр. соч. Ереван, 1950. С. 26.

Он пропагандирует свои идеи среди жителей села. «Сельчане слушают, краснеют и опускают головы, затем дух перемирия потихоньку вселяется в жителей села, и начинают они жить все вместе в любви и взаимопомощи»¹.

Однако благие намерения Мхитаряна встречают упрямое сопротивление в лице крестьянина Аракела и учащего деревенских ребятишек грамоте паломника Моси. Аракел против потому, что ждет наследства от дяди, который, в свою очередь, решил написать завещание и оставить все свое состояние будущей школе и Церкви. Моси боится, что его ученики переметнутся в будущую школу, оставив его без средств к существованию.

Своим рассказом Адеян доказывает, что в армянских селах еще не было такой почвы, на которой можно было бы сеять просветительские идеи.

Село, где преобладали экономические конфликты, разногласия между людьми, узкие эгоистические интересы, мешающие осуществлению этих планов, не может идти вперед и развиваться.

Адеян показал, что в сельской жизни конца XIX в. решающую роль играют объективные факторы, перед которыми личность бессильна. Строительство школы было первым пунктом в спасительном для деревни плане. Но он заканчивается крахом, а Смбат Мхитарян становится первой жертвой.

Таким образом, целый ряд армянских писателей проявляли живой интерес к Н. Г. Чернышевскому и к его роману «Что делать?». Это самое значительное произведение Чернышевского оставило свой след в армянской литературе и стало источником вдохновения и идей для некоторых армянских писателей XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Даниелян, С. Азария Адеян / С. Даниелян. Ереван : Издательство АН СССР, 1964 (на арм. языке).

Даронян, С. К. Микаэл Налбандян. Проблемы творчества и литературных связей / С. К. Даронян. Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1975.

Налбандян, М. Собр. соч. : в 2 т. / М. Налбандян. Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1968. Т. 1.

Налбандян, М. С. Полн. собр. соч. : в 6 т. / М. С. Налбандян. Ереван : Издательство АН СССР, 1983. Т. 4.

Овнан, Г. Русско-армянские литературные связи в XIX–XX вв. / Г. Овнан. Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1960. Кн. 1 (на арм. языке).

Овнан, Г. Н. Г. Чернышевский и армянская литературно-общественная мысль / Г. Овнан // Чернышевский и литература народов Советского Союза. Ереван : Издательство Ереванского государственного университета, 1988.

¹Даниелян, С. Указ. соч. С. 58.

Оганнисян, А. Налбандян и его время / А. Оганнисян. Ереван : Айпетрат, 1955. Кн. 1.

Раффи. Хент / Раффи. Ереван : Армянское государственное издательство, 1957.

Раффи. Армянская женщина / Раффи // Раффи. Собр. соч. : в 10 т. / Раффи. Ереван : Айпетрат, 1958. Т. 9. (на арм. языке).

Раффи. Собр. соч. : в 10 т. / Раффи. Ереван : Айпетрат, 1959. Т. 10 (на арм. языке).

Саринян, С. Раффи / С. Саринян. Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1957 (На арм. языке).

Саринян, С. Раффи. Система мыслей и образов / С. Саринян. Ереван : Издательство СНА, 2010 (На арм. языке).

Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Правда, 1974. Т. 1.

В. А. Китаев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЗАПАДНИЧЕСТВА

И. С. ТУРГЕНЕВА (вторая половина 1850 – начало 1880-х гг.)

На протяжении второй половины 1850 – начала 1880-х гг. И. С. Тургенев трижды публично манифестировал свое западничество. В первом случае это было сделано в романе «Дым» (1867), где устами одного из героев – Созонта Потугина – формулировалось западническое кредо образца 40-х гг. Тема отношения к Европе не могла не возникнуть в тургеневских «Воспоминаниях о Белинском» (1869). Здесь писатель полностью солидаризировался с позицией одного из лидеров классического западничества. В последний раз приверженность европеизму была подтверждена им в статье «Александр III» (1881).

В этих заметках нас будет интересовать в основном содержание той части мыслительной работы Тургенева в «западническом направлении», которая не нашла отражения в его текстах для печати, но запечатлелась в письмах писателя, относящихся к пореформенной эпохе, и отчасти в воспоминаниях современников о нем.

Называя себя «европеусом» и являясь по сути таковым, Тургенев протестовал против внешней подражательности, бездумного копирования западных образцов. Именно эта черта истинного, по его убеждению, западничества была подчеркнута в портрете В. Г. Белинского. «Принимать результаты западной жизни, применять их к нашей, соображаясь с особенностями породы, истории, климата – впрочем, относиться и к ним свободно, критически, – вот каким образом могли мы, по его понятию, достигнуть наконец самобытности, которую он дорожил гораздо более, чем обыкновенно предполагают. Белинский был вполне русский человек, даже патриот <...>», – писал Тургенев¹.

¹*Тургенев, И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. М. ; Л., 1967. Т. 14. С. 42. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием серии, тома и страниц.

Здесь особенно важно подчеркнуть, что Тургенев, как и другие западники 40-х гг., видел в школе европеизации для России неизбежный этап на пути достижения ею подлинной самостоятельности – разумеемся, в семье европейских народов. Только что приведенное место из «Воспоминаний о Белинском» почти дословно повторяло слова, прозвучавшие уже в одном из «идеологических» монологов Потугина в «Дыме».

Нетрудно заметить, что чем дальше продвигалась Россия по пути реформ, тем определеннее становилось убеждение Тургенева в изначальной одноприродности русского и европейского миров. Он отказывался рассматривать антитезу «Запада и Востока», видя в ней «белые нитки и стертые локти». К концу жизни писателя его западничество уже не требовало работы по привитию навыков критического усвоения форм европейской жизни в современной России. Вот многоговорящее заявление, прозвучавшее в статье 1881 г.: «Русские – той же расы, что и все остальные европейские народы, их образование и цивилизация аналогичны, их нужды тождественны, их язык подчинен правилам той же грамматики» (Соч., т. 14, с. 285). Истины ради следует все-таки сказать, что на пути к этой оптимистической для западника констатации Тургенева не раз подстерегали тяжелые сомнения. Пореформенная российская действительность далеко не всегда, мягко говоря, выглядела по-европейски. Да и сам образец был еще далек от полного осуществления собственных (они же общечеловеческие) идеалов.

Первоначальное западничество (1840-е гг.) получило свою теорию русского исторического процесса из рук К. Д. Кавелина. Она была сформулирована в его статье «Взгляд на юридический быт древней России» (1847) и получила название «родовой теории». Называя здесь немалое число исторических отличий России от Европы, Кавелин, вместе с тем, уверенно определял точку схождения в их развитии. Ею было начало человеческой личности, гарантом свободы которой должно было стать правовое государство. Казалось бы, это построение не выбивалось из западнического русла, и у Тургенева не могло быть возражений против него. Тем не менее в начале 60-х гг. он оппонировал кавелинской теории родового быта.

Писатель видел в ней дань «абстракции», следы «немецкого процесса мышления», «кабинетную, высиженную штучку», ставил ее в один ряд со славянофильством, герценовским «русским социализмом», земской теорией А. П. Шапова. «Тот особый строй, который придается государственным и общественным формам усилиями русского народа, – писал он Герцену 26 сентября (8 октября) 1862 г., – еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексии, подвели его под категории. А не то предстоит опасность то низвергаться перед народом, то коверкать его – то называть его убеждения святыми, то клеймить их несчастными и безумными» (Письма, т. 5, с. 52).

Уместным будет вспомнить, что создатель родовой теории отказался от своего детища, о чем свидетельствует его статья «Мысли

и заметки о русской истории» (1866). Этот шаг стал следствием отхода Кавелина от гегельянства, которое оценивалось теперь как «форма добровольной и духовной кабалы», «духовного самоотречения». «Наши теории 40-х годов исходили из общих начал, взятых извне, из идеалистической немецкой философии или из фактов западноевропейской политической и общественной жизни, – признавал теперь историк. – Поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни»¹.

Провозглашенный Кавелиным отказ от немецкой идеалистической философии был вполне в духе требований Тургенева. Но на концептуальном уровне он обернулся отречением от идеи финального схождения путей исторического развития России и Европы, абсолютизацией преимуществ «мужицкого царства» перед умирающим западным миром. Парадоксальным образом этот результат был получен опять-таки не без помощи диалектики².

Знаком ли был Тургенев с кавелинскими «Мыслями и заметками о русской истории», как реагировал он на изменения в историософии либерала-западника 40-х гг.? К сожалению, получить ответы на эти вопросы пока не представляется возможным. Но не будет натяжкой предположить, что решительный разворот Кавелина в начале 60-х гг. в сторону славянофильства, конечно же, не мог приветствоваться писателем. Тургеневский императив, обращенный к России и русским, – быть, ощущать себя Европой, мысля независимо, самостоятельно, – оставался неколебимым.

Либеральный проект преобразований в России 60–70-х гг. вряд ли состоялся бы без учета его создателями последних достижений европейской социально-политической науки. Их рецепция – чрезвычайно важный аспект жизни западного либерализма на рубеже 50–60-х гг. Они были включены в обсуждение вопроса о предпочтительности того или иного конкретного социально-политического образца для подражания. Если говорить о предреформенном времени, то выбор здесь был невелик: Англия или Франция. Странники бюрократической централизации ориентировались на французский опыт, децентралисты выбирали английскую модель. Разгоревшаяся между ними в 1857 г. полемика вокруг книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» расколола и без того немногочисленный либеральный лагерь. «Государственники» Б. Н. Чичерин и С. М. Соловьев оставили катковский «Русский вестник» и начали сотрудничать в новом органе русского либерализма – журнале Е. Ф. Корша «Атеней»³.

¹Корсаков, Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. № 2. С. 629.

²Подробнее об этом см.: Китаев, В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004. С. 50–52.

³Подробнее об этом см.: Китаев, В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972. С. 86–106.

«Противогосударственничество» «Русского вестника» нашло свое выражение в англomании, которая сформировалась под влиянием работ А. Токвиля, Ш. Монталамбера и в еще большей степени Р. Гнейста. Последний находил единственно надежное обеспечение политической свободы не в разделении властей и парламентаризме, а в местном самоуправлении под опекой землевладельческой аристократии. Именно этим взглядом вдохновлялись М. Н. Катков и его единомышленники.

К сожалению, нет надежных свидетельств того, какую позицию в спорах либералов-западников в 1857–1858 гг. занимал Тургенев. Скорее всего, он вел себя «внепартийно», не связывая себя ни с одной группой интересов, оставаясь «над схваткой». К этому выводу подталкивает отсутствие каких-либо ноток симпатии к Б. Н. Чичерину в тургеневских письмах начала 60-х гг. В то же время ему были чужды увлечения в духе англофильства. Об этом можно говорить с большей долей определенности, опираясь на его оценки позиции А. В. Дружинина, возглавившего с осени 1856 г. журнал «Библиотека для чтения». «<...> Он (Дружинин. – В. К.) намерен придать ей («Библиотеке для чтения». – В. К.) консервативно-английский характер, – читаем в письме Тургенева Герцену от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.). – <...> Да и откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же к гнилому плетню и сказать ему: ты не плетень, а каменная стена, к которой я намерен пристроить!» (Письма, т. 3, с. 70). Письмо Тургенева самому Дружинину от 13 (25) января 1857 г. содержало сдобренное иронией обращение к адресату: «милейший консерватор» (Письма, т. 3, с. 86).

Ту же иронию нельзя не почувствовать в том, как изображен в романе «Отцы и дети» англomан Павел Петрович Кирсанов. Его увлечение туманным Альбионом оказалось эфемерным. В финале романа старший из братьев Кирсановых исповедует уже «славянофильские воззрения», а на письменном столе у него красуется серебряная пепельница в виде мужицкого лапта.

Тема «земледельчески-дворянски-классической аристократии» в насмешливом ключе еще раз прозвучала в письме А. А. Фету от 26 сентября (8 октября) 1871 г. (Письма, т. 9, с. 143).

Тургеневские письма запечатлели напряженную работу над вопросом: в каком направлении двинулась Россия, приступившая к освобождению крестьян? Пристально вглядываясь в пореформенные реалии и нередко обнаруживая в них «бессилие, вялость <...> невыносимую грязь и бедность», он все-таки приходил к убеждению о начале новой исторической эпохи – эпохи становления более прогрессивного, чем крепостной строй, буржуазного порядка. «Народ носит в себе зародыш буржуазии в дубленом тулупе», – убеждал он Герцена в 1862 г. (Письма, т. 5, с. 52). «Рано мы с Вами родились <...>, – писал он П. В. Анненкову 11(23) апреля 1878 г., – мы увидим только одни безобразия нарождающегося нового времени – а что оно нарождается – в этом я не сомневаюсь» (Письма, т. 12, кн. 1, с. 308).

Ускоренное реформами 60–70-х гг. движение России навстречу Европе не могло не обострять для русской общественной мысли проблему сохранения национальной культуры, национального характера. Тургенев не остался безразличен к ней. Интереснейший материал на эту тему содержат воспоминания «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», подписанные инициалами «Н.М.» и появившиеся в журнале «Русская мысль» в 1883 г. Мемуарист, познакомившийся с писателем в 1879 г., тщательно воспроизводит его рассуждения о различиях в ментальности, как бы сегодня сказали, русского и француза, чертах несходства двух национальных культур. Если верить автору, то Тургенев надеялся, что русские, пройдя, как и французы, фазу «капиталистического развития», не уподобятся им в том, что «закончат известный круг культурного развития, удовлетворятся и точно откристаллизуются в нем, исчерпав весь запас духовных сил». «<...> Не одни исторические и экономические причины определяют жизнь народа, – размышлял Тургенев, – а также и его национальные, психические, бытовые, географические и разные другие свойства и особенности, – и эти-то свойства, я твердо уверен в том, помешают русскому человеку закончиться и замереть в той форме, в какой замерли, по видимому, французы»¹.

Мемуарист был, несомненно, прав, отмечая, что при всей своей враждебности «фанатическому византийскому славянофильству», стремившемуся изолировать «русское племя» от влияния Западной цивилизации, Тургенев все-таки видел его национальные особенности и признавал за ними «глубокое историческое значение»².

В характеристике западничества Тургенева нужно, конечно, учесть его реакцию на пушкинскую речь Ф. М. Достоевского, произнесенную 8(20) июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности. Вот ее главные историософские положения: обладая уникальной способностью к «всемирной отзывчивости», русская народность была призвана «внести примирение в европейские противоречия», «изречь окончательное слово великой общей гармонии» «по Христову евангельскому закону»; стать «настоящим русским» значило «стать братом всех людей, всечеловеком»; «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное»³. Достоевскому казалось, что с этим убеждением он преодолевает «великое у нас недоразумение» спора между славянофильством и западничеством.

Речь Достоевского Тургенев оценил как «очень умную, блестящую и хитроискусную», «замечательную по красивости и такту», но покоящуюся при этом «всецело» «на фальши». Попытка превратить русского во «всечеловека» была им решительно отвергнута. «И к чему этот *всечеловек*, которому так неистово хлопала публика? – писал

¹И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 159–160.

²Там же. С. 161.

³См.: *Достоевский, Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136–149.

он М. М. Стасюлевичу 13(25) июня 1880 г. – Да быть им вовсе и не желательно: лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным всечеловеком. Опять все та же гордыня под личиной смирения. Может быть, европейцам оттого и труднее та ассимиляция, которую возводят в какое-то гениальное всемирное творчество – что они оригинальнее нас» (Письма, т. 12, кн. 2, с. 272). Как это ни парадоксально, но позиция западника Тургенева выглядела в данном случае «национальнее», чем откровение почвенника Достоевского, попытавшегося подняться над борениями славянофилов и западников.

В выборе русским либералом страны-фаворита в Западной Европе присутствовал двоякий смысл. В одном случае мог иметься в виду образец для копирования достижений в социально-политической области. В другом определялся лидер в деле утверждения либерально-демократических ценностей в самой Европе, уже без какой-либо привязки к России. Второй вариант локализации европеизма был актуализирован целым рядом важных политических событий: Франко-Прусской войной 1870–1871 гг., объединением Германии, падением Второй империи во Франции и Парижской коммуной. В их обсуждении активно участвовал новый лидер либерального журнализма «Вестник Европы», ставший с 1868 г. главной трибуной для Тургенева. Да и сам писатель не раз высказался на эту тему.

Для «Вестника Европы» рубежа 60–70-х гг. характерна неоднозначность политического европеизма. На условно левом его фланге поначалу находился Е. И. Утин, демонстрируя франкофильство и несомненный республиканизм. Правда, они были быстро остужены, и их приверженец превратился в поклонника английской парламентарной монархии. Против «французомании» Евгения Утина выступили его старший брат Николай Утин, редактор журнала М. М. Стасюлевич, а также ведущие сотрудники журнала Ю. А. Россель, К. К. Арсеньев и Л. А. Полонский. Последний все более склонялся в своих политических симпатиях к Англии. Наконец, писавший тогда для «Вестника Европы» А. А. Суворин заявил о себе как сторонник «немецкого порядка» и германского парламентаризма¹.

Если выйти из круга «Вестника Европы», то небезынтересно будет отметить тот факт, что военно-политические перипетии несколько не поколебали прежних симпатий Б. Н. Чичерина к Франции. С нею теперь он связывал надежды на переход в «новую эру для человеческого рода». «Хотя мы с вами и не демократы, – писал он А. В. Станкевичу 19 августа 1870 г., – но мы все-таки будем торжествовать победу и увидим в Европе новую жизнь, исходящую из обновленной Франции»².

¹Подробнее об этом см.: *Оболенская, С. В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 211–221; *Китаев, В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 г.). С. 200–215.

²Цит. по: *Оболенская, С. В.* Указ. соч. С. 236.

В начале Франко-Прусской войны Тургенев решительно высказывался за поражение Франции – в случае победы наполеоновской империи «возможность свободного развития свободных учреждений в Европе» была бы, по его мнению, окончательно похоронена. Установление республики во Франции склонило его к прямо противоположному взгляду. Теперь его симпатии принадлежали исключительно ей, а немцы превратились в его глазах в «завоевателей». Конечно, он был напуган Парижской коммуной, но после ее падения уверенность писателя в том, что «росток» республиканского строя во Франции не погибнет, неуклонно крепла на всем протяжении 70-х гг. независимо от того, в какую сторону колебался там политический маятник.

Характер республики во Франции не вызывал у Тургенева больших восторгов. В одном из писем П. В. Анненкову конца 1873 г. он говорил как о вполне реальной перспективе превращения ее в «дюжинную, пошлую, узкую, деревянную, железную», «подтянутую, солдатскую, форменную», т. е. такую, какую одобрил бы даже «покойный Николай Павлович» (Письма, т. 10, с. 171). Спустя два года писатель называл Французскую республику «весьма буржуазной», «умеренной», «рутинной», «terre a terre» (лишенной полета, воздушности – фр.) и признавался, что в таком виде она не приводит его в восторг (Письма, т. 11, с. 52, 167). Но при всем том его не покидала уверенность, что Франция «превратится в самую идиллическую страну в целом свете». Эти слова были произнесены в письме к А. А. Фету от 16(28) декабря 1878 г. «Посмотришь: везде волнения и бури, бедствия, убийства, – читаем тут же, – а здесь, как говорится, и ветерок не шелохнет. Деньжищев пропасть, ни одного социалистического журнала, благодать и благостыня» (Письма, т. 12, кн. 1, с. 405).

Признаваясь в начале 1876 г. М. Е. Салтыкову-Щедрину в своем историческом оптимизме, он называл единственную точку опоры для этого настроения: ею была Франция. С ней в этой роли могла бы конкурировать Россия, но здесь, не без горечи констатировал Тургенев, «с каждым днем более и более расплывается какой-то мерзкий кисель» (Письма, т. 11, с. 216–217).

Итак, стойкое франкофильство республиканского толка, сформировавшееся у Тургенева на рубеже 60–70-х гг., заметно выделяло его из круга либералов «Вестника Европы». В этом выборе писатель оказывался даже «левее» Евгения Утина, но в то же время сближался с далеким от журнала Стасюлевича консервативным либералом Черинным.

В характеристике западничества Тургенева нельзя обойти молчанием вопрос об отношении писателя к направлению «Вестника Европы». Попробуем в заключение ответить на него. Либерально-западническая ориентация этого издания никогда не вызывала сомнений, как не вызывает сомнений идейная близость писателя к Стасюлевичу и его главным сотрудникам. Но было бы ошибкой игнорировать наличие к началу 80-х гг. подспудных, не успевших вскрыться расхождений

писателя с идейной линией «Вестника Европы». Природу их можно понять, только приняв во внимание ту трансформацию, которую пережило западничество в 1850–1870-е гг.

Ранее, классическое, западничество 40-х гг. объединяло в себе либералов и социалистов. Точкой схождения тех и других стали на некоторое время идеи личной свободы и демократии¹. Уже к концу десятилетия этот союз распался. Этот распад знаменовали смерть Белинского, эмиграция Герцена и последовавший за ней переход этого мыслителя на позиции «русского социализма». Западничество, таким образом, оказалось идеологически чисто либеральным и таковым вступило в эпоху подготовки и проведения Великих реформ. Если остановиться на этой констатации, то не может возникнуть никаких проблем с определением характера отношений между Тургеневым и редакцией «Вестника Европы». Но в том-то и дело, что новое, пореформенное западничество, сгруппировавшееся в журнале Стасюлевича, не стояло на месте, заметно эволюционировало в 1870-е гг., и его либерализм к началу 1880-х гг. приобрел совершенно определенную социальную окраску². Можно говорить в связи с этим о рождении социального либерализма в России, о его способности двинуться навстречу европейскому социализму и русскому народничеству. Отказываясь от абсолютизации принципа экономической свободы, этот либерализм вдохновлялся теперь в значительной степени идеей достойного человеческого существования для массы малообеспеченных. В этой измененной системе теоретических координат возвращали себе права гражданства формы коллективной собственности. Применительно к России такими были крестьянская община и артель. Либерализм такого толка становился враждебным старому европейскому либерализму. Ему уже бросался упрек в том, что он по-прежнему защищает интересы «обеспеченной буржуазии» в ущерб общенародным интересам.

Для такого либерализма удержание за собой определения «западнический» не имело большого значения. Борьба со славянофилами и народниками утрачивала значительную часть своего смысла. Устами своего ведущего публициста К. К. Арсеньева «Вестник Европы» в конечном счете признал бессмысленность названия «западник» применительно к противникам славянофильства. Он уже не видел возможности каких-либо соединений вокруг «идола» европейской цивилизации. Отбрасывая за ненадобностью западнический ярлык, «Вестник Европы», разумеется, не прекращал защиту обновленного либерализма от оппонентов справа и слева.

Во всем остальном либералы «Вестника Европы» шли в русле, проложенном своими предшественниками – западниками 40-х гг. Они

¹См.: Малин, М. Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812–1855. М., 2010. Гл. 13 : Западники : либералы и социалисты.

²См.: Китаев, В. А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) // Китаев, В. А. XIX век : пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. С. 248–275.

не требовали слепого подражания европейским порядкам, не игнорировали самобытность России, видя в ней «не символ веры, не мистический залог призвания», а «просто факт, который ни на минуту не следует упускать из виду»¹. В самой же Европе ими отделялись ее «идеалы» («светлая четверть европейской жизни») от повседневной «рыночной и домашней деятельности» (невидимые издали «три темные четверти»). Такое видение Европы было прямым повторением Герцена даже не 40-х, а 50-х гг. В журнале утверждалось, что истинный западник должен был признавать руководящими лишь «идеи, выработанные жизнью не Европы только, а и всего человечества». «Идеи эти, – признавалось там, – также тяжело прививаются к жизни Европы, как и к жизни России»².

Нам не удалось выявить свидетельств, говорящих о реакции Тургенева на изменения в позиции журнала. Но из этого не следует, что он их принимал. Хорошо известный факт – верность писателя принципу экономической свободы, последовательное неприятие им институтов крестьянской общины и артели в пореформенной России (Письма, т. 7, с. 13; т. 8, с. 139). В 60-е гг. Тургенев потратил немало сил на противостояние герценовской теории «русского социализма», хотя собственно тургеньевская часть полемики с издателями «Колокола» так и не вышла в публичное пространство. Показательно, что в статье «Александр III» – последнем своем программном выступлении – он ни словом не обмолвился об общине и крестьянском малоземелье. Все это позволяет говорить о том, что Тургенев до конца жизни пронес верность своему «старому» западническому либерализму, но либеральная ортодоксия не помешала ему в 1870 – начале 1880-х гг. находиться в дружественных отношениях с кругом «Вестника Европы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. Ленинград : Наука, 1984. Т. 26.

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Москва : Художественная литература, 1983. Т. 2.

Китаев, В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века / В. А. Китаев. Москва : Мысль, 1972.

Китаев, В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) / В. А. Китаев. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004.

Китаев, В. А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) / В. А. Китаев // Китаев, В. А. XIX век : пути русской мысли / В. А. Китаев. Нижний Новгород : Издательство Нижегородского университета, 2008. С. 248–275.

Корсаков, Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний / Д. А. Корсаков // Вестник Европы. 1887. № 2.

¹Вестник Европы. 1882. № 4. С. 809.

²Там же. 1881. № 11. С. 303.

Малиа, М. Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812–1855 / М. Малиа. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2010.

Оболенская, С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России / С. В. Оболенская. Москва : Наука, 1977.

Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. / И. С. Тургенев. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1960–1968.

Е. В. Первалова

**«ОБЯЗАННОСТЬ РЕДАКЦИИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ
ПРИСУТСТВИЕ ЕЕ БЫЛО ВИДНО ПОВСЮДУ...»:
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ
М. Н. КАТКОВА-РЕДАКТОРА**

Неординарная личность влиятельного консервативного публициста и журналиста 1850–1880-х гг. М. Н. Каткова (1818–1887) в последние два десятилетия привлекает внимание философов, политологов, историков, журналистов¹. Его заслуги как публициста, мыслителя и одного из основоположников теории государственности сегодня признаны и доказаны². Однако редакторская и издательская деятельность Каткова по-прежнему исследована мало, что несправедливо: в течение двадцати пяти лет он являлся редактором-издателем газеты «Московские ведомости», которую сумел превратить в одно из самых авторитетных общероссийских ежедневных изданий, и более тридцати лет возглавлял общественно-политический и литературный журнал «Русский вестник» – лучший, как считали многие современники, русский ежемесичник 1860–1870-х гг. Вместе с тем деятельность Каткова-редактора с первых его шагов в этой роли подвергалась жесткой критике:

¹См.: Попов, А. А. М. Н. Катков : к вопросу о его социально-политических взглядах // Вестник Московского государственного университета. Сер. 12, Социально-политические науки. 1992. № 9. С. 74–81; Ретников, А. В. Русский консерватизм : Михаил Никифорович Катков [Электронный ресурс] // Перспективы [Электронный ресурс] : сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. М., 2015. URL: http://www.perspektivy.info/history/russskiy_konservativizm_mihail_nikiforovich_katkov_2008-2-11-16-36.htm (дата обращения: 20.10.2017); Кантор, В. К. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // Философские науки. 2007. № 2. С. 66–91; Брутян, А. Л. М. Н. Катков : социально-политические взгляды. М., 2001. 159 с.; Матюхин, А. Традиция «государственников» в русском консерватизме : отрицание общественной самоорганизации и народного представительства // Обозреватель-Observer. 2005. № 9. С. 36–44; Первалова, Е. В. Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862) : литературная позиция. М., 2010. 346 с.; и др.

²См.: Кантор, В. К. Михаил Никифорович Катков: «Основой преобразований должен быть существующий порядок...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 146–155; Санькова, С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. М. ; СПб., 2007. 298 с.; Шириянин, А. А. Михаил Никифорович Катков // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2004. № 6. С. 76–92; и др.

его обвиняли в деспотизме по отношению к сотрудникам, в навязывании собственного мнения, в диктаторских замашках, в бесцеремонном вмешательстве в авторские тексты, в попытках давления на писателей с целью заставить их менять замысел своих произведений в соответствии с определенной политической конъюнктурой и т. п.

В данной статье рассматривается несколько эпизодов, относящихся к первым годам издания «Русского вестника», с целью дать более объективную оценку М. Н. Каткову-редактору.

«Русский вестник», издание которого было начато в Москве в 1856 г., стал одним из первых журналов, разрешенных после почти тридцатилетнего запрета на новые органы печати, существовавшего в период правления Николая I. Либерализация правительственного курса в первые годы царствования Александра II способствовала расширению информационных рамок, упразднению ряда стеснительных цензурных ограничений и т. п. Журнал Каткова стал едва ли не первым изданием, предложившим программу общественно-политических преобразований, целью которых являлось постепенное совершенствование российской действительности на основе законов и строго в пределах, допускаемых правительством. Редактору с первых же месяцев удалось собрать круг авторов-единомышленников, объединенных идей необходимости преобразований. Здесь сотрудничали И. К. Бабст, И. Н. Березин, Н. Х. Бунге, Ф. И. Буслаев, Г. В. Вызинский, А. Н. Драшусов, А. С. Ершов, С. В. Ешевский, К. Д. Кавелин, В. П. Безобразов, С. А. Рачинский, Н. С. Тихонравов, И. В. Вернадский, А. Д. Галахов, А. В. Никитенко, Б. И. Утин, Н. Ф. Павлов, Е. В. Салиас-де-Турнемир, А. В. Дружинин, П. В. Анненков, М. С. Щепкин, Н. А. Рамазанов, В. В. Стасов, М. Е. Салтыков и др. Как отмечали современники, журнал располагал силами гораздо большего числа хороших сотрудников, чем какое-либо другое издание тех лет: «Все, что примыкало к либеральному кружку московских профессоров, все так называемые западники, почитатели науки и свободы, соединялись для общего дела», – вспоминал впоследствии Б. Н. Чичерин¹. Коллеги и друзья очень высоко оценивали деятельность Каткова-редактора в этот период. «Мы все раскиданы как прутья, и Катков, связавший свои прутья в один веник, – Геркулес перед нами», – восторженно писал А. В. Дружинин И. С. Тургеневу в январе 1857 г.² «Вы сумели поднять отважно и с честью поддержать знамя истинного, разумного прогресса и собрать около него немало людей, которые без того легко могли бы встретиться, не узнать друг друга и разрозниться, одинокие не могли бы действовать с тем успехом, которого они вполне достойны», –

¹ Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1997. С. 151–152.

² Дружинин, А. В. Письмо И. С. Тургеневу. 26 января 1857 г. // Летописи Государственного литературного музея. М., 1948. Кн. 9. С. 148.

признавался Каткову М. Н. Лонгинов весной 1859 г.¹ С одобрением о деятельности Каткова во главе журнала отзывался К. Д. Кавелин, сравнивая ее со знаменем, которое редактор «так достойно и с таким огромным блистательным успехом несет в русской литературе, доказывая живым примером, как выгодна непоколебимая гражданская доблесть и решимость ни под каким условием и ни в каком случае не вступать в сделки с своими убеждениями»². Мастерству Каткова-редактора отдавали должное не только друзья и единомышленники, но даже конкуренты и политические оппоненты: «В других журналах было по три, по четыре человека, постоянно помогавших редактору; в “Русском вестнике” таких людей было пятнадцать или двадцать», – так писал об этом периоде «Русского вестника» ведущий публицист «Современника» Н. Г. Чернышевский³.

Однако многие из тех, кто так восхищался Катковым-редактором, вскоре начали упрекать его в неумении и нежелании находить общий язык с авторами, в «деспотических наклонностях», в том, что он «прочно мог терпеть вокруг себя только людей, вполне признававших его авторитет»⁴, в том, что он сделал «Русский вестник» «своим личным органом»⁵. Среди литераторов стали распространяться слухи, что Катков «даже с лучшими из сотрудников не любит подолгу объясняться»⁶ и что в редакции имеют «привычку переделывать статьи»⁷. И действительно, уже в конце 1850 – начале 1860-х гг. от сотрудничества отказались несколько постоянных авторов: Б. Н. Чичерин, Е. В. Салиас-де-Турнемир, Б. И. Утин, Н. М. Благовещенский, что позволило М. Е. Салтыкову, который с конца 1858 г. также прекратил свое участие в «Русском вестнике», в сатирическом журнале «Искра» иронично сравнить журнал Каткова с клеткой, «в которой некогда обитал драгоценный попугай», а его редактора – с Юпитером⁸.

Рассмотрим причины, побудившие указанных публицистов уйти из «Русского вестника», и попытаемся разобраться, насколько справедливы обвинения в деспотизме и нарушении внутриведомственной этики в адрес его редактора.

В конце 1857 г. редакцию покинул один из самых ярких авторов – Б. Н. Чичерин, поводом к уходу которого стал отказ Каткова публи-

¹ Лонгинов, М. Н. Письмо М. Н. Каткову. Москва. 5 мая 1859 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 120. К. 42. Л. 155–160.

² Кавелин, К. В. Письмо М. Н. Каткову. Санкт-Петербург. 7 июня 1857 г. // НИОР РГБ, Ф. 120. К. 9. Л. 289–294.

³ Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1950. Т. 7. С. 317.

⁴ Станкевич, А. В. Воспоминания // НИОР РГБ. Ф. 178. К. 8422. Ед. 18.

⁵ Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 157–158.

⁶ Еленский, О. Воспоминания поляка // Русская старина. 1906. № 10. С. 209.

⁷ Бестужев-Рюмин, К. Н. Воспоминания // Сб. отд. рус. яз. и словесности Императорской АН. СПб., 1901. Т. 67, кн. 4. С. 49.

⁸ Салтыков-Щедрин, М. Е. Характеры // Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М., 1966. Т. 4. С. 197.

ковать его статью о книге французского публициста А. Токвиля, содержащую взгляды самого Чичерина на государственное устройство. В адресованном публицисту письме Катков постарался детально обосновать свой отказ, указав, что основные положения его статьи «существенно противоречат убеждениям редакции», и приложив для убедительности изложение этих взглядов на двенадцати листах большого формата. Личная встреча редактора и публициста не способствовала примирению: каждый настаивал на своем и не соглашался уступить. Катков решительно заявлял о несогласии со взглядами, изложенными в статье Чичерина, и утверждал, «что для него это – дело убеждения»¹. В настойчивом желании Каткова доказать свою правоту и в отказе печатать статью, несогласную с его собственными воззрениями, Чичерин увидел односторонность и едва ли не редакторский произвол и решительно отказался от участия в журнале.

Казалось бы, причиной ухода Чичерина явились неуступчивость, жесткость Каткова, его нежелание считаться с иными мнениями. Однако анализ переписки Каткова с другими сотрудниками «Русского вестника» в связи с упоминаемой выше статьей Чичерина показывает, что он, как редактор, в данном случае руководствовался не только собственной точкой зрения на предмет статьи, но и, в первую очередь, мнением коллег и стремился заручиться их поддержкой. Сохранились свидетельства, что в вопросе о публикации статьи Чичерина немалую роль сыграла позиция К. Д. Кавелина, взгляды которого на государственное устройство диаметрально отличались от точки зрения Чичерина, сторонника сильной централизованной государственной власти. В своем письме Каткову Кавелин жестко критиковал позицию Чичерина и настаивал, что последний «в юридических и политических воззрениях своих горько и жестоко ошибается». Взгляд Чичерина на государство Кавелин рассматривал не только как теоретическую ошибку, но и «несвоевременное и опасное заблуждение» и рекомендовал «против поднятого им знамени централизации . . . вооружаться всеми силами, и тем решительнее, чем талантливее рука, поднявшая это несчастное знамя». Кавелин решительно советовал Каткову «не смотреть на имя» и, если статья Чичерина «действительно содержит в себе апофеоз централизации, беспрерывной демократии и нивелирующего начала равенства», отдать ее назад, «как бы она ни была блистательно написана»². К мнению Кавелина «решительно не печатать статьи Чичерина» присоединялся еще один постоянный автор журнала – В. П. Безобразов, разделявший убеждение, что решение вопроса «в направлении Чичерина вредно и опасно для России»³.

На основании этих писем можно сделать вывод, что решение не печатать статью Чичерина принималось коллегиально и вряд ли

¹Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 241–246.

²Кавелин, К. В. Письмо М. Н. Каткову. Санкт-Петербург. 7 июня 1857 г. Л. 289–294.

³Безобразов, В. П. Письмо М. Н. Каткову. 5 июня 1857 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 23. Л. 80.

явилось следствием исключительно деспотических замашек Каткова как редактора. Скорее отказ от напечатания статьи можно объяснить существенными расхождениями во взглядах публициста на государственное устройство с другими сотрудниками журнала, в том числе и самим редактором, и значительным отличием заявленных в ней взглядов от тех, которые в тот момент уже являлись определяющими для программы издания.

Поводом к упрекам в адрес Каткова в некорректном вмешательстве в тексты публикуемых статей стал эпизод со статьей В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», первая часть которой появилась в январском номере «Русского вестника» за 1859 г. Катков, доверяя публицисту, перед отсылкой в типографию позволил себе лишь бегло просмотреть статью, однако позже, вычитывая корректуры почти сверстанного номера журнала, заметил, что литературная отделка статьи имеет много погрешностей, а сама она «слишком мозаически составлена из разных сочинений и составные ее части составлены и изложены слишком небрежно». Безобразов жил в Петербурге, и обращение к нему за разъяснениями существенно задержало бы выход уже готового номера журнала, а потому Катков начал сам сверять текст статьи с цитируемыми в ней источниками. Однако даже в этом случае корректура каждой гранки требовала почти целого дня типографской работы, и, чтобы избежать задержки, он принял решение «выпустить» из статьи несколько менее существенных мест. Безобразов, очень раздосадованный тем, что в его статью без согласования была внесена правка и изъято несколько страниц, и не имея возможности сразу выяснить причины этих поправок, публично выразил свое возмущение «самоуправством» Каткова и даже поместил одну из своих статей в некрасовском «Современнике». Случай со статьей Безобразова имел довольно громкий резонанс в журналистской среде и изрядно испортил репутацию Каткова-редактора.

Стремясь исправить допущенную ошибку и дорожа сотрудничеством Безобразова, Катков в адресованных публицисту письмах (без тени раздражения!) извинялся за то, что не смог вовремя согласовать с ним внесенные в его статью поправки и постарался убедить в их целесообразности. В свое оправдание редактор был готов показать корректуры, лишь бы убедить Безобразова, каких трудов стоила выправка текста и «что эта выправка послужила не к худшему, а к лучшему, что без нее статья эта могла столько же компрометировать вас, сколько и журнал». Доказывая необходимость внесенной правки, Катков приводил в пример небрежности и промахи, допущенные публицистом: «У вас констабли получали плату за какую-то погрузку товаров, тогда как у Гнейста, откуда это переведено, получают они плату за приглашение (Ladung) к суду. Можете судить сами, как внимательно приходилось читать и сличать вашу статью с ее источниками»¹. Как видим,

¹ Катков, М. Н. Письмо В. П. Безобразову. 20 апреля 1859 г. // Новое время. 1901. 23 августа (5 сентября) (№ 9148).

объяснения и извинения Каткова вполне удовлетворили Безобразова, и он продолжил сотрудничество в его журнале.

Случай со статьей Безобразова, как представляется, свидетельствует не столько о «деспотизме» Каткова-редактора, сколько о его тщательном подходе к редактированию публикуемых в его журнале статей, в стремлении обеспечить высокий уровень журнала, в то же время он демонстрирует, что в первые годы им допускались и серьезные ошибки, исправление которых могло дорого стоить его репутации как редактора. Весьма вероятно, что именно этот эпизод убедил Каткова в необходимости более внимательного прочтения каждой публикуемой статьи вне зависимости от того, кто является ее автором, и в процессе работы с рукописью не делать исключений даже для известных и опытных литераторов. Результатом этого стал разрыв с редакцией «Русского вестника» в 1860 г. писателя Е. В. Салиас-де-Турнемир (Е. Тур) и публициста Б. И. Утина, поводом к чему послужили редакционные примечания, которыми Катков сопроводил опубликованный в мартовском номере журнала за 1860 г. «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии» Б. И. Утина и статью Е. Тур «Госпожа Свечина», помещенную в апрельском номере в 1860 г.

Следует сразу отметить, что в сделанных редактором примечаниях к статьям Утина и Салиас-де-Турнемир не было ничего оскорбительного, и причиной их появления являлось отнюдь не стремление редактора «уязвить» и «прочистить мораль» своим сотрудникам.

Так, Б. И. Утин, посылая статью в редакцию, просил («по возможности скоро напечатать ее»), но ставил «непременным условием, чтобы не одна мысль в ней не была изменена»¹. Найдя предмет очерка крайне интересным, Катков нашел (как, видимо, ему казалось) компромиссный вариант: он опубликовал статью полностью, но сопроводил подстрочными примечаниями, большая часть которых имела лишь уточняющий и поясняющий характер. Лишь одно из мест очерка, в котором Утин критически отзывался об институте мировых судей, сославшись при этом на слышанные им от английских юристов отзывы, в которых проглядывает как бы недовольство современным состоянием учреждения мировых судей, вызвало у Каткова существенные возражения, и он сопроводил высказывание Утина обширным комментарием, смысл которого сводился к тому, что подобные замечания нуждаются в серьезных обоснованиях, в том числе в ссылках на мнения конкретных английских юристов, доказывающих их «недовольство».

Необходимо отметить, что все вопросы, касающиеся Англии, вызывали у Каткова живейший интерес, а в оценке английских государственных и общественных учреждений ему самому была свойственна известная односторонность, и он крайне болезненно реагировал на все критические замечания в их адрес. Не удивительно, что и сам Утин

¹ Утин, Б. И. Свидетельские показания (по поводу «Объяснения» «Русского вестника») // Московские ведомости. 1860. 21 июня (№ 136).

сомневался, не содержит ли это место его очерка «ересь против направления журнала», и в сопроводительном письме обращал на него внимание редакции, но при этом ограничился лишь общим замечанием: вернуть статью, если она не может быть помещена в «Русском вестнике». По всей вероятности, Катков не нашел в очерке Утина каких-либо существенных противоречий с программой журнала, кроме указанного самим автором и, будучи сам горячо заинтересован в предмете статьи, не стал отказываться от ее публикации, но при этом не мог не указать в подстрочных комментариях на бездоказательность одного из высказанных в статье мнений.

Подобная практика – критические комментарии редакции к публикуемым статьям – в российской журналистике почти не использовалась, и замечания, высказанные публично, были восприняты Б. И. Утиным как оскорбление и вмешательство в авторский текст. Публицист публично отказался от дальнейшего сотрудничества в журнале, напечатав в «Московских ведомостях» статью под недвусмысленным названием «Свидетельские показания», в которой комментарии Каткова охарактеризовал как «право редакции прогонять автора печатаемой статьи сквозь строй подстрочных примечаний», правда, признав при этом, что редакция формально выполнила условие, поставленное им при отправке статьи, – не вносить в нее никаких исправлений¹.

Та же причина – редакционные примечания – стала поводом для отказа от сотрудничества Е. В. Салиас-де-Турнемир. Ее статья «Госпожа Свечина», опубликованная под псевдонимом Е. Тур, представляла комментарий к изданным в Париже сочинениям г-жи Софьи Свечиной, бывшей фрейлины императрицы Марии Федоровны, которая уехала в 1816 г. во Францию, где приняла католичество. Книга Свечиной вызвала живой интерес среди российских читателей, и Катков, стремясь, как видно, представить публике оперативный отклик, решил не откладывать публикацию статьи Е. В. Салиас. Однако, не будучи согласен с содержащимися в ней весьма резкими негативными оценками, он поместил в завершении статьи небольшое редакционное подстрочное примечание. Отдав должное таланту и даровитости г-жи Е. Тур, Катков позволил указать, что ее мнения и сделанные ею упреки в религиозной нетерпимости в адрес Свечиной «несколько односторонни и не совсем справедливы». Заметив, что автор статьи «выбирал из сочинений Свечиной только то, что казалось ему слабым и могло бросить тень на нее, не касаясь других сторон, которые могли представить Свечину в лучшем свете или, по крайней мере, подать повод к серьезному обсуждению», редактор со своей стороны выразил мнение, что «религиозный интерес, если он искренен и не соединяется с фанатизмом, заслуживает уважения не только во мнении людей

¹ Утин, Б. И. Свидетельские показания (по поводу «Объяснения» «Русского вестника»).

религиозных, хотя бы и других вероисповеданий, но и во мнении тех, кто к этому делу равнодушен»¹.

Ответом на эти примечания стало написанное Е. В. Салиас резкое письмо, в котором она обвинила редактора «Русского вестника» в голословности его комментария к ее статье и незнании рецензируемой ею книги. Как видим, запальчивость тона писательницы и сделанный ею упрек в невежестве сильно задели Каткова: он опубликовал это письмо в следующей книжке журнала², но следом напечатал ответ редакции, в котором подробно проанализировал не только сочинения Свечиной, но и ее переписку с французскими общественными деятелями, сделав подробные выписки и подтвердив таким образом свой вывод о том, что сочинения Свечиной имели «общий религиозный характер» и интересны с точки зрения содержащихся в них оценок и мнений – не всегда верных, но отличавшихся «искренностью и поразительной меткостью»³.

Несколько позже – во второй майской книжке за 1860 г. – редакция вновь предприняла попытку доказать обоснованность своих замечаний, сделанных к статьям Е. В. Салиас и Б. И. Утина⁴. Редактору «Русского вестника» далеко не всегда удавалось сохранить беспристрастность и ровный тон, и некоторые его заявления в адрес бывших сотрудников журнала содержали весьма язвительные замечания, что и давало повод оппонентам обвинить его в грубости и самодурстве. Можно предположить, что одной из причин, побудившей Каткова вступить в публичные объяснения с бывшими сотрудниками и начать публичную полемику, судьей в которой он предлагал стать читателям «Русского вестника», были крайне насмешливые и язвительные отклики в его адрес и в адрес его журнала со стороны других изданий, обвинения в деспотизме и самоуправстве, в том, что они принимают «на себя роль цензора в отношении к посылаемым в нее статьям». «Редакторы “Русского вестника” смотрят на свой журнал как на орган для проведения своих собственных идей и мнений, – иронично писал И. Май – фельетонист “Московских ведомостей” в мае 1860 г. – Они хотят быть не только учителями общества, но и учителями своих сотрудников»⁵. Д. И. Писарев, ведущий публицист радикального «Русского слова», обвинил «Русский вестник» в том, что он «не уважает умственной самостоятельности своих сотрудников», и причислил его к одному из «притонов современной схоластики»⁶. Основной конкурент «Русского вестника» – некрасовский «Современник» – отклик-

¹Тур, Е. Госпожа Свечина // Русский вестник. 1860. Апрель. Кн. 1. С. 392.

²См.: Тур, Е. Письмо к редактору // Там же. Кн. 2. Современная летопись. С. 406–411.

³Ред. По поводу письма г-жи Евгении Тур // Там же. С. 468–488.

⁴См.: Объяснение // Там же. Май. Кн. 2. Современная летопись. С. 145–167.

⁵Май, И. Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника» // Московские ведомости. 1860. 19 мая (№ 109).

⁶Писарев, Д. И. Схоластика XIX века // Русское слово. 1861. Кн. 9. Отд. 2. С. 8–9.

нулся статьей Н. Г. Чернышевского «История из-за г-жи Свечиной», в которой виноватым также признавался Катков¹.

В дополнение к полемике, возникшей вокруг статей Е. В. Салиас и Б. И. Утина, неприятным «сюрпризом» для редакции «Русского вестника» стало публично выраженное недовольство профессора Н. М. Благовещенского – одного из самых близких сотрудников журнала – действиями Каткова, который при подготовке к публикации в октябрьском номере за 1859 г. его лекций «Ювенал» позволил себе исключить без согласования с автором несколько фрагментов. Присланным в редакцию двум публичным лекциям Благовещенского Катков, руководствуясь сложившимися в журнале общими правилами, придал форму единой статьи и опубликовал в одной книжке, не сделав при этом никаких существенных исправлений, но убрав некоторые вступительные замечания и повторы, что при объединении двух частей статьи в одну было весьма целесообразно. Действия редактора «Русского вестника» вполне можно оправдать, но его ошибка состояла в том, что он, надеясь на «давнюю близость и короткость» отношений с Благовещенским, на существующие между ними «давнюю приязнь» и доверие, не считал необходимым уведомить последнего о сделанных им изменениях, в чем и признался чуть позже на страницах «Русского вестника», одновременно пояснив причины произведенных им правок². Следует отметить, что и сам Благовещенский признал необходимость ряда исправлений, сделанных редактором «Русского вестника», и во втором издании своих лекций, в «Сборнике Санкт-Петербургских студентов», вышедшем в декабре 1859 г., учел его замечания³.

Отказ от участия в «Русском вестнике» Б. Н. Чичерина, Е. В. Салиас, Б. И. Утина, Н. М. Благовещенского получил значительный резонанс в литературной среде и во многом способствовал формированию образа Каткова как редактора-деспота, который в дальнейшем был многократно растиражирован.

Можно ли оправдать неуступчивость и требовательность Каткова-редактора? Как представляется, в основе разногласий между редактором и авторами «Русского вестника» лежали отнюдь не различно понимаемые взаимные обязанности редактора и сотрудников и не деспотические наклонности редактора. О дружеской атмосфере, господствующей в редакции «Русского вестника» в конце 1850-х гг., свидетельствует коллективное письмо, написанное сотрудниками журнала находящемуся летом 1859 г. на отдыхе за границей М. Н. Каткову. В шуточной и весьма непринужденной манере М. Н. Лонгинов, И. Н. Павлов, М. Н. Капустин, секретарь редакции Боруцкий один

¹Чернышевский, Н. Г. История из-за г-жи Свечиной // Современник. 1860. Кн. 6. С. 249–278.

²См.: Объяснение // Русский вестник. 1860. Май. Кн. 2. Современная летопись. С. 149–151.

³См.: Дополнительное объяснение по поводу статьи г. Благовещенского // Там же. Июнь. Кн. 2. Современная летопись. С. 262–463.

за другим сообщали редактору последние московские новости, рассказывали о последних столкновениях журнала с цензурой, запросто просили захватить из Англии в Россию некоторые книги, о содержании которых «следовало бы поговорить» в «Русском вестнике» и т. д. Всегда «запросто», по-дружески обращался к Каткову Ф. И. Буслаев, близко знакомый с ним еще со времени учебы в Московском университете. Он мог попросить Каткова самого проследить за правильным написанием собственных имен и фамилий в его статьях, мог полушутливо-полусерьезно выразить ему свое недовольство задержкой публикации статьи и т. п. «Ни Бога ты не боишься, ни людей не стыдишься, Михаил Никифорович, что до сих пор держишь под спудом нашу статью о церковном искусстве, – в шутилой манере сетовал Буслаев на задержку с публикацией статьи. – Вот уже три недели, как она у тебя киснет. Успел же ты в это время напечатать статью о железной дороге. Пожалуйста, возри с своей администрацией на нас, меньшую братию. Наше дело – тоже русское и право интересоваться церковью и ее искусством – постОит железных дорог. Ради бога, напечатай, а то мы сами, члены, забудем, о чем такое говорили, когда статью нашу держишь в аресте столько же времени»¹. В этих дружеских письмах и записках «красноречивых перьев» «Русского вестника» нет и намека на то высокомерие, в котором упрекали Каткова многие недоброжелатели². Отвечая на обвинения в редакторском деспотизме, Катков не без основания подчеркивал, что сотрудники журнала – «лица, принадлежащие к различным общественным сферам, отличающиеся и дарованием, и самостоятельным образом мыслей, и нравственным достоинством», и потому трудно представить, «чтоб эти лица не только согласились выносить подобные отношения в какой бы то ни было редакции в продолжении многих лет, или даже одного года и одного месяца, но даже допустили хоть на минуту самую возможность подобных отношений»³.

Анализ переписки редактора «Русского вестника», воспоминаний и других документальных источников свидетельствует о том, что, как правило, редактор «Русского вестника» лишь в исключительных случаях прибегал к внесению исправлений в тексты рукописей без согласования с авторами и всегда стремился получить их согласие, особенно если статьи требовали серьезных «переделок». Большинство писем Каткова к авторам журнала имеют доверительный характер и очень благожелательны по своему тону, демонстрируют, насколько уважительно редактор «Русского вестника» относился к авторам своего журнала, скрупулезно и тщательно редактировал предназначенные для

¹Буслаев, Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. 29 декабря. Б.г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 289.

²См.: Лонгинов, М. Н., Павлов, И. Н., Капустин, М. Н., Боруцкий. Письмо М. Н. Каткову. 9/21 сентября 1859 г. // РГАЛИ. Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 14.

³Объяснение // Русский вестник. 1860. Май. Кн. 2. Современная летопись. С. 146.

публикации статьи. В одних письмах он благодарит авторов за удачную статью, очерк, повесть, стихи, в других извиняется за задержку статей, объясняет причины, почему они не могли быть опубликованы раньше, в-третьих сообщает о суммах гонорара. Можно утверждать, что Катков в процессе подготовки статей к публикации стремился к достижению «единомыслия» и взаимопонимания с авторами, а в своих отношениях с ними руководствовался «пределной толерантностью», оставаясь с собеседником «на равных», не давая редакторским авторитетом, внимательно и заботливо «опекая» как молодых, начинающих авторов, так и известных литераторов. Анализ переписки Каткова с авторами показывает, что в его письмах нет ничего похожего на «раздражительность», «нетерпимость», «категоричность суждений» и «собственную исключительность», напротив, их тон и манера свидетельствуют о доброжелательности и внимании редактора к авторам журнала.

В качестве примера можно привести выдержки из писем Каткова:

«Милостивый Государь Аполлон Николаевич! – писал Катков А. Н. Майкову. – Вы можете быть уверены, как высоко я ставлю Ваше содействие “Русскому вестнику”. Последнее ваше стихотворение “Нива”, равно как и письмо Ваше к нам, было для меня большим утешением среди всех неприятностей и огорчений, с которыми сопряжена у нас публичная деятельность. Если, как Вы пишете, Вы думали о “Русском вестнике”, когда доканчивали это чудесное стихотворение, то оно вдвойне <неразб. – Е. П.> и вдвойне дорого мне. . . . Благодарю Вас от всего сердца за ваше проявленное вами участие в “Русском вестнике”. Ваш <неразб. – Е. П.> стих служит одним из лучших украшений его. Позвольте мне считать вас в числе близких сотрудников “Русского вестника”, а редактора его прошу вас считать в числе людей, которые искренне уважают вас. Душевно преданный М. Катков»¹.

«За статью вашу о Лермонтове приношу вам сердечную благодарность. Я считаю ее одним из лучших приобретений журнала, – писал Катков историку и литературному критику А. Д. Галахову, статья которого “Лермонтов” была опубликована в “Русском вестнике” в июле-августе 1858 г. – Мне было дорого и отрадно видеть то доверие, с которым вы отдавали ее мне, но говорю вам откровенно и по чистой совести, что я не встретил в ней ни одной мысли, в которой не был бы согласен с вами. Я буду печатать ее не просто как прекрасную статью, но и как статью совершенно мне сочувственную»².

Вмешательство Каткова в тексты рукописей, его попытки настоять на своей точке зрения, которые современники оценивали как «дееспотическое редакционное вмешательство», можно объяснить, с одной

¹Катков, М. Н. Письмо А. Н. Майкову. 7 марта 1857 г. // НИОР РГБ. Ф. 18. К. 5. Ед. хр. 83.

²Катков, М. Н. Письмо А. Д. Галахову. 31 января 1858 г. // Исторический вестник. 1888. № 1. С. 110.

стороны, его требовательностью к публикуемым статьям, в ряде случаев – стремлением избежать односторонности, пристрастности и крайностей, а с другой – желанием придать журналу определенное направление, сохранить единую позицию по отношению к ряду явлений современной действительности. «Мне предстоит тоже много и много писать для журнала. Надобно, чтобы направление “Русского вестника” еще явственнее определилось и чтоб от него отделилось все сомнительное», – писал Катков В. П. Безобразову весной 1858 г.¹ Свою обязанность как редактора Катков видел именно в поддержании единства направления издания, формировании определенной позиции: «Журнал не сборник: главное достоинство журнала заключается в единстве направления; обязанность редакции состоит в том, чтобы присутствие ее было видно повсюду в ее издании»².

Но если в первые годы в редакции «Русского вестника» господствовал стиль коллегиальности, коллективности, то по мере того как программа журнала приобретала большую определенность, стиль Каткова-редактора становился все более жестким и приобретал черты авторитарности, а он сам все чаще заявлял о себе как о человеке властном, не терпящем отклонений от заявленного им, как редактором, определенного направления. В процессе обсуждения реформ все заметнее становились идейные разногласия между представителями различных политических течений и групп и обострялась полемическая борьба, и Катков ужесточал требования к публикуемым в «Русском вестнике» материалам, добиваясь того, чтобы законом для всех авторов стала единая программа издания, основные положения которой определялись, в первую очередь, его собственными воззрениями. К концу 1850-х гг. он превратил «Русский вестник» в наиболее последовательный либерально-консервативный журнал, направление которого отвечало его представлениям о дальнейших путях развития России, политических, экономических, культурных изменениях в государстве. В издании неуклонно проводилась мысль о необходимости мирных, «постепенных и рациональных» преобразований, указывалось на неизбежность «держать двери открытыми к новым компромиссам», чтобы избежать революционных выступлений. Либерализм журнала изначально имел консервативный характер и отличался умеренностью выдвигаемых требований: защищая реформы, «Русский вестник» последовательно отстаивал принцип законности и порядка в рамках единоличной власти монарха, а главной движущей силой преобразований считал дворянство как класс, образовательный и культурный уровень которого позволит грамотно воспользоваться инициативой, исходящей от трона. Четкой общественно-политической программе соответствовала определенная литературная и эстетическая позиция.

¹ Катков, М. Н. Письмо В. П. Безобразову. 4 апреля 1858 г. // Новое время. 1901. 15 августа (28 августа). № 9140.

² Объяснение // Русский вестник. 1860. Май. Кн. 2. Современная летопись. С. 148.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бестужев-Рюмин, К. Н. Воспоминания / К. Н. Бестужев-Рюмин // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1901. Т. 67, кн. 4.

Брутян, А. Л. М. Н. Катков : социально-политические взгляды / А. Л. Брутян. Москва : МАКС Пресс, 2001.

Дополнительное объяснение по поводу статьи г. Благовещенского // Русский вестник. 1860. Июнь. Кн. 2. Современная летопись.

Дружинин, А. В. Письмо И. С. Тургеневу. 26 января 1857 г. / А. В. Дружинин // Летописи Государственного литературного музея. Москва : Журнально-газетное объединение, 1948. Кн. 9.

Еленский, О. Воспоминания поляка / О. Еленский // Русская старина. 1906. № 10.

Кантор, В. К. Михаил Никифорович Катков : «Основой преобразований должен быть существующий порядок...» / В. К. Кантор // Российский либерализм: идеи и люди. Москва : Новое издательство, 2007.

Кантор, В. К. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) / В. К. Кантор // Философские науки. 2007. № 2.

Катков, М. Н. Письмо А. Д. Галахову. 31 января 1858 г. / М. Н. Катков // Исторический вестник. 1888. № 1.

Катков, М. Н. Письмо В. П. Безобразову. 4 апреля 1858 г. / М. Н. Катков // Новое время. 1901. 15 августа (28 августа).

Катков, М. Н. Письмо В. П. Безобразову. 20 апреля 1859 г. / М. Н. Катков // Новое время. 1901. 23 августа (5 сентября).

Катков, Михаил Никифорович (1818–1887) : [личный фонд] // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120.

Лонгинов, М. Н. Письмо М. Н. Каткову. 9/21 сентября 1859 г. / М. Н. Лонгинов [и др.] // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 14.

Май, И. Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника» / И. Май // Московские ведомости. 1860. 19 мая.

Матюхин, А. Традиция «государственников» в русском консерватизме : отрицание общественной самоорганизации и народного представительства / А. Матюхин // Обозреватель-Observer. 2005. № 9.

Объяснение // Русский вестник. 1860. Май. Кн. 2. Современная летопись.

Первалова, Е. В. Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862) : литературная позиция / Е. В. Первалова. Москва : Московский государственный университет печати, 2010.

Писарев, Д. И. Схоластика XIX века / Д. И. Писарев // Русское слово. 1861. Кн. 9.

Попов, А. А. М. Н. Катков: к вопросу о его социально-политических взглядах / А. А. Попов // Вестник Московского университета. Серия 12, Социально-политические науки. 1992. № 9.

Ред. По поводу письма г-жи Евгении Тур / Ред // Русский вестник. 1860. Апрель. Кн. 2. Современная летопись.

Репников, А. В. Русский консерватизм : Михаил Никифорович Катков [Электронный ресурс] / А. В. Репников // Перспективы [Электронный ресурс] : сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. М., 2015. URL: http://www.perspektivy.info/history/russkiiy_konservativizm_mihail_nikiforovich_katkov_2008-2-11-16-36.htm (дата обращения: 22.11.2017). Яз. рус. Загл. с экрана.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Характеры / М. Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. Москва : Художественная литература, 1966. Т. 4.

Санькова, С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма / С. М. Санькова. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор, 2007.

Станкевич, А. В. Воспоминания / А. В. Станкевич // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178. К. 8422. Ед. 18.

Тур, Е. Госпожа Свечина / Е. Тур // Русский вестник. 1860. Апрель. Кн. 1.

Тур, Е. Письмо к редактору / Е. Тур // Русский вестник. 1860. Апрель. Кн. 2. Современная летопись.

Утин, Б. И. Свидетельские показания: (по поводу «Объяснения» «Русского вестника») / Б. И. Утин // Московские ведомости. 1860. 21 июня.

Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. Москва : Гослитиздат, 1950. Т. 7.

Чернышевский, Н. Г. История из-за г-жи Свечиной / Н. Г. Чернышевский // Современник. 1860. Кн. 6.

Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов / Б. Н. Чичерин. Москва : Издательство Московского университета, 1997.

Шириняц, А. А. Михаил Никифорович Катков / А. А. Шириняц // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2004. № 6.

О. А. Хвостова

М. Н. КАТКОВ В 1880 ГОДУ: ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

В 1871 г., когда уже было решено общественностью, что памятник Пушкину должен быть установлен в Москве, возникла дискуссия о месте его расположения. Одним из деятельных инициаторов установки памятника на Тверском бульваре был член Комитета городских представителей (наряду с И. С. Аксаковым, М. П. Погодиным и Ю. Ф. Самариним), журналист, редактор, идеолог русского консерватизма Михаил Никифорович Катков: «Мы предложили бы для этого площадь, называемую Тверскими воротами, и на ней именно тот пункт, где на неё выходит Тверской бульвар. Среди широкого цветника и прислоненный к густой зелени лип, на одной из самых возвышенных и открытых местностей Москвы, откуда видим ее окрестности, памятник

ник Пушкину находился бы в обстановке, соответствующей характеру его поэзии, открытой, возвышенной, цветущей и спокойной»¹.

Пушкинские торжества в Москве 5–8 июня 1880 г., организованные Обществом любителей российской словесности, Московским университетом и Московской городской думой, имели большой общественно-политический резонанс, способствовали всеобщему признанию гения поэта как выразителя национального самосознания. Американский исследователь М. Ч. Левитт, автор книги «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года», в ходе обзора многолетнего противостояния трех сил (интеллигенции, государства и революционеров) убедительно доказывает, что «пути становления и укрепления современной русской национальной идентичности сошлись к литературе, а в центре их схождения оказался Пушкин»². Пушкинские торжества явились фактором, объединяющим русское общество на пути к компромиссу между представителями разных политических убеждений.

Праздничная церемония началась с памятной литургии, панихиды и проповеди митрополита Московского и Коломенского Макария в главной церкви Страстного монастыря. В последний момент «“Святой Синод не нашел возможным одобрить кропление статуи святою водою, что, как известно, воспрещено уставом православной церкви” (церковная газета “Восток”, 1880, 8 июня)»³. На Страстной площади собралось около полумиллиона человек в ожидании главного события: «В час дня принц Ольденбургский зачитал акт о передаче памятника Пушкина Москве, и тут же под звон колоколов и хора “Славься” М. И. Глинки с опекушинской статуи слетело покрывало. Вся площадь в едином порыве взорвалась овациями поэту, и началось возложение венков (венки не пролежали и часа: толпа растащила их на память об этом дне)»⁴.

Среди 250 почетных гостей, приглашенных Московской думой на торжественный обед в Благородном собрании, были дети поэта с семьями, крупнейшие общественные деятели, писатели, журналисты (И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков, А. Н. Островский, П. В. Анненков, Г. И. Успенский, Н. Н. Страхов, А. А. Краевский, А. С. Суворин, М. Н. Катков). Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щед-

¹Катков, М. Н. Богдан Хмельницкий, Екатерина II и Пушкин. *Где лучше всего поставить памятник Пушкину* // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 638.

²Левитт, М. Ч. Литература и политика : Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994. С. 11.

³Николюкин, А. Н., Прокопов, Т. Ф. Комментарии [к ст. Леонтьев К. Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина] // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. СПб., 2012. Т. 6. С. 743.

⁴Прокопов, Т. Ф. «Россия... в ней два императора: Александр II и Катков»: Вехи судьбы охранителя консервативной государственности // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 46.

рин, И. А. Гончаров отказались от участия в празднике (последний по причине болезни).

Персоной нон грата для организаторов и некоторых участников торжеств оказался М. Н. Катков, который в обострившейся политической ситуации (усиление народофильского террора, череда покушений и убийств, внутренний общественный раскол) публично встал на защиту государственных патриотических интересов. В своей газете «Московские Ведомости» он открыто высказывался против «фальшивого либерализма» определенной части русской интеллигенции, нигилизма и радикализма в обществе, выступал за классическое образование (древние языки) в гимназиях, религиозное просвещение, требовал репрессивных мер против террористов, нелегальных организаций.

В ответ на Каткова обрушилась либерально настроенная интеллигенция. Гневная отповедь председателя Общества любителей российской словесности (ОЛРС) и члена Пушкинской комиссии С. А. Юрьева была опубликована в журнале «Русская Мысль» (1880, № 3): «Оскорблял ли когда-нибудь кто-нибудь в русской печати русское общество так, как редактор “Московских Ведомостей” в сказанных номерах? Осмелился ли кто-нибудь бросать в лицо всей русской интеллигенции, что она “орудие вражеской крамолы, злоумышляющей против России, против русского народа”?»¹

На специальном заседании комиссии Общества любителей российской словесности по открытию памятника А. С. Пушкину и организации праздничных торжеств известный либерал, профессор права Московского университета М. М. Ковалевский при поддержке И. С. Тургенева и С. А. Юрьева настаивал на исключении Каткова из списка гостей: «Либералы-антикатковцы, возглавившие пушкинскую комиссию ОЛРС, не скрывали радости, когда им все-таки удалось собрать большинство голосов за исключение Каткова из числа не только докладчиков, но и гостей Пушкинского праздника, несмотря на возражения председателя Л. И. Поливанова, П. И. Баргенева, П. Е. Басистова, Ф. Б. Миллера»². М. Н. Каткова поддержал Ф. М. Достоевский. В письме к жене Анне Григорьевне от 5 июня 1880 г. он писал: «История исключения Каткова из празднеств возмущает ужасно многих»³.

Решение комиссии было обнародовано, предано огласке. Соответствующее распоряжение С. А. Юрьева от 1 июня уже 3 июня появилось в катковской газете «Московские Ведомости»: «Комиссия Общества любителей российской словесности удержала одно место для депутата от “Русского Вестника”. По ошибке послано мною приглашение согласное с словесным решением комиссии»⁴. Катков дол-

¹Прокопов, Т. Ф. Указ. соч. С. 45.

²Там же.

³Достоевский, Ф. М. Письма А. Г. Достоевской. 5 июня 1880. Москва // Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. СПб., 1996. Т. 15. С. 628.

⁴Левитт, М. Ч. Указ. соч. С. 89.

жен был вернуть пригласительный билет. Через два дня Московская городская управа пригласила Каткова выступить в день открытия памятника на обеде. За день до начала торжеств их главный организатор Л. И. Поливанов вопреки желанию С. А. Юрьева все-таки отправил приглашение редактору «Московских Ведомостей».

М. Ч. Левитт публикует набросок письма Юрьева к Поливанову (из поливановского архива в РГАЛИ), подтверждающего «намерение пушкинской комиссии ОЛРС или, по крайней мере, самого Юрьева – отказать Каткову в возможности выступать на торжествах пусть даже “незаконными, неофициальными” средствами»: «Если бы я знал, что и сегодня утром не было послано вами приглашение “Московским Ведомостям”, я бы стал умолять вас не посылать его. Эта газета была бы лишена без спроса всего Общества приглашения на том же основании – сам редактор... на каком лишены приглашения многие другие газеты... Если бы Катков выразил чем-нибудь раскаяние, а он все тот же, и газета его та же... появление депутата “Московских Ведомостей” во всяком случае смутит настроение нашего праздника. Обмен приглашения на билет, конечно, нельзя избежать на законных основаниях, но если бы можно было каким-нибудь неофициальным образом, было бы очень хорошо... Повторяю, глубоко уважаемый Лев, было бы очень хорошим делом устранить депутата от “Московских Ведомостей” от заседания Общества»¹.

Пламенная «Речь» М. Н. Каткова о Пушкине на торжественном обеде в Благородном собрании прозвучала 6 июня и вызвала одобрение, искренний ответный порыв у многих присутствующих: «Я подошел к Каткову, – вспоминает И. С. Аксаков, – и обнялся с ним, то же сделали Достоевский, Майков. Еще человек десять подошло»².

М. Н. Катков, «не помня зла», обратился с «искренним словом» примирения ко всем почитателям пушкинского гения как «единомышленникам и союзникам», «лицам разных мнений», собравшимся сейчас «на празднике мира»³. «Общее чествование» памяти Пушкина, по словам Каткова, явилось основой будущего «сближения» «на русской почве». В эмоциональной доброжелательной речи оратора преобладали слова с объединяющей семантикой (перемирие, заодно, дружно, единить, общий, дружелюбно, сближение). Искренний тон выступления, доказывающий абсурдность вражды «по недоразумению», звучал убежденно и аргументированно. Согласно Каткову, конфликты между людьми возникают вследствие проявления естественных «человеческих слабостей», привычки «хорошее любить в себе, а дурное ненавидеть в других». Не предаваясь «мечтам и утопиям», Катков завершает свою речь риторической фигурой: «Будем только надеяться,

¹Левитт, М. Ч. Указ. соч. С. 89–90.

²Цит. по: Прокопов, Т. Ф. Указ. соч. С. 48.

³Катков, М. Н. Речь на Пушкинском празднике // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. СПб., 2010. С. 706.

что сила света возьмет свое, что сила недоразумений, разделяющих людей, будет ослабевать. . . » Финальным аккордом оратора стало предложение «дать слово самому виновнику торжества. Пусть сам Пушкин провозгласит свой тост»¹. В зале прозвучали строки «Вакхической песни»:

Поднимем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум. . .

Но не все очевидцы происходящего были единодушны в отношении речи М. Н. Каткова. Известный юрист, председатель Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони подробно описывает событие, омрачившее торжество: «Когда после красивой речи Аксакова встал Катков и начал своим тихим голосом тонкую и умную речь, законченную словами Пушкина “Да здравствует разум, да скроется тьма!” – никто не только не ушел, но большинство – временно примиренное – двинулось к нему с бокалами. Чокаясь направо и налево с окружающими, Катков протянул через стол свой бокал Тургеневу, которого перед тем допустил жестоко “изобличить” и язвить за денежную помощь, оказанную им бедствовавшему Бакунину. Тургенев отвечал легким наклонением головы, но своего бокала не протянул. Окончив чоканье, Катков сел и во второй раз протянул бокал Тургеневу. Но тот холодно посмотрел на него и покрыл свой бокал ладонью руки. После обеда я подошел к Тургеневу одновременно с поэтом Майковым. “Эх, Иван Сергеевич, – сказал последний с мягким упреком, – ну зачем вы не ответили на примирительное движение Каткова? Зачем не чокнулись с ним? В такой день можно все забыть!” “Ну, нет, – живо отвечал Иван Сергеевич, – я старый воробей, меня на шампанском не обманешь!”»².

Оппозиционные к официальной власти журналисты из либеральной газеты «Голос» воспользовались ситуацией, чтобы раздуть сенсационный скандал (в мемуарной литературе получивший название «Incident Katkoff»), очернить и опорочить репутацию редактора «Московских Ведомостей»: «Г. Катков, публично на обеде, в присутствии всех у всех же просил прощения, молил о забвении, протянул руку – и никто не пожал этой руки! Да, тяжелое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезною речью искупить предательства двадцати лет! Страшно!..»³ На пушкинском празднике личный конфликт Тургенева и Каткова и шире – «катковцев» и «тургеньевцев» – обострился до предела, нашел продолжение

¹Катков, М. Н. Речь на Пушкинском празднике. С. 707.

²Кони, А. Ф. Из книги «На жизненном пути» // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. С. 131–132.

³Эти слова из газеты «Голос» цитирует К. Н. Леонтьев (см.: Леонтьев, К. Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. СПб., 2012. С. 188).

в журнальной полемике между «Московскими Ведомостями», «Русским Вестником», с одной стороны, и «Голосом», «Молвой», «Вестником Европы» – с другой.

В защиту М. Н. Каткова смело выступил К. Н. Леонтьев, опубликовав статью под красноречивым заглавием «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» (1880). Он высоко оценил «литературные заслуги» одного из лучших представителей политической печати и поддержал консервативные охранительные взгляды редактора «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника». Катков противопоставлен либеральным представителям «Общества любителей словесности», которые «этой самой словесности русской знать не хотят и в серьезное сборище почти академического характера вносят дух партий и дух разрушения. . .»¹. Критик высмеивает русский либерализм и «корифеев русской мысли» в их слепом подчинении и подражании «западной общественной мысли»². «Практическая дальновидность» Каткова, по мысли Леонтьева, состояла в том, что его «речь была пробным камнем», обнаружившим невозможность примирения враждующих сторон. Автор статьи предостерег от разрушительной опасности влияния «врагов г. Каткова – врагов государства» – либералов или «легальных революционеров» и жаждущих разрушения и крови анархических социалистов, нигилистов («Наших Марков Волоховых и Базаровых»)³.

Речи на пушкинском празднике 1880 г. проявили духовно-политический спектр оценок настоящего и будущего России и русского народа. Стоит напомнить, что об особом пути ее исторического развития писал Пушкин в рецензии «О втором томе “Истории русского народа” Полевого»: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада»⁴.

В официальной записке Пушкина «О народном воспитании» (1826) содержатся актуальные и во времена Каткова суждения об опасности политических потрясений в свете декабристских событий: «10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные»⁵. Среди причин, пагубно влияющих на «новые

¹ Леонтьев, К. Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина. С. 189.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 201.

⁴ Пушкин, А. С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого // Пушкин, А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 324.

⁵ Пушкин, А. С. О народном воспитании // Там же. Т. 7. С. 355.

безумства, новые общественные бедствия», поэт называет отсутствие воспитания и «влияние чужеземного идеологизма»¹.

Таким образом, Пушкин в своих исторических размышлениях намечает связь между западной либеральной идеологией и общественными потрясениями, происходившими в современной жизни в первые «последекабрьские» годы. Живые впечатления, разительно, незабываемо перевернувшие сознание пушкинских современников, не могли не потрясти поэта. Исторические произведения Пушкина («Борис Годунов», «Полтава», «Капитанская дочка») являются наиболее полным выражением душевного, нравственного опыта и переживанием гражданских исторических катаклизмов. М. Н. Катков убежденно шел в русле Пушкина, вослед его историософских идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Достоевский, Ф. М. Письмо А. Г. Достоевской. 5 июня 1880. Москва / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. Санкт-Петербург : Наука, 1996. Т. 15.

Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков. Санкт-Петербург : Росток, 2010–2012.

Кони, А. Ф. Из книги «На жизненном пути» / А. Ф. Кони // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Москва : Художественная литература, 1983.

Левитт, М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / М. Ч. Левитт. Санкт-Петербург : Академический проект, 1994.

Леонтьев, К. Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина / К. Н. Леонтьев // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков. Санкт-Петербург : Росток, 2012. Т. 6.

Николюкин, А. Н. Комментарии / А. Н. Николюкин, Т. Ф. Прокопов // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков. Санкт-Петербург : Росток, 2012. Т. 6.

Прокопов, Т. Ф. «Россия ... в ней два императора : Александр II и Катков»: Вехи судьбы охранителя консервативной государственности / Т. Ф. Прокопов // Катков, М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков. Санкт-Петербург : Росток, 2010. Т. 1.

Пушкин, А. С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. Москва : Художественная литература, 1962. Т. 6.

Пушкин, А. С. О народном воспитании / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. Москва : Художественная литература, 1962. Т. 7.

¹Пушкин, А. С. О народном воспитании. С. 356.

К 80-ЛЕТИЮ АДОЛЬФА АНДРЕЕВИЧА ДЕМЧЕНКО

ДЕМЧЕНКО

Адольф Андреевич

(03.12.1938, г. Шостка Сумской обл. – 18.01.2016, г. Саратов) – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской классической литературы Педагогического института СГУ, профессор кафедры русской и зарубежной литературы СГУ (2015–2016); историк русской литературы, биограф Н. Г. Чернышевского.

Окончил филологический факультет СГУ в 1961 г., аспирантуру по кафедре русской литературы в 1965 г. В 1961–1963 гг. Д. работал учителем русского языка и литературы в сельских школах Саратовской области, в 1963–1972 гг. занимал должности старшего научного сотрудника и зам. директора по научной работе в Государственном доме-музее Н. Г. Чернышевского. Защитил в 1971 г. в СГУ кандидатскую диссертацию «Проблемы научной биографии Н. Г. Чернышевского периода первой революционной ситуации (опыт критического анализа первоисточников)» под научным руководством проф. *Е. И. Покусаева*. После окончания докторантуры (1980–1982) Д. защитил в 1983 г. в ЛГУ докторскую диссертацию «Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков: Н. Г. Чернышевский».

Д. работал на кафедре русской и зарубежной литературы СГПИ в 1972–1974 гг., кафедре русской литературы филологического факультета СГУ в 1974–1987 гг., с 1987 г. – проректор, а с 1998 г. после соединения Педагогического института с СГУ – зам. директора по научной работе и профессор кафедры русской классической литературы Педагогического института СГУ.

Читал лекционные курсы «История русской литературы XIX в.», «История русской критики», «Текстология», «Литературное краеведение», спецкурсы «Н. А. Добролюбов-критик», «Н. Г. Чернышевский и русская литература», «Литературно-критическое наследие А. В. Дружинина», «Научная биография как тип литературоведческого исследования». Вел спецсеминары «Н. Г. Чернышевский: судьба, личность, творчество», «Русские писатели XIX–XX вв.: биографические аспекты творчества». Область научных интересов – история русской литературы и критики XIX–XX вв., текстология, литературное краеведение.

По инициативе Д. и при его непосредственном научном руководстве много лет проходили конференции «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» (музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, СГУ), «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (Пединститут, СГУ). Д. был бессменным научным редактором сборников «Н. Г. Чернышевский.

Статьи, исследования и материалы» (с 1983), «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (с 2002).

Изд.: Н. Г. Чернышевский. Научная биография: в 4 т. Саратов, 1978–1994; Н. А. Добролюбов. М., 1984; Н. Г. Чернышевский. М., 1989; «Свисток». Сатирическое приложение к «Современнику», 1859–1863 / сост., текстол. подгот., примеч. (совместно с А. А. Жук). М., 1981 (Литературные памятники); Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / сост. (совместно с Е. И. Покусаевым), подгот. текста (совместно с М. И. Перпер), вступ. ст. и примеч. М., 1982; Молодые годы Николая Чернышевского. Саратов, 1989; Чернышевский, Н. Г. Литературная критика: в 2 т. / науч. ред. (совместно с Е. И. Покусаевым). М., 1982; Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 9–20 / отв. ред. Саратов, 1983–2015; Н. Г. Чернышевский. История, философия, литература. Вып. 1, 2 / отв. ред. Саратов, 1982, 1994; Пропагандист великого наследия. Вып. 1, 2, 3 / отв. ред. Саратов, 1984, 1990, 2002; Литературное краеведение Поволжья. Вып. 1, 2, 3 / отв. ред. Саратов, 1997, 1999, 2007; Междисциплинарные связи при изучении литературы / отв. ред. Саратов, 2002–2015; История русской литературы XIX в. 40–60-е годы. М., 2006 (главы «Литература второй половины 50–60-х годов», «Н. Г. Чернышевский»); История русской литературы XIX века. 70–90-е годы. М., 2006 (главы «Литература 70-х годов», «Литература 80–90-х годов», «Г. И. Успенский»); Научно-биографическое изучение писателя. История. Теория. Типология: учеб. пособие. Саратов, 2005; Н. Г. Чернышевский: Pro et contra. Антология. СПб., 2008; Литературная и общественная жизнь Саратова (из архивных разысканий). Саратов, 2008; Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский. Саратов, 2009 (2-е изд. Саратов, 2015); Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М.; СПб., 2015.

Лит.: Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы, 1971–1981. Саратов, 1985; Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы, 1982–2002. Саратов, 2007.

(Литературоведы Саратовского университета, 1917–2017. Материалы к биографическому словарю / сост. : В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. 2-е изд., с измен., доп. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2018).

В. В. Прозоров

АДОЛЬФ АНДРЕЕВИЧ ДЕМЧЕНКО: ГОДЫ МОЛОДЫЕ

Трагедия 18 января 2016 г. унесла жизнь профессора Саратовского университета А. А. Демченко. Адольф Андреевич погиб в неравном бою с огнём, спасая от пламени свою уникальную библиотеку, которую бережно собирал с юных лет. Она включала книги с автографами учителей, коллег, учеников, с его многочисленными пометами. Здесь были и собственные, выстроенные *им* книги. Это было его призвание – филологическое строительство, его страсть, смысл жизни. «Мы ведь книги свои строим, как умелые работники дома возводят», –

говорил он. Самое главное его сооружение – талантливо воздвигнутая научная биография Чернышевского.

А. А. Демченко – ещё и замечательный историограф нашего легендарного филологического содружества (университета, пединститута, музея Чернышевского, других культурных гнёзд Саратова). Незадолго до гибели (в декабре 2015 г., после диссертационных защит) он горячо поддержал идею открыть в Известиях СГУ (серия Филология. Журналистика) рубрику «К столетию гуманитарного образования в Саратовском университете». И прибавил: «Есть у меня кое-какие интересные материалы. Я бы тоже мог их для нашего журнала приготовить». Я поинтересовался: «Про что они?» А. А. ответил: «В основном достались от Медведевых. Мы говорили с тобой об этом». . . У него хранились тетради доцента кафедры русской литературы СГУ Л. П. Медведевой с записями лекций А. П. Скафтымова. А Лидия Павловна (все, кто её знал, помнят) была мастером почти что стенографических записей и вела их постоянно и усердно. Что с ними случилось?! До последнего вздоха он не мог смириться с такими потерями. . .

Адольф Демченко старше меня на полтора года. Помню его хорошо со своего первого филологического курса. Помню прежде всего потому, что однокурсницей моей была Тамара Короткова и Адольфу именно она очень сильно приглянулась. Тамара – светлый, талантливый человек. Позже она подтвердит это и своей замечательной документально-биографической книгой о трагических страницах жизни Н. И. Вавилова в Саратове. . .

Саратовский филфак заслуживает многочисленных благодарных мемориальных сюжетов. . . Вспомню один, крохотный, связанный с совсем юным Демченко. Лекции по русской литературе XVIII века читал нам доцент Александр Петрович Медведев. Ученик Скафтымова ещё по гимназии Добровольского, мягкий и доброжелательный, он не отличался особым искусством захватывать аудиторию. Читал ровно, тихо, спокойно, временами, в особо знаменательных эпизодах литературной истории, возвышаясь до едва заметного пафоса. . .

Помню воссозданную им сцену вероятной встречи в Астрахани Петра Первого с юным Василием Тредиаковским. Предание гласило: царь, пристально взглянув Тредиаковскому в глаза, якобы изрёк: «Вечный труженик». «Что это было, – рассуждал Медведев, – предвидение? предчувствие? приговор? похвальное слово? Бог весть! А может, фантазия, ставшая легендой. Так это или иначе, но в оценке этой я усматриваю высокий, по-настоящему добрый смысл: быть в филологии (а Тредиаковский и поэт, и филолог) вечным тружеником – значит быть удивительно добросовестным работником, честным, последовательным, целеустремлённым. А что царь, мол, ещё и прибавил, адресуясь к Тредиаковскому: “Вечный труженик, а мастером никогда не будет!” – это, наверняка, недруги Тредиаковского придумали. Недруги они и есть недруги», – заключил Медведев.

Примерно так рассказывал эту историю Александр Петрович. Причем тут Адольф Демченко? А притом, что ближе к звонку с лекции Адольф постоянно заглядывал в нашу аудиторию, разыскивая глазами Тамару. И вот однажды Медведев, приметив его, ласково и озорно сказал: «Демченко, входите-входите, не стесняйтесь!» И уже обращаясь ко всем: «Я его очень ценю, – и вдруг неожиданно – потому и запомнилось – добавил: думаю, он тоже наверняка будет вечным тружеником! К этому есть много оснований!» И с очевидной любовью добавил: «На таких людях филология держится!» Много позже А. А., даря мне тома биографии Чернышевского, с улыбкой приговаривал: «От вечного труженика»...

Эта удивительно пронизательная публичная (тогда авансовая) оценка была совсем не случайной. Медведев отметил Адольфа среди многих его способных ровесников. Кстати, по признаниям А. А., Медведев едва ли не первым подсказал ему тему жизни, связанную с биографией Чернышевского. Сам Александр Петрович ещё в 1948 г. под руководством Скафтымова защитил кандидатскую диссертацию «Литературные взгляды молодого Чернышевского». От Медведева Демченко, по его собственному признанию, впервые услышал и совсем не общепризнанное мнение насчет того, что так называемые прокламационные призывы к топору вступают в конфликт с представлениями о личности этого великодушного и благородного мыслителя...

С четой Медведевых, Александром Петровичем и Лидией Павловной (урожд. Вудтке, чудом спасшейся от сталинской депортации), Демченко свяжут дружеские отношения. Медведевы были в курсе всех его учебных, научных и сердечных дел. Лидия Павловна была большой охотницей до деликатных и настойчивых расспросов, касавшихся личных переживаний...

Два года Демченко учительствовал в сельской школе, и Медведевым писал, по его словам, чаще, чем родным. Скажу больше, у Медведевых своих общих детей не было, и Адольф для них стал как сын. По его поздним признаниям, от них, людей предельно осторожных, он впервые услышал про С. Л. Франка, который был первым деканом историко-филологического факультета Саратовского университета. Тема не просто запретная, но и опасная по законам тех времен. Много позже мы узнали, что Медведевы, подвергая себя немалой опасности, хранили в своём домашнем архиве юношеский дневник Франка, теперь уже опубликованный Е. П. Никитиной и А. А. Гапоненковым в сборнике «С. Л. Франк. Саратовский текст» (2006). Медведевы откровенно посвящали А. А. во многие вопросы факультетской и университетской жизни и истории. В его распоряжении была и их богатая библиотека...

С учителями Адольфу Андреевичу, по многократно из уст его звучавшим признаний, посчастливилось. Первым среди них он, конечно же, называл Е. И. Покусаева. Демченко прошёл его школу, его аспирантуру. Своим он был и в доме Покусаевых. И Евграф Иванович,

и Александра Степановна его очень любили. Дома, правда, у них в современном понимании отродясь не было. Была давно не отремонтированная квартира на третьем этаже плохо обустроенного, шумного студенческого общежития на Вольской 18/3. И была самая большая комната-кабинет-библиотека, в которую никому из учеников дорога не была заказана. И была невероятно кропотливая, многостаночная («стол мой – мой станок»), вдохновенная работа нашего выдающегося учителя. Евграф Иванович знал цену текстологическому труду, и азартом своим увлекал учеников. «Ему я обязан стойким интересом к фактам, к тексту, к источникам», – признавался Демченко.

Помню 11 ноября 1971 г. Затаив дыхание, как и весь огромный зал, мы с А. А. вместе, рядышком, слушали доклад-импровизацию Покусаева в Саратовском театре драмы на торжестве по случаю 150-летия Достоевского. Текст, к сожалению, недописанный: подступала роковая болезнь. В докладе, в частности, предлагалась психологически пронзительная и по тем временам очень не тривиальная интерпретация визита Достоевского к Чернышевскому в 1862 г. по поводу прокламации «К молодому поколению» и петербургских пожаров, которые Достоевский просил угасить. Покусаев подверг тщательному анализу воспоминания Чернышевского 1888 г. «Мои свидания с Ф. М. Достоевским» и главу «Нечто личное» в «Дневнике писателя» за 1873 г. Евграф Иванович был великолепным мастером слова и блистательным исполнителем текстов. Как потрясающе, со сложнейшей гаммой переживаний, с волнующими паузами (благо, Достоевский щедро снабдил диалог ремарками) воссоздал он тот знаменитый разговор! Мы с А. А. часто вспоминали потом эту сцену: выдающийся литературовед голосом передавал залу невыразимое – встречу двух великих современников, испытывавших друг к другу странные и сложные (но прежде всего исполненные почтения и неосуществимых надежд) отношения!

Достоевский вынул прокламацию: Николай Гаврилович, что это такое?

Чернышевский взял ее как совсем незнакомую ему вещь и прочел (с лёгкой улыбкой). Ну, что же?

Достоевский: Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и *прекратить эту мерзость* (курсив мой. – В. П.)?

Сила, с которой были произнесены последние слова, так подействовала, что они для нас с А. А. стали своего рода позывными. Они припоминались по разным подходящим поводам. . . Я хорошо помню наше с А. А. одушевление, вызванное этим докладом и пронесённое через всю жизнь. . . В том же 1971 г. А. А. в Саратовском университете под руководством Покусаева уверенно защитит кандидатскую диссертацию «Проблемы научной биографии Чернышевского периода первой революционной ситуации (опыт критического анализа первоисточников)».

Серьёзное признание к Демченко пришло ещё в юности. Один красноречивый пример в заключение: Ю. Г. Оксман в письме к Е. И. Покусаеву от 2 октября 1965 г. отметит четвёртый саратовский сборник статей и материалов о Чернышевском. Оксман – в больнице, он «самым внимательным образом» прочёл новую книгу и «даже некоторые выписки сделал»: «Считаю четвёртый том одним из самых интересных – и по разнообразию материала, и по его занимательности, и по отделке... Всё это радует моё сердце, половина которого (правая?) принадлежит Саратову [...]. Среди других участников сборника Юлиан Григорьевич первым специально отметит («из самых молодых») А. А. Демченко¹, его статью «Из истории полемики Чернышевского с А. В. Дружининым»². Дорогостоящее признание!

Учителя окрыляли Адольфа Андреевича, и память о них он всю жизнь старался передать своим ученикам...

Е. В. Кирева

**А. А. ДЕМЧЕНКО – НАЧАЛЬНИК ФОЛЬКЛОРНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ФИЛОЛОГОВ САРАТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ХВАЛЫНСКИЙ РАЙОН САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1982 ГОДУ**

До защиты докторской диссертации и перевода в пединститут на должность зав. кафедрой А. А. Демченко работал на кафедре русской литературы филфака Саратовского государственного университета (СГУ) имени Н. Г. Чернышевского. В его учебную нагрузку порой входило и проведение практических занятий по фольклору, а в 1982 г. ему довелось быть начальником фольклорной экспедиции. Мне как аспирантке Т. М. Акимовой и помощнику начальника экспедиции повезло наблюдать за его работой и невольно (поскольку с ним выехала и вся его семья, кроме старшего сына Андрея) видеть его и как отца семейства.

В те же далекие и теперь уже почти сказочные времена до г. Хвалынска мы добрались по Волге на метеоре. С колен Адольфа Андреевича не сходил его любимец – младший сын Алешка. Дочь Оля – красна девица, милая, воспитанная, серьезная, молчаливая – всю дорогу была погружена в чтение³. Супруга Тамара Ивановна любовалась

¹См.: Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов, 2010. С. 315–316.

²См.: Демченко, А. А. Из истории полемики Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Саратов, 1965. Вып. 4. С. 83–92.

³Оля поразила отца своими знаниями этикета еще в детстве. Как-то он был вынужден взять ее с собой на лекцию в пединститут. Она сидела на заднем ряду. Рядом –

видами Волги и ее берегов, благо мы сидели в самой лучшей – носовой части – метеора. Студент Сергей Иванов стал нашим увлеченным фотолетописцем.

Как и полагается начальнику экспедиции, Адольф Андреевич заранее известил администрацию Хвалынского о предстоящей работе филологов и потому нас беспрепятственно по прибытии расселили в общежитии местного среднего учебного заведения. И мы принялись за работу по программе экспедиции. Работали, как и полагается, парами по разным темам: это и старообрядчество, и традиционный фольклор мирского населения (песни, сказки, частушки, историческая проза).

У всех пар были свои счастливые открытия: это и хранители традиционных песен – переселенцы из затопленных после строительства Балаковской АЭС сел, в том числе М. Федоровка, где бывали участники фольклорной экспедиции СГУ в 1950-е гг. (рекрутские, свадебные песни, частушки)¹, и не всем открывающиеся в общении старообрядцы, хранители старопечатных книг, историй о старообрядчестве и его вождях, знатоки духовных стихов. Кого-то поразили эпитафии на местном кладбище, кто-то зареванный от услышанных печальных историй возвращался из дома престарелых, а кому-то согрело сердце посещение дома, где собирались знатоки и любители романсов и песен литературного происхождения. По прошествии недели сбора материала Адольф Андреевич дал заметку в местную газету, где были названы имена информантов, отличившихся своими талантами. Не обошлось и без своего рода курьезов, показавших, как дорожат исполнители этим публичным признанием их заслуг. А. А. Демченко, видимо, по оплошности не спросил у нас с Сергеем Ивановичем о наших «заслуженных» людях. Заметка вышла, и мы удивились резкой перемене в наших прежде радушных собеседниках. Выяснилось, что они были обижены, не найдя своих фамилий в газете.

В свободное время участники экспедиции ходили в кино, купались в Волге. Мне, занимающейся песнями литературного происхождения, владельцы песенника 1930–1950-х гг. О. Ворожейкиной, большого по объему, разрешили его скопировать. Аппаратов для копирования тогда не было и пришлось усиленными темпами вручную переписывать тексты, в чем мне порой помогали студенты². Адольф Андреевич как-то пригласил меня пойти со всеми в кино «на средства начальника экспедиции», желая отвлечь от писцовой работы.

проверяющий работу Демченко преподаватель. Последний попытался поговорить с ней, обратясь к ней на ты. И услышал в ответ: «Не думала, что в пединституте со мной будет разговаривать на ты». – «Откуда это у нее?!» – «Мы ее так научили».

¹См.: *Киреева, Е. В.* Песни и романс в современной деревне: (по материалам фольклорной экспедиции СГУ 1982 г.) // *Фольклор народов РСФСР : межвуз. науч. сб.* Уфа, 1984. С. 157–160.

²См.: *Киреева, Е. В.* Песни в альбомах сельской интеллигенции // *Фольклор народов РСФСР.* С. 120–126.

Начальник экспедиции ненавязчиво руководил работой ее участников, все примечая, в том числе «мотал на ус» и наши впечатления от общения с жителями Хвалынска. Среди них были и «неожиданные открытия». Как-то старательная участница спецсеминара В. К. Архангельской С. Пискунова вышла на старообрядца, согласившегося побеседовать с ней (на закате солнца в саду) в назначенном месте. Дед, угостив девушку малиной, попросил поцеловать его. Светлана сказала, что исполнит эту просьбу, как если бы была его внучкой. Это не вполне устроило забывшего о приличиях «хранителя старины», и Света поспешила уйти.

Вторую половину времени своего выезда участники экспедиции провели в с. Дубовый Гай, расположенном на р. Терешка, куда не без труда добрались, оставив «комфортабельное общежитие», где спали на кроватях с казенными простынями и подушками. А. А. Демченко заранее позвонил в село, и нас пообещали разместить в местной школе. Но, как выяснилось, директор школы накануне нашего приезда покрасила полы. Придя к крыльцу школы, мы обнаружили под лозунгом «Добро пожаловать» на двери амбарный замок.

Начальник экспедиции отправился, как сказочный герой, устранять возникшее на нашем пути препятствие. Его не было долгое время, которое мы постарались скрасить беседой с проходившей мимо женщиной. При этом Ольга Демченко была одной из внимательных слушательниц.

Наконец вернулся Демченко с радостной вестью из сельсовета или от председателя колхоза: нам разрешили разместиться в пустующем по причине кончины владельцев доме с садом. Наскоро обжив его, мы отправились на речку. Алешка не отставал от нас. Едва ли ни с первого дня приезда в Дубовый Гай мы проживали на компактной территории (семья Демченко разместилась на «веранде», девушки – на полу в зале, а Сережа – в каморке за печкой). Алеша не отставал от нас с просьбами загадать ему загадку. Адольф Андреевич был вовлечен в число «информантов», порой и сам выступал в роли «загадчика», придумывая загадки для Алешки. Алешка тосковал по городскому молоку из пакетов, так как настоящее деревенское ему не нравилось. От него он порой чихал, приговаривая, как это было принято у детей, играющих в г. Энгельсе во дворе в песочнице: «Теперь моя зараза на тебя перейдет». Меня он почтительно именовал «Владимировной» и умолял подарить ему ножичек, обещая, что наточит его и вычистит до блеска.

Роль «куратора» порой брала на себя Тамара Ивановна. Как-то ей пришлось напомнить одной из студенток о подобающих девице качествах. Она подружилась с кем-то из местных ребят и только в первом часу ночи вернулась со свидания.

Начальник экспедиции заботился о нашем быте. Общественной бани в селе не было. Купались на речке, но хотелось помыться и горячей водой – лето. Хозяин соседнего дома пообещал дать нам помыться

в его баньке. Но предварительно Адольф Андреевич и Сережа помогли ему скирдовать сено. За это сосед нас и медком побаловал.

В часы отдыха Адольф Андреевич с Тамарой Ивановной вспоминали, как они начинали по окончании филфака свою трудовую учительскую жизнь в одном из заволжских сел по распределению. Вернувшись после зимних каникул из города в село, они долгое время не могли найти свой дом. Его занесло снегом по крышу, по которой они некоторое время ходили, пока не наткнулись на верхушку печной трубы.

Большую часть дня А. А. Демченко проводил за работой – он завершал докторскую диссертацию. «Кабинетом» ему служило место в саду в тени опустевшего курятника – там ему никто не мешал. Но при этом он «держал руку на пульсе» работы участников экспедиции. Девушки развели, что в селе есть хорошая певческая группа, но ее участницы петь не захотели. Адольф Андреевич взял на себя миссию устранения этого препятствия. Когда он сходил и попросил женщин, они согласились из уважения и симпатии к чернобровому обаятельному отцу семейства и начальнику экспедиции. Вечером над селом, как во времена их молодости, далеко разносясь в чистом прохладном воздухе, поплыли песни. Вспомнили они и как хороводы водили.

Среди записывающих на магнитофон и слушающих – Адольф Андреевич, Алешка, участники экспедиции. Сережа Иванов сделал фотографии. Он же курировал запись на магнитофон.

Как-то одна из студенток, имевшая опыт готовить в русской печи, обнаружив в доме все нужное для этого – и чугушки, и ухваты, – решила побаловать нас стряпней. Встав пораньше, она принялась разжигать печь, от чего спавший в чуланчике возле «тыла» печи Сережа чуть не угорел.

В другой раз нам пришлось проводить своими силами «сеанс психотерапии». Л. Огурцова и И. Косенкова, наслушавшись быличек, боялись оставаться в доме одни.

Но богатое впечатлениями время экспедиции незаметно кончилось. Мы возвращались в Саратов на метеоре. Пели песни, в том числе «Огней так много золотых / На улицах Саратова». Вдруг Адольф Андреевич, «попросив слово», стал одаривать участников экспедиции «частушечками» собственного сочинения. Некоторые из них запомнились:

Старообрядцы все влюбились
В Светлану нашу и добились
Ответных ласковых речей.
Ее фольклор всех горячей.

Елене Владимировне предлагалось показать тетрадочку с «песнями заветными». Сережа Иванов выехал с нами вместо заболевшей

студентки из спецсеминара Архангельской Лукьяновой. Адольф Андреевич посвятил «частушечку» и Сереже:

Сереже Лукьяновой слава.
Мальчонка в юбчонке бравый.
Но знаем, знаем, где он –
Все выдает нам магнитофон.

Полученный мною в этой экспедиции опыт работы впоследствии пригодился, когда самой пришлось быть в роли руководителя.

Знакомясь с инструкциями о работе экспедиций, в частности, братьев Соколовых и осмыслия ретроспективно работу А. А. Демченко как начальника экспедиции, вижу, что он делал так, как показалось бы должным его учителям: известил в местной печати о работе экспедиции и осветил один из этапов ее работы – в Хвалынске. Он заранее оповестил о приезде группы руководство администрации, обеспечил размещение и безопасность пребывания ее участников, принял меры к тому, чтобы состоялась важная для собирателей попевка группы коренных жительниц с. Дубовый Гай.

А из области не поддающихся инструктированию качеств – то, что присуще было ему как человеку: неприхотливость в быту, умение работать над научной темой в самых «неподходящих» условиях, ненавязчивое внимание к окружающим и добродушный юмор в поэтическом самодеятельном отражении их работы, любовь к супруге и детям.

Экспедиция под начальством А. А. Демченко – одна из самых светлых страниц в ненаписанной книге о других экспедициях и выездных практиках. В ней были особая прелесть органичного сочетания труда и отдыха, ощущение опеки старшего и свободы, инициативы подчиненных. Как прекрасное прошлое, куда, как говорят, нельзя вернуться в реальности, атмосфера этой экспедиции, г. Хвалыньск спустя довольно долгое время возвращались в редких счастливых снах.

А. А. Демченко заложил «краеугольный камень» в описании фондов открытого в 1981 г. по инициативе профессоров Е. П. Никитиной, Т. М. Акимовой, В. К. Архангельской «Кабинета фольклора» – ныне учебной лаборатории «Кабинет фольклора имени проф. Т. М. Акимовой». Нам в 2016 г. исполнилось 35 лет.

Сохранилась рукопись наглядного инструктажа А. А. Демченко по описанию фондов архива «Кабинета фольклора».

ПОЕЗДКА А. А. ДЕМЧЕНКО В ЯПОНИЮ В ЯНВАРЕ 2011 ГОДА

26 января 2011 г., после 15-часовой поездки на поезде от Саратова до Москвы, затем 9-часового перелета от Москвы до Токио и еще полтора часов полета на самолете из Токио наконец-то доехал Адольф Андреевич до Саппоро! ¹

Дело в том, что после нескольких неудач мы выиграли в 2009 г. грант японского Министерства образования и культуры «Kakenhi (Grantsin Aidfor Scientific Research)» по теме «Изучение политической мысли о сожительстве в широком пространстве при условии международной конкуренции». Для того чтобы провести исследования, мы организовали группу из 14 японских специалистов, и в нее пригласили Адольфа Андреевича в качестве «зарубежного сотрудника». Группа была готова.

Надо отметить, что среди членов группы, кроме меня, еще двое участвовали в конференциях «Н. Г. Чернышевский и его эпоха». Это Сюити СУГИУРА, который принял участие в конференции в 2002 г., и Сиро КАТО, участвовавший в 2012 г. Кроме них, в состав группы включены и выдающийся герценист Мицуо НАГАНОВА, и специалист по Иванову-Разумнику Хироси МАЦУБАРА, и славянофил Акио СИМИДЗУ, и специалист по Лосеву Фумиказу Осука, и убежденный плеханист Хироси САКАМОТО, и анархист Кенсо ЯМАМОТО и т. д. Темы каждого члена группы так разнообразны, что никто, кроме Адольфа Андреевича, не мог бы дать нам адекватные советы. Было принято решение оформить командировку Адольфу Андреевичу в Японию в рамках бюджета 2010 г.

Итак, приехал Адольф Андреевич в Японию. Как выше сказано, он приехал в Саппоро через Токио. Значит, его первая японская земля – Токио. Именно в аэропорту Токио Адольф Андреевич впервые познакомился с японской экзотикой. Это кофе со льдом. К удивлению Адольфа Андреевича японцы даже в январе пьют такой кофе.

«Пожалуйста, попробуйте» – предлагал я, но Адольф Андреевич отказывался, говоря: «В России это не пьют, боюсь, горло заболит». . . Потом зазвучал голос роковой: «Нельзя минуть чашу сияю», и он смело дал согласие испытать эту японскую экзотику. «Ну, как?» – спросил я. «В Монголии . . .» – что-то заговорил было Адольф Андреевич. «Адольф Андреевич, понимаете-ка, ведь Монголия и Япония – разные вещи» – перебил я. «Вообще в Японии. . .» – замолчал Адольф Андреевич. Японский кофе был для него скорее испытанием, а не наслаждением. А испытания Адольфа Андреевича на этом не закончились:

¹Город Саппоро – северный город Японии, который расположен на острове Хоккай-до, с населением около 2 млн человек, город-побратим Новосибирска.

ему предстоял еще полет в Саппоро, несмотря на то, что он до этого времени уже довольно долго ехал, ночевал и в вагоне, и в самолете.

Наконец-то около 7 часов вечера Адольф Андреевич разместился в гостинице в Саппоро. Считая разницу во времени, это 2 часа ночи в России. Уже глубокая ночь. Итак кончился первый день пребывания Адольфа Андреевича в Японии.

Кстати говоря, Адольф Андреевич не был первым саратовцем в этой гостинице. 26 мая 1962 г., когда первый космонавт мира Ю. А. Гагарин (ведь он несколько лет жил и учился в Саратове) приезжал в Саппоро, он останавливался в этой гостинице (Grand Hotel). Говорят, что когда Гагарин ездил с парадом по городу, более 100 тыс. человек выходили на улицу его приветствовать.

На следующий день пошел встречать нашего знаменитого профессора-саратовца только один человек – я. Потому что, к сожалению, в Саппоро, кроме меня, никого из нашей группы не было. Планировалось, что Адольф Андреевич будет изучать материальное положение и направления японских исследований в Саппоро и познакомиться с Университетом Саппоро. Перед отъездом из гостиницы Адольф Андреевич посетил мини-музей, чтобы познакомиться с ее историей. Там перед мемориальными досками японского императора, 71-го премьер-министра Великобритании М. Х. Тэтчер и космонавта-саратовца Ю. А. Гагарина наш ученый из Саратова сфотографировался.

Работа Адольфа Андреевича в Университете Саппоро началась с моего кабинета. Университет Саппоро – частное заведение, число студентов около 4 тыс. Как только доктор Демченко зашел в мой кабинет, он начал тщательно изучать книжные полки и узнал, что там практически вся основная литература по Чернышевскому, в том числе и его собственная последняя книга «Н. Г. Чернышевский: pro et contra». Потом мы с ним зашли в библиотеку Университета, в которой собрано около 760 тыс. книг, включая довольно богатый русский фонд. Проходя по лабиринту из книжных полок, Адольф Андреевич познакомился с одним редким изданием: «Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток его Императорского Высочества государя наследника цесаревича 1890–1891». «Это – да!» – восклицал в восхищении Адольф Андреевич. По всей вероятности, он понял, что Саппоро – не такой уж глухой провинциальный городок и здесь можно проводить исследования.

29 января мы с Адольфом Андреевичем полетели в Токио. Там нас ждало «Общество исследователей истории русской мысли». Собрание общества проводится в одной аудитории Университета Васеда. Университет Васеда – один из крупнейших в Японии (42 тыс. студентов). Сам район Васеда составляет огромный студенческий квартал. В Васеде перед собранием мы зашли в ресторанчик пообедать. К моему удивлению там Адольф Андреевич кушал котлеты с рисом – типичный студенческий обед, – очень ловко пользуясь палочками.

На собрании наш русский ученый выступил с докладом «Николай Чернышевский: взгляд из XIX века». Упомянув о том, что основоположником взаимоотношений между Саратовом и Японией был покойный профессор Ёсио ИМАИ, А. А. Демченко в своем докладе отметил, что приезды японских исследователей в Саратов совпадали с периодом существенного пересмотра прежних взглядов на Чернышевского. Он особо подчеркнул важность объективной переоценки Чернышевского. В этом докладе, отрицая прежний мифический образ Чернышевского, Адольф Андреевич пытался оценить его как гуманиста, моралиста. Позже текст его доклада был опубликован в научном журнале этого общества¹.

После выступления Адольф Андреевич особо заинтересовался одним молодым исследователем – Хироюки ХОРИЕ, который позже, в 2014 г., приехал в Саратов с докладом «По поводу Сергея Булгакова к пятнадцатилетию со дня смерти Н. Г. Чернышевского». Выдающийся русский специалист отметил, что Хорие очень напоминает Чернышевского, и назвал его «японским Чернышевским».

Вслед за собранием мы устроили маленький банкет. У нас принято считать, что без банкета всякие японские научные собрания теряют свое значение. Пора полакомиться японскими закусками! Мы зашли в один чисто японский трактир и продолжили горячую дискуссию. Кроме обсуждения оценки японского пива (по мнению Демченко, «хорошее»), речь пошла о Чернышевском и Герцене. Последняя тема особо заинтересовала нашего герцениста Наганава. После нескольких бутылок пива, видимо, оба ученых нашли общий язык.

Банкет кончился около 22⁰⁰ часов, т. е. для русских уже 4 часа утра. Надо было срочно размещаться. Мы с Адольфом Андреевичем поспешили в маленькую, но уютную гостиницу Rose Garden, которая находится среди небоскребов района Синдзюку, одного из самых оживленных в Токио.

На следующий день, 30 января, наша группа устроила Научные чтения. Так как ответственным организатором нашего исследования был я, наше собрание планировалось устроить в Саппоро, но из-за ограниченности бюджета нам пришлось снять зал в Токио и там устроить Чтения. Зал находился в здании, которое было расположено прямо напротив Императорского дворца. На Чтениях убежденный плеханист Сакамото выступил с докладом «Взгляды Г. В. Плеханова на “ученую дружину”», Ямамото – по теме «Польский вопрос после 1863 г.», Наганава сделал доклад «А. И. Герцен и “Польский вопрос”» и т. д. Наши Чтения продолжались с утра до вечера с перерывом на обед. Давая адекватные консультации и меткие замечания, Адольф Андреевич почему-то заговорил о стерляди, о символе Саратова. «Какая это рыба?» – кто-то спросил. «Это мягкая, очень вкусная рыба».

¹См.: Демченко, А. А. Николай Чернышевский : взгляд из XIX века // Roshia Shisoushi Kenkyuu, Roshia Shisousi Gakkai. Tokyo, 2011. №. 2.

«Адольф Андреевич! Я никогда не пробовал ее в Саратове». Ответ Адольфа Андреевича был короток: «Раньше их было много в Волге, а сейчас нет». Мы все поняли, что старый ученый из Саратова уже устал и голоден. Пора заканчивать. Мы вышли на улицу Гиндзы и сходили в один пивной бар. Опять банкет! Там Адольф Андреевич предпочел знаменитое японское пиво «Sapporo». «Хорошее», – сказал он.

На следующий день мы провели маленькую экскурсию. Ездили в Йокогаму. Йокогама – портовый город, который расположен примерно в 50 км к юго-западу от центра Токио. Дело в том, что почетный профессор Йокогамского государственного университета Наганава и профессор Осука пригласили Адольфа Андреевича познакомиться с этим университетом. Нас встретил ректор университета. Сфотографировались. После официальной части визита мы познакомимся со студентами. Японским студентам Адольф Андреевич рассказал о России, о русской истории. После мини-лекции мы со студентами пошли в библиотеку. Русский фонд научной библиотеки Йокогамского университета славится, и здесь Адольфу Андреевичу удалось познакомиться с дипломатическим архивом, в котором собрано много сведений об истории международных отношений города. Он с интересом смотрел.

После университета – очередной банкет! Мы пошли в Китайский город. Так как Йокогама – портовый город, в нем существует район, где живут китайцы. Мы решили устроить банкет в китайском ресторане. Чтобы миновать пробку на дороге, мы ехали туда на водном трамвае. Красивый ночной пейзаж города с воды залива Йокогама понравился нам всем. Китайская экзотика тоже произвела впечатление на всех. В небольшом китайском ресторане. Адольф Андреевич и Наганава продолжили вчерашнюю тему: как переосмыслить и Чернышевского, и Герцена, можно ли их оценить как гуманистов. После банкета по дороге в Токио в электричке Адольф Андреевич спросил меня, «читал ли Наганава Н. Эйдельмана? Мнение Наганава напоминает его». «Конечно, читал Эйдельмана, читал и перевел Зеньковского и даже академика Нечкину прочитал» – пошутил я. Тихо улыбувшись, Адольф Андреевич задремал в электричке.

Кстати говоря, Адольф Андреевич в Йокогаме в одном большом торговом центре купил снаружи черный, а внутри ярко-красный рюкзак. «Это как рот акулы» – с удовольствием сказал Адольф Андреевич. Итак, новый рюкзак стал спутником Адольфа Андреевича в пути по Японии.

На следующий день, 1 февраля, мы ездили в Институт социальных вопросов им. Охара при Университете Хоусеи по приглашению нашего плеханиста Сакамото. Так как Институт находится в городе Хачиюэди, который расположен приблизительно в 50 км к западу от центра Токио, нам пришлось еще раз по пути сделать маленькую

экскурсию. Институт им. Охара – центр исследования рабочего движения в Японии. Там г-н Сакамото работает научным сотрудником. Он встретил нас у входа в Институт и проводил к директору. После визита вежливости к директору Института мы пошли в книгохранилище. Там мы смогли познакомиться с ценными книгами, в том числе и первым изданием «Капитала» К. Маркса с подписью самого автора.

После насыщенного многодневного пребывания в Японии Адольф Андреевич вылетел из Токио домой в Россию на следующий день, 3 февраля, с новым рюкзаком. О том, что Адольф Андреевич оказал нам серьезное содействие, свидетельствует его весомая статья, которую он позже послал в наш сборник¹.

У меня остались самые приятные воспоминания о поездке Адольфа Андреевича в Японию. Желаю мира его покойной душе.

¹См.: Демченко, А. А. Русские религиозные философы XIX–XX вв. о Николае Чернышевском и его романе «Что делать?» // Изучение политической мысли о сожителстве в широком пространстве при условии международной конкуренции : сб. статей / под ред. Он ОЯ. Саппоро, 2014.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. П. Скафтымов

РОМАН «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

(его идеологический состав и общественное воздействие)¹

I

В конце июня 1862 г. у возвращавшегося из Лондона и арестованного на границе мещанина Павла Ветошникова агентами русского правительства были найдены письма Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу. В одном из писем упоминалось имя Н. Г. Чернышевского: Герцен предлагал перенести печатание «Современника» за границу. Это послужило достаточным поводом к аресту Н. Г. Чернышевского, давно уже вызывавшего беспокойство в кругах охранителей правительствующего государственного порядка.

В это время в обществе заметно нарастало революционное брожение. Правительство слышало и знало об организации новых революционных кружков, о выпущенных прокламациях, о лозунгах, призывающих к борьбе. Оппозиционные, хотя и легальные, радикальные журналы «Современник» и «Русское Слово» обнаруживали все большую смелость и силу и уже стали наиболее влиятельными из всех органов печати. Н. Г. Чернышевский, давно уже популярный смелыми статьями по крестьянскому вопросу, обзорами западноевропейской политической жизни и общими очерками по вопросам социальной экономии, морали и философии, занял положение наиболее видного

¹В состав настоящей статьи входят: 1) публичная речь, произнесенная в заседании Саратовского университета 29/X 1924 г. и 2) доклад, прочитанный в заседании Нижне-Волжского областного научного общества краеведения 9/XI 1924 г.

идейного руководителя нарастающего освободительного движения. Правительство уже почувствовало в нем своего врага, «Современник», вместе с «Русским Словом», был уже запрещен печатанием на 8 месяцев, за Чернышевским была уже организована постоянная слежка и через агентуру и через подкупы квартирной прислуги, но повода к открытому обвинению и аресту долго не находилось. И вот теперь неосторожное предложение Герцена уличало Чернышевского в каких-то сочувственных сношениях с гнездом революционных эмигрантов. Этого уже было достаточно, и 7-го июля 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

II

И вот здесь, в одиночной камере Алексеевского рavelина, Н. Г. Чернышевский, среди других многообразных и обильных литературных занятий, пишет роман «Что делать?».

Роман был написан в течение четырех месяцев: начат 4 декабря 1862 г., окончен 4 апреля 1863 г.¹. Первое время заключения Чернышевский был почти спокоен за свою судьбу. Он был уверен, что прямых улик к его обвинению правительство не имеет и после некоторой проволочки вынуждено будет дать ему свободу. Однако сама обстановка заключения давала себя чувствовать. На время писания романа падает наибольшее возмущение и беспокойство Чернышевского из-за стеснений в свиданиях с женой. К началу 63 года Чернышевского начинает томить неожиданное для него промедление с продвижением его дела. Сохранилось несколько его писем и записок к администрации крепости или непосредственно к следственной комиссии, где Чернышевский настойчиво и неоднократно требует объявить ему причины задержки. Ответа никакого не было. Чернышевский принял крайние меры, 28 января он начал голодовку протеста и продолжал ее в течение девяти дней.

Между тем литературная работа не останавливалась. 15-го января 1863 г. управляющий III отделением А. А. Потапов передал в следственную комиссию начало романа «Что делать?». 26-го января рукопись была послана оберполицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину. 12-го февраля Чернышевский посылает тем же порядком А. Н. Пыпину уже 35 убористо написанных страниц продолжения «Что делать?» и полулист заметок о необходимых поправках при корректуре.

Нервозность общего настроения Чернышевского, однако, не прекращается. 14-го февраля он опять пишет письмо с решительным

¹Даты написания романа точно обозначены самим Н. Г. Чернышевским в черновой рукописи романа, хранящейся в Ленинградском отделении Центрархива. – Одновременно с романом «Что делать?» Чернышевский продолжал перевод «Истории XIX века» Гервинуса, и 20 листов этого перевода были препровождены комендантом крепости в «Современник» 8 марта 1863 года.

требованием внимания к своим легальным просьбам и пожеланиям. Лишь 23-го февраля (через 7 с половиною месяцев после ареста) происходит первое свидание с женой. 27-го февраля отправляется письмо с требованием обещанного нового свидания. 4-го марта напоминание об обещанном вновь повторяется. В письме к коменданту крепости А. Ф. Сорокину от 7 марта Чернышевский угрожает новой голодовкой.

Между тем следственная комиссия переживала большие затруднения по отысканию улики для обвинения важного узника. Материалы, находившиеся в ее руках, не давали возможности построить обвинение. Не из чего было даже составить вопросных пунктов к допросу. Первый допрос был снят с Чернышевского 30-го октября 1862 г. (четыре месяца спустя после ареста). В первых месяцах 1863 г. комиссия прибегла к помощи провокатора Всеволода Костомарова. 16-го марта с Чернышевского был снят новый допрос о «воззвании к барским крестьянам» (по клевете Вс. Костомарова) и предъявлена карандашная записка, будто бы оставленная когда-то Чернышевским у Костомарова.

Теперь Чернышевский мог видеть, сколь опасно его положение, но он все же имел спокойствие и силу непрерывно продолжать начатые литературные работы. 26 марта Потапов прислал в комиссию 4-ю главу «Что делать?», 28-го марта следовало продолжение ее, 30-го окончание 4-й и начало 5-й, 6-го апреля получено было уже окончание всего романа. – Такова обстановка, в которой писался роман¹.

Есть предположение, что Н. Г. Чернышевский работал над «Что делать?» еще в Саратове. Для этого служит основанием устное свидетельство сына Н. Г., Михаила Николаевича Чернышевского, записанное его дочерью Ниной Михайловной Чернышевской-Быстровой: «– Вот все говорят, – заметил Мих. Ник. в 1922 г., обращаясь к Екатерине Николаевне Пыпиной, – что Чернышевский изобразил в «Что делать?» Боковых и Сеченова, а ведь первоначальные листы «Что делать?» были найдены еще в 50-х гг. в Саратове, тогда как Боковская история разыгралась гораздо позднее». Екатерина Николаевна в свою очередь подтвердила показание М. Н., основываясь на словах Евгении Николаевны Пыпиной: «– После того как Николая (Н. Г. Чий) уехал из Саратова, повенчавшись в 53-м году, Евгения Николаевна стала разбирать его комнату и нашла заметки будущего романа «Что делать?». Когда в 63 г. роман вышел в печати, она стала читать его и припомнила, что уже читала это в листочках»². Иных

¹П. М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. Издание II-е. Гос. изд. Подробно об этом см. 1923, с. 161–317.

²Цитируется из рукописной работы Н. М. Чернышевской-Быстровой о Евг. Ник. Пыпиной, прочитанной в заседании Нижне-Волжского областного научного общества краеведения 8-го декабря 1924 года.

подтверждений эти сведения пока не имеют. Никаких черновиков, кроме черновой рукописи романа, хранящейся теперь в Ленинградском отделении Центрархива, не сохранилось. А эта рукопись, как совершенно ясно свидетельствуют и ее даты, выставленные самим автором, и почерк и бумага, могла быть написана вся целиком только в этот крепостной хронологический промежуток – 4-го декабря 1862–4 апреля 1863 г. В. А. Пыпина, дочь Александра Николаевича Пыпина, указывает, что она ни от кого, в том числе и от отца своего («который не мог бы об этом не знать»), никогда не слышала о возможности образования канвы романа в саратовский период жизни Чернышевского.

О том, что у Чернышевского до написания романа иногда бродили замыслы беллетристических произведений, имеются сведения между прочим и в письмах того же Ал. Ник. Пыпина. В ноябрьском письме (без точной даты) 1850 г. он писал Д. Л. Мордовцеву: «Недавно читал он (Н. Г. Ч-кий) отрывок из повести, рассказа, или как угодно назови это, конечно, не напечатанной; он говорил мне, что ее написал один из его приятелей, но я с большею вероятностью предполагаю, что писал он ее сам; все в ней – его и, между прочим, там был один характер, совершенно снятый с него – характер не из обыкновенных, пошлых характеров»¹. В дневнике Н. Г. Чернышевского 1848–1850 гг. имеются следы литературных беллетристических замыслов. В одном из них Чернышевский имел в виду изобразить Василия Петровича Лободовского, во втором образ Лободовского сливается с чертами самого Чернышевского. И в том и другом темой является мысль о том, «как трудно всякому человеку следовать своим убеждениям в жизни, как тут овладевает им и сомнение в этих убеждениях, и нерешительность и непоследовательность»... Третий замысел ставит в центр женский образ, здесь Чернышевского занимает мысль, «как вообще тяжела участь женщины»².

Кроме этого, имеется указание и самого Ник. Гавр. Чернышевского об имевшихся у него до написания романа беллетристических черновиках. В прошении, написанном Н. Г. Чернышевским 25-го сентября 1863 г. и представленном в Сенат, где в то время рассматривалось его дело, имеются строки в черновых материалах «для будущих романов». Но здесь совершенно ясно, какие именно «тетради» имеются в виду. Речь идет о дневнике Чернышевского, где была записана история его сближения с Ольгой Сократовой.

Там имеются слова, которые послужили уликой к обвинению Чернышевского в «преступных» убеждениях и замыслах. Однажды Н. Г. сказал Ольге Сократовне: «Хорошо, я не могу жениться уж по

¹Б. Б. Глинский «Ал. Ник. Пыпин». Исторический Вестник, 1905, т. I, с. 282.

²Об отношении этих замыслов к личным переживаниям Чернышевского за это время (дружба с Вас. Петр. Лободовским, нежное чувство к его жене Надежде Егоровне) см. ст. Е. Ляцкого «Юношеская любовь Н. Г. Чернышевского». Познание России, 1909, № 1.

одному тому, что я не знаю, сколько времени пробуду я на свободе. Меня каждый день могут взять. Какая будет тут моя роль? У меня ничего не найдут, но подозрения против меня будут весьма сильные. Что же я буду делать? Сначала буду молчать и молчать. Но, наконец, когда ко мне будут приставать долго, это мне надоест, и я выскажу свои мнения прямо и резко. И тогда я едва ли уже выйду из крепости. Видите, я не могу жениться»¹. Чтобы отклонить от себя прямое признание в давних противоправительственных стремлениях и настроениях, Чернышевский в прошении в Сенат выдает «Дневник» за подготовительный беллетристический материал, где не все, сказанное от первого лица, могло принадлежать автору, но являлось бы лишь словами вымышленных действующих лиц. Именно в таком смысле Чернышевский разъясняет ту сцену, которая непосредственно была привлечена к его делу. «Сцена, – пишет Чернышевский, – состоит в том, что какое-то «я» говорит девушке, что может со дня на день ждать ареста, и если его будут долго держать, то выскажет свои мнения, после чего уже не будет освобожден»². Таким образом, здесь речь идет исключительно о «Дневнике», который, как таковой, Чернышевскому нельзя было признать. В действительности беллетристических черновиков могло и не быть. Во всяком случае все эти отдаленные упоминания о беллетристических замыслах Чернышевского, очевидно, никакого отношения к роману «Что делать?» не имеют и свидетельствовать о каком-то раннем периоде работы Чернышевского над этим романом не могут.

Роман напечатан в «Современнике» №№ 3–5, 1863 г.

Казалось удивительным, как роман, полный выпадов против традиционных устоев, жизни, написанный лицом, политически явно неблагонадежным, предназначавшийся к печатанию в журнале «Современник», перед тем только что начавшем выходить после 8-ми месячной приостановки за вредное направление, – благополучно избежал задержки со стороны цензуры.

В объяснение этого было много толков. Цензор О. Ав. Пржецлавский, наблюдавший за «Современником», рассмотрев первую часть романа, находил, что «содержание его вообще не предосудительно», напротив, писал он, «уже то, что нигилизм сознает потребность очиститься от взводимой на него характеристики чистого цинизма, можно признать симптомом утешительным». Несколько далее, установив в массе читателей «отсутствие способности соображать частности», он признавал, что роман, при своих резких манере и тоне изложения, «может иметь небезвредное влияние на молодое поколение». О второй и третьей части романа он высказывается уже с резким порицанием.

¹«Дневник моих отношений с тою, которая теперь представляется моею женою». Тетрадь 2-я. Собр. сочин. Н. Г. Ч-го, т. X, ч. 2, с. 22.

²М. Лемке. Op. cit, с. 456.

«Роман», пишет он, является «апологией образа мыслей и действий той категории современного молодого поколения, которую разумеют под названием “нигилистов и материалистов”, и которые сами себя называют новыми людьми». «Роман проповедует чистый разврат, коммунизм женщин и мужчин». «Едва ли нужно прибавлять, – заключает он, – что такое извращение идеи супружества разрушает и идею семьи, основы государственности, что то и другое прямо противно коренным началам религии, нравственности и порядка, и что сочинение, проповедующее такие принципы и воззрения, в высшей степени вредно и опасно»¹.

То обстоятельство, что роман не был задержан цензурой, О. А. Пржецлавский впоследствии объяснял недоразумением; «так как они (рукописи Ч-го) цензурованы были только в политическом отношении, то Голицын, не найдя в них ничего политического, пропустил их. Цензор же, рассматривавший “Современник”, после пропуска рукописи князем, не смел уже останавливать печатания ее. Таким образом проскользнуло в русскую литературу это произведение»². Пржецлавский, рассказывая об этом деле, допустил ошибку, указав, что роман начал печататься до вступления Чернышевского в крепость. Эту ошибку Пржецлавского отметил Рейнгардт, и в своем рассказе о том же, в объяснение пропуска романа, представил свою версию, объясняя все показным и ложным либерализмом министра внутр. дел Валуева³. Очень близко к версии Пржецлавского находятся разъяснения М. Лемке. По мере поступления в комиссию «роман читал кто-нибудь из членов комиссии, не находил в нем ничего касающегося дела, и его отправляли к А. Н. Пыпину через оберполицеймейстера, каждый раз напоминая, что печатание должно происходить на общем основании, с разрешения цензуры. Цензор “Современника”, видя на рукописи печать и шнуры комиссии, проникался соответствующим трепетом и пропускал, не читая»⁴.

За отсутствием белой рукописи романа, по какой происходило его печатание и по какой он читался в комиссии и в цензуре, нет возможности вполне точно установить наличие или отсутствие вмешательства цензуры в авторский текст. Сличение печатного текста с черновой рукописью Центрархива обнаруживает различия и касающиеся почти исключительно стилистической и иногда композицион-

¹Цитируется по тексту, напечатанному в ст. В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения». Исторический Вестник, 1911, сентябрь, с. 982–983.

²Русская Старина, 1875, IX, с. 154.

³Н. В. Рейнгардт «О Н. Г. Чернышевском». Современное Слово, 1911, 19 сент., № 1331.

⁴М. Лемке. Опр. ext., с. 317.

ной обработки отдельных и довольно редких мест романа¹. Во всяком случае, если цензура делала поправки, то малосущественные².

III

Вся сумма философии романа, весь смысл его фигур обнимает некую энциклопедию общепсихологических, этических и социальных принципов, указывающих определенные правила жизни. Главное из них «рассудительность», умение разобратся в видимых противоречиях жизни и понять «разумную выгоду», т. е. то, что действительно человеку нужно и что может устроить его счастье. Всякий человек стремится к тому, что ему «выгодно», но не всякий умеет понять, в чем заключается эта подлинная выгода. Только от недостатка рассудительности человек бродит безотчетно в темноте, оболочаясь ложными представлениями и целями. Нерассудительный непросвещенный человек так и запутается в этой лжи и ошибках, рассудительный поймет и поправит. Нужно уметь подавить в себе влечения, которые шли бы в разрез с здравомыслием, клонились бы ко вреду и отодвигали бы подлинные ценности жизни. Нужно уметь своею настойчивостью завоевать счастье, нужно также уметь и отказаться от того, что в конечном счете, по справедливому разумению здравого смысла, оказывается менее выгодным или тягостным и обременительным.

Тот элемент гуманности, или как Чернышевский называет – «благородства», умения поступиться собою ради счастья другой дорогой личности, в первопринципе своей сводится к той же «рассудительности», которая сама по себе, волею непосредственной убедительно-

¹Иногда черновой текст по сравнению с печатным является более распространенным или, наоборот, сжатым, но всегда выражает ту же мысль. Иногда не совпадает последовательность в расположении событий. Больше всего это касается начального эпизода романа, выдернутого из середины. В черновой рукописи, кроме сцен на мосту и в квартире Кирсановых, этот эпизод захватывает момент получения Верой Павловной второго письма от Лопухова, откуда становится известным, что он остался жив (ср. в печ. тексте визит Рахметова к Вере Павловне с письмом Лопухова, гл. 3, XXX).

Лицо, которое явилось посредником между Верой Павловной и Лопуховым, в рукописи не Рахметов, как это в печатном тексте, а Владимир Петрович Копанцев, человек уже переживший свою молодость, но по воззрениям и всему складу «рассудительный» и «порядочный». По пути к Вере Павловне Копанцев много рассуждает о «славных людях», которые в его время были так редки, а теперь «растут как грибы», о женщинах, раньше недостойных любви (нельзя было встретить «порядочной девушки, которая бы стала быть женою порядочного человека», а теперь поднявшихся до разумного образа мыслей и пр. Именуются и иные более мелкие выпавшие места, но все они нисколько не меняют, не усиливают и не смягчают суммы идейного содержания романа.

²О том же свидетельствует и И. Борисов, состоявший тогда помощником смотрителя Алексеевского рavelина и имевший возможность читать роман в рукописи. «– Я читал его (роман) в рукописи и, – пишет он, – могу удостоверить, что цензура III отделения в очень немногом искривила его (очевидно, имеется в виду цензура следственной комиссии. – А. С.)». *И. Борисов «Алексеевский рavelин в 1862–65 гг.»*. Русская Старина, 1901, XII, с. 576.

сти благоразумного расчета, должна сделать каждого человека добрым, «порядочным», «благородным». Вся тоска, вся боль о недостатках и тяжести реальной жизни в романе сосредоточивается на указаниях на тьму, невежество, недостаток подлинного разумного знания. Вся обида за социальное неравенство, за обездоленность бедных, обострена сознанием той интеллектуальной и нравственной обездоленности, на которую возмутительно несправедливо обречены материально необеспеченные классы. Все грязное, нравственно-нечистоплотное, лживое, тупо претенциозное, грубо хищное должно исчезнуть при свете сознательности и подлинного понимания действительных разумных выгод. Тяжесть рабской зависимости, опутывающей человека во всем обиходе его быта: и в семье, и в труде, и в общественном строе – должна рассыпаться и замениться радостным свободным непринужденным общением, потому что только в свободном рассудительном самоопределении и заключается общая для всех «выгода». И родители, и дети, и муж, и жена, и соперник – все откажутся от бессмысленных взаимных претензий, потому что и для любящего и для любимого здравая рассудительность одинаково подскажет подлинную «выгоду» взаимной уступчивости, невмешательства и свободы.

Все, что вошло в обиход жизни по традиции, слепой доверчивости к установленной рутине и уже закостенело, примелькалось в механической ежедневности, все это роман призывает положить на весы рассудка, поджечь огнем здравого смысла, стряхнуть все омертвевшее и ненужное и выйти на свободную разумную дорогу к счастью. Свобода в семейных отношениях, радость труда, сила научного знания, социальное устройство на основе общего дружеского соучастия в труде и отдыхе, – одним словом, весь положительный призывный идеал романа ищет своего оправдания в покоряющей обаятельности простой непредубежденной логики мысли и «выгоды».

Роман несомненно имел учительные этические цели. Также несомненно, что его проповедь направлена к критике привычных форм жизни и замене их новыми. Роман одновременно и утопичен и реалистичен. Он дает некое «изображение» жизни. Его смысловая идейная установка направлена явно к освещению своей общественной современности. В воззвещениях должного и грядущего имеются в виду реальные практические стороны жизни, стоящие перед человеком во вседневном бытовом и социальном обиходе.

Роман построен на противопоставлении двух идеологических и в то же время бытовых категорий «старого» и «нового». Это разделение образов, картин и идей на «старые» и «новые» само по себе указывает на некоторую историческую данность, в которой происходил переломный сдвиг. Бытовая и общественная среда, и обстановка, в атмосфере которой происходит действие романа, указывают, какая именно действительность здесь имелась в виду. Жизнь старого мещанства, нравы буржуазной среды, новый тип интеллигента, только что начинавшего

появляться в учебных заведениях и ученом кругу, развитие стремлений к естественнонаучным знаниям, рост новых социальных идеалов, – все это стояло перед сознанием автора не только как удобное средство к размещению и выражению своих теоретических, психологических и социальных формул, но и как объект действительности, обязывающей автора к воспроизведению именно этих, а не иных сторон конкретной живой исторической жизни.

Старое олицетворено в фигурах Марьи Алексевны Розальской, ее мужа, Михаила Ивановича Сторешникова и его матери, Соловцова (Жана), Полозова-отца и отчасти Сержа и Жюли. Кроме того, автором, в качестве сторонника старых устоев и традиций, выдвигается в отдельных случаях, по мере надобности, особое подставное резонирующее лицо – «Проницательный читатель».

Марья Алексевна дана в романе, как родительница и воспитательница своей дочери, главной героини романа. Во всем ее поведении автором выдвигается тема грубой алчности, бесчестности и насилия. Соответственно этому развертываются все моменты ее участия в романе. Марья Алексевна имеет капиталаец, нажитый ростовщицеством и другими темными услугами. Дочь для нее имеет интерес лишь как предмет денежной выгоды. До 16 лет она на нее не обращает почти никакого внимания, при случае награждает подзатыльниками, эксплуатирует в домашних услугах и лишь для наиболее верного и легкого обеспечения в будущем дает девочке кое-какое образование (пансион, фортепьянный учитель, всегда пьяный и потому дешевый и пр.). С 16-ти лет все материнские заботы о дочери направляются к наиболее выгодной выдаче замуж, и в этом случае все поведение Марьи Алексевны рисуется, как особая стратегия хитрого и корыстного заманивания и улавливания (внимание начальника отделения, история с Сторешниковым). Марья Алексевна готова на все средства, которые помогли бы залучить для дочери богатого мужа, и если ей это не удастся, то лишь по особому характеру и своевольному упорству дочери. Побои, запугивания и всякие другие проявления «родительской власти» оказались бессильными только благодаря исключительному бесстрашию, рассудительности и решимости Веры Павловны и отчасти ее «спасителя» Лопухова.

В романе есть эпизод, где Марья Алексевна обнаруживает полное сознание предосудительности своего образа жизни. Она знает, что она «несчастливая» и «злая», но, по ее рассуждению, ей «нельзя не быть злой», к этому вынуждала ее вся обстановка жизни, общая атмосфера лжи, обмана и насилия, вынужденная необходимость прибегать к бесчестным средствам в погоне за материальным достатком. Она знает, что жизнь должна быть построена иначе, знает, какие «в книгах новые порядки расписаны», но считает, что до этих «хороших порядков» «с таким глупым народом» едва ли когда придется дожить и потому решила и за себя и за Верочку жить по старым порядкам лжи

и обмана («когда нового-то порядку нет, по старому и живи: обирай да обманывай»).

Этим эпизодом признаний и саморазъяснений Марьи Алексевны вводится в роман тема о зависимости внутреннего облика и поведения человека от условий его жизни, от влияния господствующих понятий окружающей среды и материально-бытовой обстановки. Впоследствии, в другом месте романа, автор этой теме в применении к Марье Алексевне дает собственное авторское непосредственное разъяснение (см. главу «Похвальное слово Марье Алексевне»): «Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не давала вам других средств, ваши средства принадлежат вашей обстановке, а не вашей личности, за них бесчестье не вам, – но честь вашему уму и силе вашего характера». Здесь же, в общем облике Марьи Алексевны, автор подчеркивает наличие в ней здорового ума, который позволяет ей правильно понимать свою пользу и выгоду: «Вы не хотите зла для зла в убыток себе самой. . . Из тех, кто не хорош, вы еще лучше других, именно потому, что вы не безрасудны и не тупоумны» и пр.

Другие персонажи, представители «старого», дают вариации тех же мотивов нравственной неразборчивости, невнимания к чужой индивидуальности, непонимания подлинных действительных «разумных» основ внутренней жизни, недостаточной «рассудительности» и поэтому слепой зависимости от ложных, нелепых предрассудков, привитых традицией и окружающими влияниями жизни.

В первых же главах романа представлен круг светских молодых людей: Михаил Иванович Сторешников, Серж, Жан и др. Сторешников, это – молодой хозяин дома, управляющим которого состоит отец Верочки. Его жизнь автором освещается как показатель нравственно разлагающейся праздности и совершенной «нерассудительности». В мотивах нравственной низости и умственной инертности («тупоумия») развернут эпизод его домогательств к Верочке: «Сторешников слышал и видел, что богатые молодые люди приобретают себе хорошеньких небогатых девушек в любовницы, – ну, он и добивался сделать Верочку своею любовницею: другого слова не приходило ему в голову, услышал он другое слово: “можно жениться”, – ну и стал думать на тему “жена”, как прежде думал на тему “любовница”» и пр.

Рядом со Сторешниковым, почти сливаясь с ним, поставлен образ Сержа, богатого барича, любовника француженки Жюли. Серж также сыт и обеспечен. По капризу или по душевной вялости и инерции он случайно привязался к Жюли и безвольно отдается ее капризам и прихотям. Хорошие нравственные задатки сказываются в нем как мутные и бледные позывы, но не находят себе никакого выражения в поведении.

Третий силуэт светского человека – Жан, выступающий в начале романа как ресторанный собутыльник Сержа и Сторешникова, а в конце как жених Кати Полозовой. Он представлен как уже совершенно

определившийся фат, хищник и домогатель (см. главу о Кате Полозовой: «порядочной девушке лучше умереть, чем сделаться женою такого человека» и проч.).

Объединяясь с Марьей Алексевной в мотивах невнимания к чужой личности, склонности к корыстной лжи, притворству и обману, вся эта среда богачей все же резко отграничивается от нее отсутствием тех «здоровых» элементов, на которые автор настойчиво указывает в Марье Алексевне. Выяснению различия между этими двумя категориями отживающих и мертвящих людей посвящен «Второй сон Веры Павловны», где разъясняется разница между «чистой, свежешо реальною грязью» и «грязью совершенно гнилою», «фантастическою», «не имеющей никакой реальности». Элементы, из которых состоит «реальная» грязь, «сами по себе здоровы», при некотором перемещении в расположении атомов здесь может возникнуть нечто здоровое. В то время как в гнилой грязи «элементы находятся в нездоровом состоянии», и «как бы они ни перемещались, и какие бы другие вещи, не похожие на грязь, ни выходили из этих элементов, все эти вещи будут нездоровые, дрянные». Аллегория здесь же раскрыта: Марья Алексевна, это – грязь со здоровыми элементами, она трудилась по-своему, заботилась о куске хлеба, боролась за сносные условия жизни. Благодаря этому и могла от нее и около нее взрасти хорошая дочь Вера Павловна. Гнилая грязь, это – Серж, Сторешников и тому подобное: «Заботы об излишнем, мысли о ненужном, – вот почва, на которой вы выросли; это почва фантастическая. Потому посмотрите вы на себя: вы от природы человек и не глупый, и очень хороший, быть может, не хуже и не глупее нас, а к чему же вы пригодны, на что вы полезны?» (слова Алексея Петровича Мерцалова, обращенные к Сержу).

В самом конце романа, в новых вводных действующих лицах еще раз дается такое разделение гнилого и здорового в прежнем и отживающем. Старик Полозов во многом еще живет устоями гнилых традиций (насилие над дочерью в отказе на свободный выбор мужа), но он – человек рассудительный, в острый момент способен разобрататься и понять подлинную пользу и выгоду (сердечное отношение к дочери, понимание ее интересов и новых здоровых воззрений и пр.).

В противовес старому, ложному и отживающему миру в романе поставлена молодежь в лице Лопухова, Кирсанова, Рахметова, Веры Павловны и Кати Полозовой. Главная масса тематических линий и разъяснений собрана в романе около Лопухова и Кирсанова. Оба эти лица функционально осуществляют одни и те же темы, и образы их в значительнейшей части сливаются вместе. Автор дает им почти одинаковые элементы биографии, одинаковые интересы, взгляды, способности и общий образ поведения: «Оба рано привыкли пробывать себе дорогу своей грудью, не имея никакой поддержки; да и вообще между ними было много сходства, так что, если бы их встречать только порознь, то оба они казались бы людьми одного характера».

Их ролью в романе осуществляются и иллюстрируются принципы «свободы», «трезвой рассудительности» и «разумной выгоды». Они внутренне свободны, сознательно относясь к своим потребностям и отдаваясь служению любимому делу, они свободны и свободолобивы в отношениях к другим людям. Всякая искусственность, условность, корыстная нарочитость внимания или самолюбивое пренебрежение к человеку, – все это, в противоположность традициям старых порядков, им совершенно чуждо. Их поведение, мысли и слова komponуются автором как выражение ясности, последовательности и ничем не стесненного здравого смысла.

Впервые тема о «разумной выгоде» наиболее отчетливое выражение получает в разговоре Лопухова с Верой Павловной, когда, стоя за дверью, их подслушивает Марья Алексевна. Вся ситуация этого момента автором направлена к отграничению своего понимания выгоды от примитивного и грубого сквалыжничества, которое представлено здесь же мыслями и суждениями подслушивающей Марьи Алексевны (глава «Гамлетовское испытание»). Марья Алексевна в восторге от взглядов Лопухова, утверждающего везде только «расчет выгоды». Она еще не знает того специального содержания и развития, которое придается Лопуховым понятию о выгоде и которые, по замыслу автора, в сопоставлении с воззрениями Марьи Алексевны, должно отделить его теорию расчета от рыночного понимания и дать ей более глубокий, уточненный смысл.

В дальнейшем все это разъясняется. Все «благородство» образа мыслей и поведения идеальных действующих лиц освещается автором как выражение их здоровой, непредубежденной мысли, как светлая логичность естественного стремления к «выгоде».

Любовь несовместима с какими бы то ни было притязаниями к любимой личности: такое совмещение было бы нелогичным. В оправдание и разъяснение этого развернут в романе его главный сюжетный стержень: отношения к Вере Павловне сначала Лопухова, потом Кирсанова. В картинах их сближения, расхождения и совместного счастья автором подчеркивается естественная разумность совершенной открытости, прямоты и взаимной свободной предупредительности. Внимание, бережность к взаимной свободе (взаимная эмансипация) представляется как необходимое здоровое логическое выражение требований чувства любви.

Разумной выгодой мотивируется Лопуховым его отказ от ученой карьеры и женитьба на Вере Павловне ради ее спасения из «подвала» («самому жить хочется, любить хочется, – понимаешь? – самому, для себя все делаю»), и когда Вера Павловна полюбила Кирсанова, Лопухов, не желая быть помехой их счастью и удаляясь, ни на минуту не хочет считать свой поступок подвигом самопожертвования. («Я представляюсь совершающим подвиг благородства. Но это вздор. Мне нельзя иначе поступать по здравому смыслу» и пр.). Если он некоторое время думал удержать Веру Павловну около себя,

то только потому, что для него было неясно, как ему поступить «выгоднее». «Я – очень хороший человек», – рассуждал он: «Шансы сойтись с другим человеком очень редки. . . Удовлетворенное чувство любви утратит часть своей стремительности, она увидит, что. . . ей легче, просторнее жить со мною, чем с другим, и все восстановится по-прежнему». Позднее Лопухов нашел, что оставаться с Верой Павловной ему стало уж «невыгодно»: по несходству характеров им пришлось бы, взаимно приспособляясь, насиловать себя. Жизнь оказывалась стесненной. «Хоть и приятно быть обремененным для любимого», но Лопухов «начал уже скучать, угождая Вере Павловне», и невольно стал думать, «как бы поскорее отделаться от положения, которое было скучно». Тот путь, который был избран Лопуховым для самоудаления (симуляция самоубийства), было выражением его исключительной заботы о полном спокойствии Веры Павловны и Кирсанова в их дальнейшем счастье. Но и это великодушие подводится тоже под категорию особенно утонченного «расчета»: «Тут я поступал уже под влиянием того, что могу назвать благородством, верней сказать, благородным расчетом, расчетом, в котором общий закон человеческой природы действует чисто один, не заимствуя себе подкрепления из индивидуальных особенностей». Таким же рассудительным, прямым и благородным остается Лопухов в отношении к Кате Полозовой, своей будущей жене: та же предупредительность, та же бережность к взаимной свободе и непринужденности, то же «благоразумие здравого смысла».

Кирсанов мало чем отличается от Лопухова, и сам автор подчеркивает их тождество. Кирсанов также трудом и самостоятельной энергией пробивает себе дорогу, также бескорыстно любит науку, также «рассудителен» и «благороден». Так же, как и Лопухов, он размышляет о своем поведении и также объясняет все соображениями «выгоды». «Всякий человек эгоист, я тоже; теперь спрашивается, что для меня выгоднее, удалиться или оставаться». . . «Я не должен называть своего решения ни благородным, ни даже честным, – это слишком громкие слова, я должен назвать его только расчетливым, благоразумным». Благоразумие, рассудительность, «порядочность», отсутствие предрассудков, предупредительность и внимание к интересам и желаниям любимого человека – все это обнаруживается в Кирсанове, в том же самом смысле и понимании, как и у Лопухова (см. размышления Кирсанова, его беседы с Лопуховым и Верой Павловной, а также сцены идеальной супружеской жизни с Верой Павловной).

И Вера Павловна так легко и свободно выходит на истинную дорогу к счастью прежде всего потому, что она умна и здраво умеет следовать за умными мыслями (см. ее разговоры с Лопуховым). Она прямо идет к осуществлению того, что ею понято, как должное и разумное, и не страшится нелепых условностей и предрассудков своей среды. Следуя ясным требованиям здравого смысла, она всем своим поведением оправдывает разумность тех требований, которые

провозглашались принципом женской эмансипации. Женщина должна быть свободна в семье родителей и в своем выборе мужа (см. жизнь Веры Павловны в семье и ее освобождение), женщина должна быть свободна в жизни с мужем (см. ее жизнь с Лопуховым и Кирсановым). Освобождая себя от всякой зависимости от мужчины, женщина становится равной ему во всем: и в наслаждении чувством, и в труде, и, главное, в сознании достоинства своей личности. Только при этом достигается истинное удовлетворение и радость любящих (см. стремления Веры Павловны к независимости от мужа во всем обиходе, распорядке и тоне их супружеской жизни).

Целесообразность фигуры Рахметова в романе разъясняет сам автор. Автор опасался, чтобы читатели не приняли «средних» порядочных людей за конечный предельный идеал. «Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы с толку на счет главных действующих лиц моего рассказа». Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов могли «казаться героями, лицами высшей природы, пожалуй. . . даже лицами невозможными в действительности по слишком высокому благородству». Нет, они еще не так высоки, они «обыкновенные порядочные люди нового поколения». Они «не делают подлостей, не трусят, имеют обыкновенные честные убеждения, стараются действовать по ним и только». Тут нет особенного «геройства». Они не лишены даже слабостей, они знают труд, но знают и веселье, они не притязательны во внешней обстановке своей жизни, но любят и посибартствовать, «выпить рюмку хереса», развлечься и пошутить. Рахметов «особенный человек». Ему также не чуждо стремление к полной радости всех жизненных проявлений, и ему порою «хотелось бы выпить рюмку хересу», пошутить и весело поболтать, но он слишком преисполнен «благородными стремлениями», «пламенной любовью к добру» и поэтому слишком редко забывает «свои тоскливые думы, свою жгучую скорбь». Исключительная сосредоточенность Рахметова на высших потребностях и идеалах жизни выделяет его из общего круга «средних» порядочных людей, и среди них, иногда балагуриющих и веселящихся, он всегда является «мрачным чудовищем».

В Рахметове все непомерно. Средние порядочные люди от хорошей трудовой нормальной жизни обладают хорошим здоровьем, Рахметов даже среди них – богатырь и тем значительнее заслуга его, что он это физическое богатство не от природы получил, а приобрел его сам твердостью воли своей. Средний человек прост и непритязателен в материальной обстановке своей жизни. Рахметов – аскет. Пропагандист радостного наслаждения жизнью, он себя считает не в праве наслаждаться до тех пор, пока эта идея не получила признания. Для того чтобы иметь право требовать для всех наслаждения, нужно, говорит он, и «своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не

по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности». Средние порядочные люди достаточно умно рассуждают и рассудительно трезво поступают, но и они иногда слабеют, ошибаются, даже колеблются. Рахметов никогда не отступает от своей линии жизни, у него всегда все рассудительно обдуманно и рассудительно сделано. Рахметов – предел рассудительности и прямолинейности; он никогда ничего не говорит и не делает без пользы и правды, он жесток к самому себе, потому что безгранично владеет собою и умеет подчинять свои желания и инстинкты здоровым, обдуманным намерениям. Его идеалы, вкусы и стремления те же, что у среднего «порядочного» человека, но размеры его «рассудительности» и активной настойчивости ставят его на идеальную высоту. Рахметовы, это – «цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Эпизодические лица романа в своем тематическом наполнении осуществляют те же идеологические функции, которые заложены в главных персонажах. Жюли под верхним пластом испорченности скрывает доброе сердце и глубокое страдание от сознания своего рабского положения. Этим варьируется тема о дурном разлагающем влиянии праздности и роскоши. Образ Кати Полозовой повторяет тенденции о необходимости освобождения женщины от излишней опеки: «рассчитывайте на рассудок, только давайте ему действовать свободно, он никогда не изменит в справедливом деле». Освобожденная от насилия отца (хотя и доброжелательного в отличие от сварливой матери Веры Павловны), Катя самостоятельно выходит на дорогу к счастью. Прежде подавленная, она теперь быстро освобождается от прежних ошибочных чувств (любовь к негодяю Соловцову), здраво ориентируясь в людях, останавливается в выборе на действительно достойном человеке (Бьюмонт-Лопухов), осмысливая жизнь, быстро убеждается в истинной радости свободного труда (увлечение мастерской Веры Павловны и организация собственной).

В соответствии с идеалами свободы и «разумной выгоды» построены и имеющиеся в романе картины социального порядка. Это дано в описании мастерской Веры Павловны (коллективное содружество на началах равноправия и разумной свободной выгоды для всех, товарищеское равенство всех). Конечное осуществление этих принципов равенства, братства и свободы рисуется в фантастической картине «Новой России» в четвертом сне Веры Павловны: Все зеленеет и цветет... Кругом громадные здания, в трех-четырёх верстах друг от друга... Хрустальный громадный дом... Везде довольство и счастье. Люди радостно несут приятный, разумно организованный труд, радостно наслаждаются в общей обильной роскоши и довольстве. «Они только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или и прямо во вред себе». «Нужно только быть рассудительными, уметь хорошо устроиться, узнать, как выгоднее употребить средства» («Четвертый сон Веры Павловны», гл. 10).

IV

Наставительные стремления романа находятся в связи с общими взглядами Чернышевского на смысл художественного творчества. Автор рецензии на «Поэтику» Аристотеля и «Эстетических отношений искусства к действительности», постоянный пропагандист принципа полезности, защитник прикладного практического назначения искусства, – не мог не стремиться к осуществлению тех же руководящих начал в своей художественной практике. Рационалист, апостол идеи просвещения, как перводвигателя по пути человечества к счастливой и радостной жизни, Чернышевский верил в себя, как руководителя умов, и весь смысл всей своей литературно-научной деятельности видел в провозглашении и распространении практически руководящих воззрений. Уже сидя в крепости, он задумывает обширную «энциклопедию знания и жизни», которая должна разобрать «все мысли обо всех важных вещах». Для большей популяризации такой книги он имеет в виду воспользоваться литературно-беллетристической формой, которая ради завлекательности заставила бы прочесть и усвоить эти знания даже и такого человека, которому сами по себе научные интересы были бы совершенно чужды. «Потом, – пишет он, – я ту же книгу переработаю в самом легком популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так, чтобы читали все, кто не читает ничего, кроме романов. . . » «Чепуха в голове у людей; потому они и бедны, и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить»¹.

Очевидно, частичным выполнением этого плана и явился роман «Что делать?». В заявлениях, непосредственно касающихся целей и стремлений этого романа, Чернышевский усиленно подчеркивал именно эту практическую сторону, отводя на далекое второстепенное место все те «прикрасы», которые отвлекли бы усилия автора и внимание читателя в сторону от серьезной полезности. К таким прикрасам он относит искусственную эффектность занимательности. Такие эффекты представляются ему унижительными не только для серьезного делового писателя, но и для читателя, легкомысленно отзывающегося на приманку легкой забавы. Воспользовавшись одним из таких эффектов в начале романа, автор спешит разъяснить читателю оскорбительную сторону такой уловки. «Ты не знаешь, – обращается он к публике, – что тем, как я начал повесть, я оскорбил, унизил тебя. . . Я употребил обыкновенную хитрость романистов: начал повесть эффектными сценами, вырванными из середины или конца ее, прикрыл их туманом. . . Не осуждай меня за то, – ты (публика) сама виновата; твоя просто душная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. . . » (Из предисловия к роману).

¹Письмо к жене из раavelина от 5 окт. 1862 года. Напечатано в книге *М. Лемке* «Политические процессы в России 1860-х годов». Гос. изд., 1923, с. 219–220.

Входя в оценку собственных писательских качеств, автор заранее отрицает в себе всякие претензии на художественные способности и предлагает читателю ценить его произведение лишь со стороны истинности и серьезности: «У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтешь не без пользы. Истина – хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей. ... Все достоинства повести даны ей только ее истинностью» (Там же).

Но автор вовсе не хочет отождествлять себя с толпой бездарных беллетристов, хотя бы и пользующихся успехом у публики. «Когда я говорю, что у меня нет ни тени художественного таланта, и что моя повесть очень слаба по исполнению, ты не вздумай заключить, будто я объясняю тебе, что я хуже тех повествователей, которых ты считаешь великими, а мой роман хуже их сочинений. Я говорю не то. Я говорю, что мой рассказ очень слаб по исполнению сравнительно с произведениями людей, действительно одаренных талантом;¹ с прославленными же сочинениями твоих знаменитых писателей, ты смело ставь на ряду мой рассказ по достоинству исполнения, ставь даже выше их – не ошибешься! в нем все-таки больше художественности, чем в них; можешь быть спокойна на этот счет».

В каком смысле Чернышевский ставит себя в ряду «повествователей» на особое, более высокое место, – это до некоторой степени выясняется из его признаний в письме почти этого же времени к Е. Н. Пыпиной от 4 сент. 1863 г.: «Видишь ли, мне стало казаться, что у меня есть некоторый – очень второстепенный, в роде, положим, самого мелкого романиста из собственно романистов, – беллетристический талант. Этого *мне* было уже довольно, чтобы писать вещи *хорошие*»². Продолжая считать свое беллетристическое дарование «второстепенным» и даже «самым мелким», и в то же время выделяя себя из ряда прочих мелких беллетристов, Чернышевский, очевидно, свою общую способность дать «вещь хорошую», в конце концов, определял не условиями таланта, а какими-то иными. Известно, что в теоретической эстетике он связывал «художественность» с требованием «истинности». Очевидно, и здесь, говоря о большей художественности романа, он имел в виду ту же «истинность», и преимущественно в этом отношении противопоставлял себя ничтожеству прочей толпы мелких повествователей.

Об этом же говорит и указание черновой рукописи на Помяловского и особенно Ник. Успенского, как на примеры писателей «действительно одаренных талантом». С точки зрения художественной талантливости, при взглядах Чернышевского, могли бы быть взяты и более яркие примеры. Но не иной кто, а именно они были здесь

¹В черновой рукописи здесь вставлены слова: «напр., с “Мещанским счастьем” с “Молотовым”, с маленькими рассказами Успенского».

²Подчеркнуто мною. – А. С.

поставлены в пример, очевидно, потому, что Чернышевским ценились со стороны особенной правдивости их изображений¹.

V

Последними и наиболее прочно установленными достижениями в области «нравственных наук» Чернышевский считал гедонистические воззрения Бентама и Милля. Психологическая интерпретация действующих лиц романа вся проходит соответственно этому, как тогда казалось Чернышевскому, «строго научному методу». Мысль об эгоизме, о выгоде, как всеобщем и единственном принципе всех человеческих поступков, о необходимости рассудительной расчетливости в выборе двух разных выгод и о предпочтительной выгоде добра и о вреде зла, – Чернышевским была совершенно законченно и отчетливо формулирована в статье «Антропологический принцип в философии». Здесь же, рядом с рационалистическим утилитаризмом, нашла себе выражение и мысль о зависимости нравственных качеств человека от обстоятельств и общих условий его жизни².

Другой цикл полезных знаний, который Чернышевский имел в виду преподавать в романе, это – круг его социальных воззрений. Давно уже было указано, что кооперативная мастерская Веры Павловны и тот идеальный мир общего благополучия, который приснился ей в четвертом сне, являются иллюстрациями к общим положениям социалистических систем. В учении Сен-Симона, Фурье, Роберта Оуэна и их последователей Чернышевского прежде всего покорял их пламенный

¹ О Н. Успенском см. его крит. статью. Современник, 1861, № 11. Собр. соч., VIII. с. 339–359.

² «...Человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, великим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия»... «Цель всех человеческих стремлений состоит в получении наслаждений»... «Добром называются очень прочные источники долговременных, постоянных, очень многочисленных наслаждений». «Расчетливы только добрые поступки; рассудителен только тот, кто добр и ровно настолько, насколько добр. Когда человек не добр, он просто нерасчетливый мот, тратящий тысячу рублей на покупку грошовой вещи, тратящий на получение малого наслаждения нравственные и материальные силы, которых достало бы ему на приобретение несравненно большего наслаждения» («Антропологический принцип в философии». Сочинения Н. Г. Ч-го, т. VI, с. 231–236).

«При одних обстоятельствах человек становится добр, при других зол». «Психология говорит, что самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей, что человек поступает дурно, т. е. вредит другим, почти только тогда, когда принужден лишиться их чего-нибудь, чтобы не остаться самому без вещи для него нужной» (ср. в романе образ Марьи Алексевны Розальской). Другой источник зла – праздность, отсутствие деятельности. Праздность рождает муку, «неприятность жизни». Праздный богатый светский человек «лишен дельных забот о себе и своих близких, потому занимается сплетнями и интригами, т. е. хлопочет мысленно над вздором столько же, сколько следовало бы хлопотать о дельных вещах». (Там же, с. 215–220. Ср. в романе «гнилая грязь», Сторешников, Серж и др.).

социальный энтузиазм, вера в счастье человечества и желание отдать свои силы на служение ему. В романе это выразилось в восторженном стремлении всех новых лучших людей к скорейшему устройству возможно большего счастья возможно большего количества людей¹. Практическая разработка принципа товарищеской ассоциации на примере швейной мастерской находится в ближайшем соответствии с системой Роберта Оуэна. Конечное осуществление всеобщей гармонии (4-ый сын Веры Павловны) нарисовано по типу фаланстера Фурье. Как и в журнальных статьях Чернышевского, так и в романе, в основу товарищеского союза кладется выгода, расчет, – отсюда на страницах романа особенная обстоятельность хозяйственных и денежных соображений и вычислений².

Третьей просветительной идеей, которую Чернышевский пропагандировал в романе, была идея женской эмансипации. Принципы женской эмансипации воспринималась Чернышевским вместе с сочинениями Фурье, Консидерана, а также и из романов Жорж Санд. Вопрос о женской доле Чернышевскому всегда был особенно интимно близок. Человек исключительного великодушия, всегда полный грез о радости всеобщего счастья, Чернышевский с особенной остротой воспринимал тяжесть застеночной женской замкнутости. В этом отношении в роман вложено очень много личного, автобиографического. Вместе с признанием за женщиной великих достоинств ума и сердца, Чернышевский всегда сожалел о ее несправедливой обездоленности в личных правах на самоопределение. Каждая женщина представлялась Чернышевскому прежде всего несчастной. В его глазах она была всегда или поработана или умственно темна, и то и другое в нем отзывалось обидой даже и в том случае, если сама женщина и не чувствовала своего угнетения и неразвитости. К его собственным порывам влюбленности, преклонения и обожания всегда примешивалось чувство великодушного сожаления, желания поднять, пробудить, освободить и научить. В его юношеских увлечениях всегда обнаруживается жертвенный момент.

Нежное, робкое, неоткрывшееся чувство к Н. Е. Лободовской проходит целиком в грустном сочувствии к ее беспомощному сиротливому положению. Самого Лободовского он упрекает за его беспечность и равнодушие к недостаточному развитию своей жены³. «Вы сами виноваты, что она не образована, – говорил он Лободовскому, когда

¹Ср. «Для успокоения общества необходимо наискорейшее возможное улучшение материальной и нравственной жизни многочисленнейшего и беднейшего класса. Обязанность каждого гражданина, каждого честного человека состоит в том, чтобы посвятить все силы этому делу». «Процесс Меньшимонтанского семейства». Современник, 1860, № 5. Собр. соч., т. VI, с. 127–150.

²Ср. о «выгоде», как основе социальной ассоциации в возражениях Чернышевского Сен-Симону против его принципа «любви». «Процесс Меньшимонтанского семейства». Собр. соч., т. VI, с. 137.

³Е. Ляцкий. «Юношеская любовь Чернышевского». Познание России, 1909, № 1.

тот жаловался на Н. Е., – она слишком мало образована и слишком в необразованном обществе жила»¹.

Такой же скорбной тенью проходит в его сердце загоревшееся ненадолго чувство к А. Г. Клиентовой. И здесь он тронут был главным образом ее «несчастною участью», «грустностью, томительностью ее положения» при муже – пьяном дьячке, в жизни, полной забот и лишений, в постоянной тоске по иному волшебному миру литературы, поэзии и возвышенных общественных интересов².

Трогательно его намерение «давать бесплатные уроки» Е. Н. Кобылиной, очень нравившейся ему, но не отвечавшей его требованиям внутренней развитости и, очевидно, нисколько от этого не страдавшей. Ему было жаль ее наивности, и, как казалось ему, беспомощности в выборе хорошего мужа. «Вам приходит время любить, – думал он сказать ей: – Может быть, вы в опасности выбрать недостойного. . . Выбирайте же меня, потому что я люблю вас искренно, и эта любовь во всяком случае, не будет опасна». . . «Все было обдуманно! Хорошо»³. Но девушка, очевидно, не разделявшая его чувств и опасений, уклонилась от объяснения.

В Ольге Сократовне Чернышевский видел незаурядную, исключительную женщину, в его сознании она сразу встала далеко вне ряда привычных впечатлений. Казалось бы, ее жизнерадостный нрав, совершенная непринужденность поведения, необычная свобода в распоряжении собою, нескрываемая яркость и нестеснительность в выражении своих вкусов и стремлений – не могли давать повода к подозрениям о какой-либо затаенной угнетенности. Первый восторг в Чернышевском она пробудила именно этими качествами стремительного и открытого темперамента. Но и здесь нашлись поводы к состраданию.

Стены родительского дома для Ольги Сократовны были «вольными стенами». Ей давался во всем совершенный простор, и с детских лет она привыкла чувствовать вольную атмосферу щедрой беспечности и независимой прямоты. Конечно, и около нее не было идеальной полноты веселости и счастья, нужно предполагать неминуемые уголки трений и задержек. Но относительно говоря, как свидетельствуют все биографические материалы, положение Ольги Сократовны в родительской семье по отсутствию ложных стеснений было исключительным. Но Чернышевскому достаточно было намек на возможность неприятностей, лишений и огорчений, и в его воображении уже разворачивается бездна затаенного терпения и страдания под покровом приторной бойкости и развязности. Неряшливая обстановка их дома

¹Е. Ляцкий «Любовь и запросы личного счастья у Чернышевского». Современник, 1912, № 9, с. 189.

²Там же, с. 190–191.

³Там же, с. 192–198. Слова в кавычках взяты из «Дневника» Чернышевского.

производит на Чернышевского удручающее впечатление и ему представляется невыносимым, чтобы Ольга Сократовна не замечала тяжести такой неурядицы: она должна от этого страдать. Кто-то сказал, что ее «мать не любит». – Это окончательно давит сердце Чернышевского. И именно с этого момента его чувство к ней окрашивается особенно серьезностью: «тотчас сильно развилось сочувствие к ней; весьма сильно развилось», – записывает он в дневнике.

Потом Чернышевский, должно быть, много раз старался убедить ее в том, как она несчастна и как она достойна сострадания. «Да ведь вы женитесь на мне из сострадания?» – спрашивала его однажды О. С. «Мне кажется, вы женитесь на мне из сострадания», – еще раз повторяет она, спустя много времени. И в том и в другом случае Чернышевский горячо протестует. Конечно, его чувство было сложнее одного сострадания, но, несомненно, ему «страстно хотелось, чтобы женитьба его на Ольге Сократовне непременно сопровождалась освобождением любимой девушки от семейного гнета. И потому он уверил себя и готов был уверять Ольгу Сократовну, что положение ее было так тяжело, что от него нужно было бежать, нужно было избавиться, хотя бы ценой брака с ним»¹.

Когда Чернышевский размышлял о будущей супружеской жизни, и здесь его мысли всегда окрашивались тем же жертвенным порывом. Чернышевский представлял себе возможность увлечения его жены другим человеком. Образ должного поведения в этом случае, как он рисуется в дневнике, совершенно совпадает с поведением Лопухова в романе. «Неужели вы думаете я изменю Вам?» – спросила его однажды Ольга Сократовна. «Я этого не думаю, я этого не жду, но я обдумывал и этот случай». «Что ж бы вы тогда сделали?». – Я рассказал ей Жака Жорж Занда. «Что ж бы вы тогда застрелились?» – «Не думаю», и я сказал, что постараюсь достать ей Жорж Занда (она не читала его, или во всяком случае не помнит его идей)². «А если в ее жизни явится серьезная страсть? – размышляет он в другом месте дневника, – т. е. я буду покинут ею, но я буду рад за нее, если предмет этой страсти будет человек достойный. Это будет скорбью, но не оскорблением. А какую радость даст мне ее возвращение! Потому, что она увидит, что как бы ни любил ее другой, но что никто не будет любить ее так, как я»³.

Даже в мелочах обиходного распорядка совместной жизни роман повторяет мысли и поведение самого Чернышевского: «Она третьего дня сказала: у нас будут отдельные половины и вы ко мне не должны являться без позволения – это я и сам хотел бы так устроить, может быть думаю об этом серьезнее, чем она; она понимает, вероятно,

¹Е. Ляцкий «Любовь и запросы личного счастья у Чернышевского». Современник, 1913, № 1, с. 207.

²«Дневник моих отношений с тою, которая представляется моею женою». Собр. соч., т. X, ч. 2, с. 78.

³Там же, с. 64.

только то, что не хочет, чтобы я надоедал ей, а я понимаю под этим то, что и вообще всякий муж должен быть чрезвычайно деликатен в своих супружеских отношениях к жене». . .¹ «Каково будет мое отношение к ней в социальном смысле? Я желал бы, чтобы мы, наконец, начали говорить друг другу “ты”; особенно, чтобы она говорила мне “ты” – сам я лучше хотел бы говорить – Вы. Звать ее буду я всегда полным именем, всегда буду звать ее Ольга Сократовна. – Она может быть захочет звать меня полуименем – но едва ли. И вероятно, если будет, скоро оставит. Одним словом наши отношения будут иметь по внешности самый официальный и холодный характер; под этою внешностью будет с моей стороны самая полная, самая глубокая нежность»². По-видимому, так было и в действительности, по крайней мере в первое время после женитьбы. После свадьбы, когда Чернышевские ехали в столицу, никто из пассажиров «не хотел верить, чтобы они были *молодые*: они говорили друг другу Вы. Николай Гаврилович был необыкновенно вежлив к Ольге Сократовне и ухаживал за ней, как за малым ребенком»³.

VI

В некоторых персонажах романа биографы Чернышевского указывают отражение реальных прототипов. Так, полагают, что в Лопухове и Кирсанове Чернышевским были выведены доктор П. И. Боков и проф. И. М. Сеченов. П. И. Бокова сближают с Лопуховым «ранний труд, боготня по урокам, настойчивая воля». И тот и другой «незурядные медики». Лопухов, сын рязанского мещанина, П. И. Боков родился в крестьянской семье в Скопинском уезде, Рязанской губернии. В романе Лопухов обучает брата Веры Павловны, а потом, спасая ее из семейного гнета, женится на ней. П. И. Боков был учителем М. А. Обручевой и ради ее освобождения из под родительской опеки вступил с ней в фиктивный брак. В романе Вера Павловна, после некоторого времени совместной жизни с Лопуховым, полюбила его друга Кирсанова, также и М. А. Обручева, после четырехлетней жизни ее с П. И. Боковым, полюбила И. М. Сеченова. В романе Кирсанов уже имел кафедру в медицинской академии, Сеченов делал тогда первые шаги своей замечательной ученой карьеры.

Эта версия о соотношении романа с семейной Боковско-Сеченовской историей изложена в заметке А. Измайлова⁴. В воспоминаниях

¹«Дневник моих отношений с тою, которая представляется моею женою». Собр. соч., т. X, ч. 2, с. 82. Ср. роман, жизнь Веры Павловны и Лопухова.

²Там же, с. 83. Ср. то же в романе.

³А. А. Лебедев «Николай Гаврилович Чернышевский». Русская Старина, 1912, № 4, с. 301. (Запись Духовникова со слов Ольги Сократовны.)

⁴А. Измайлов «Петр Иванович Боков». Утро России, 1914, 7 и 8 марта.

Ольги Сократовны, записанных Ф. В. Духовниковым, имеется ее рассказ о петербургской жизни Чернышевских, и соотношение Лопухова с Боковым здесь подтверждается, но прототипом Кирсанова здесь указан уже какой-то «офицер»¹. И. М. Сеченов, по окончании инженерного училища, правда, был офицером-сапером, но тогда Сеченов был в Киеве, а Чернышевские еще не были женаты и с Сеченовым не могли быть знакомы. В Петербурге Сеченов появился, когда им уже был окончен Московский университет (1850–1856), пройдена продолжительная школа за границей (1856–1860) и начата профессорская деятельность в медицинской академии (с осени 1860 г.). К этому времени всякие отношения к военному миру давно уже им были забыты².

Во всяком случае тогда он не мог быть «офицером», если О. С. не приняла его за такового по военной форме, которую он, должно быть, носил по службе в военно-медицинской академии. Только при этом допущении свидетельство Измайлова (Кирсанов – Сеченов) и свидетельство О. С. (Кирсанов – «офицер») окажутся тождественными. – Но остается еще вопрос о времени, когда происходил этот двойной роман (Обручева – Боков, Обручева – Сеченов). По свидетельству Мих. Ник. Чернышевского, П. И. Боков с 1858 г. был домашним врачом Чернышевских. Он женился на М. А. Обручевой в 1861 г. (об этом свидетельствует письмо О. С. к Н. Г. от 29 авг. 1861 г.). Развелись они, по словам Мих. Ник. Чернышевского, в 70-х гг., когда М. А. Обручева вышла за Ив. Мих. Сеченова (ср. у Измайлова: «после четырехлетней жизни с П. И. Боковым»).

Ясно, что, если и мог Чернышевский что-либо почерпнуть из этой истории для романа, то лишь один момент «спасания из-под родительской опеки» в женитьбе П. И. Бокова на М. А. Обручевой. Но и это предположение по скудости имеющихся данных остается темным и неопределенным.

В Рахметове, полагают, был выведен некий помещик Бахметев. Здесь тоже мало определенности. Фамилия Бахметева, как прототипа Рахметова, упоминается несколько раз в письмах Е. Н. Пыпиной. В письме 16 марта 1863 г. Евг. Ник., сообщая родным о получении от Н. Г. продолжения романа, замечает: «там между прочим выведен Бахметев – помните?» – Еще раз она называет его в письме 23 апр. 1863 г.: «С большим интересом прочтете вы роман Николи. Рахметов, это – Бахметев Пав. Алекс., помните вы его? Здесь, впрочем,

¹Ольга Сократовна говорила Духовникову: «Турчанинов, Боков, один офицер и я послужили Николаю Гавриловичу материалом для изображения лиц в романе. «Черты моего характера рассеяны на нескольких действующих лицах «Что делать?» Верочка – я, Лопухов взят с Бокова, офицер – с Кирсанова» (т. е. должно быть наоборот. – А. Л.), *А. Лебедев* «Н. Г. Чернышевский». Русская Старина, 1912, № 4, с. 303.

²«Автобиографические записки *И. М. Сеченова*». М., 1907. В этой книге Сеченов нигде не обмолвился о своем знакомстве с Чернышевскими. О женитьбе имеется лишь одно косвенное упоминание: «С ним (с Влад. Ковалевским) я познакомился... когда моя будущая жена – мой неизменный друг до смерти – и я стали заниматься переводами, что началось с 1863 года», с. 132.

мы об этом не говорим. Ник. Гавр. знал о нем много такого, чего мы и не подозревали». Ек. Н. Пыпина вспоминает, что Бахметев был помещиком Саратовской губернии и славился своими странностями. «Оригинальная особа: богатый человек и вдруг аскет» – все на него удивлялись. О Бахметеве Екатерина Николаевна слышала от Ивана Николаевича Виноградова, который «знал весь мир саратовский», и от многих друзей. Бахметев путешествовал по Волге, по разным городам и распространял идеи, схожие с рахметовскими¹.

Н. А. Огарева-Тучкова рассказывает о некоем Бахметеве, посетившем в Лондоне Герцена и настойчиво вручившем в его распоряжение на издание «Колокола» двадцать тысяч рублей. У Чернышевского Рахметов является к немецкому философу и предлагает деньги на издание его сочинений. На этом основании этого Бахметева сближали с Рахметовым. Безграничная беззаветность в самоотдании на дело общественного служения, конечно, их объединяет. Но в рассказе Н. А. Огаревой-Тучковой Бахметев рисуется в совершенной противоположности Рахметову: «Некрасивый, робкий, молчаливый, он казался жалким, одиноким, заброшенным», «говорил резко и в то же время сквозь слезы, как ребенок»².

В результате этих отдаленных и во многом неясных сопоставлений остается несомненным лишь самое общее заключение: некоторые конкретные контуры «нового человека» давались Чернышевскому самой жизнью; он уже имел возможность непосредственно наблюдать отдельные черты того героя, который впоследствии на долгие годы служил идеалом для молодых поколений.

Несколько больше ясности имеется в отношении образа Веры Павловны. Как на ее прототип указывают на жену Чернышевского Ольгу Сократовну. Что образ Ольги Сократовны в какой-то степени веял над романом, об этом говорит уже авторское посвящение: «Посвящается моему другу О. С. Ч.» На себя, как на прототип Веры Павловны, указывала и сама Ольга Сократовна³.

Внешние сопоставления Ольги Сократовны с Верой Павловной Лопуховой открывают совпадения лишь со стороны живости их нрава и в некоторых деталях общих житейских вкусов (шутки, пикники,

¹Этими сведениями мы обязаны Н. М. Чернышевской-Быстровой.

²Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминания, 1848–1870. М., 1903, с. 127–130. Без всякого схождения с Рахметовым изображен Бахметев и самим Герценом («Общий фонд». Сборник посмертных статей. Женева, 1874, с. 181 и сл.). По этому поводу Ю. М. Стеклов предполагает: «или Герцен не способен был понять русских революционеров того времени и потому вместо грозной суровой фигуры Рахметова у него Бахметев вышел развинченным, полоумным чудачком, или Бахметев вовсе не послужил прототипом для Рахметова, или же Чернышевский сильно его идеализировал, составил образ, ничего общего не имеющий с оригиналом, или сочетавши в нем черты из характера Добролюбова (суровое чувство гражданского долга), Бакунина (объезд славянских земель, ср. также Кельсиева), Сераковского (сближение со всеми классами)». Ю. М. Стеклов. «Чернышевский, его жизнь и деятельность». СПб., 1909, с. 365–366.

³См. ее слова, стр. 115, примеч. 2.

сибаритские наклонности, сливки, ботинки и пр.)¹. Другая сторона облика Веры Павловны Лопуховой: серьезность и возвышенность общественных стремлений, желание осмыслить свою жизнь непосредственным участием в строительстве нового общественного уклада и пр. – не находит себе соответствия. Швейных мастерских О. С. не открывала, самообразованием и медициной не занималась, да и вообще мало задавалась вопросами, лежащими за пределами бытового обихода. Ученые разговоры О. С. всегда были тяжелы. Она их не дослушивала, да и вообще мало соприкасалась с общественными и научными интересами мужа².

Тем не менее мы не имеем оснований думать, чтобы сам Чернышевский не усматривал в ней этой «идеальной» стороны. Первое время общения с О. С. Чернышевский поражался ее умом, быстротой понимания его мыслей, меткостью ее замечаний. «Перед нею я чувствую себя почти так же, как в старые годы чувствовал себя перед Вас. Петр., в иные разы при разговорах по политике. Нужно только будет развить этот ум, этот такт, серьезными учеными беседами и тогда посмотреть, не должен ли я буду сказать, что у меня жена M-me de Staël!»³ Можно было бы отнести эти слова на долю слепоты горячего увлечения влюбленного юноши, но позднейшие письма Чернышевского убеждают, что такое отношение к ней, и именно к ее уму и общей духовной силе и обаянию, Чернышевский сохранил до конца жизни. В письме из Виллюйска от 10 марта 1883 г. Чернышевский, утешая Ольгу Сократовну в ее мрачных мыслях о себе самой, указывал на большую привлекательность ее бесед для таких ученых, как Пекарский, Срезневский, Котляревский. «Пекарский прямо сознавался, – пишет он, – что развитием своих понятий много обязан разговорам с тобой. Котляревский, по его словам, просиживал с О. С. вечера, потому что разговоры с нею были полезны развитию его понятий». «Думаю написать когда-нибудь ученую сказочку, в которой главным говорящим лицом будешь ты, в виде тридцатисемилетней девушки и главным действующим лицом тоже ты, в виде двадцатилетней девушки, любимицы той другой старшей. Где младшая, там шум и веселье. Где старшая, там тишина и серьезный пафос»⁴. В письме от 7 июля 1889 г. Чернышевский пишет уже прямо о том значении, какое имела О. С. в его собственной жизни: «Если бы я не встретился с тобою, мой милый друг... моя жизнь была бы тусклой и бездейственной, какой была до встречи с тобою. Если я делал что-нибудь полезное, то всюю пользою, какую русское общество получило от моей деятельности, оно обязано Тебе. Без Твоей дружбы я не напечатал бы ни одной строки, только лежал бы и

¹В. А. Пыпин «Любовь в жизни Чернышевского». П., 1923, с. 32, 33, 35, 36 и др.

²Там же.

³«Дневник», с. 31. «Вас. Петр.» – В. П. Лободовский, одно время для Ч-го имевший огромный авторитет.

⁴«Чернышевский в Сибири. Переписка с родными». Вып. III. СПб., 1913, с. 211–213.

читал бы, не излагая на бумаге того, что считал честным и полезным. Твои качества поддерживали веру в разумность и благородство людей, не поддерживаемый Твоею личною разумностью и честностью, я не считал бы людей способными держать себя, как велит разум и честность». . . Чернышевский далее вспоминает о том обаянии, какое она имела для Некрасова, Добролюбова. Некрасов ею вдохновлен был, создавая жизнь Саши («Саша») и Катерины (в «Коробейниках»). «Без знакомства с Тобою, он не написал бы ни этих дивных поэм ни много другого наилучшего в его произведениях. Я это знаю от него самого»¹.

Ольгу Сократовну Чернышевский называл «самородком». В ней он видел естественное выражение природного ума и того духа самостоятельности, независимости и внутренней свободы, какого желал бы и всякой другой женщине. Ее веселость и жизнерадостная общительность ни в какой степени не противоречили его идеалам «рассудительности» и «порядочности» нравственных возрений и «дельной серьезности» жизненных задач. Минуты веселья, жажда удовольствий в его сознании были так же законны, как и заботы и труд: тот, кто знает часы разумного и честного труда, имеет право быть веселым. Вся идеальная сторона образа Веры Павловны, являясь воплощением мечты Чернышевского, очевидно, все же связывалась с живыми порывами и стремлениями Ольги Сократовны, какие он в ней предполагал, а может быть, интимно видел.

VII

Как уже замечено было выше, Чернышевский предвидел художественную слабость в «выполнении» его творческого замысла. «У меня нет ни тени художественного таланта», – заявлял он в предисловии, – «все достоинства повести даны ей только ее истинностью».

В черновой рукописи эта мысль была высказана еще более резко: «У меня нет беллетристического таланта. Я даже и языком-то владею плохо: я краснею, когда перечитываю то, что написал, – чуть не на каждой строке, неловкие обороты, излишек повторов, нет метких слов, нет ярких красок. Куда же тут претендовать на художественное дарование, – во мне нет ни следа его. Лица, мною выводимые, даже мне самому представляются лишь в неопределенных бледных очерках. Действие растянута, части его склеены плохо, белые нитки швов так и торчат повсюду. В целом все выходит не складно, вяло. Но – но все-таки ничего: читайте, прочтете, не без пользы. Истина – хорошая вещь. Она вознаграждает недостаток писателя, который следует ей»².

Если такое отрицание всяких художественных достоинств романа и является преувеличением, то все же в значительной части признания

¹М. Н. Чернышевский «Жена Н. Г. Чернышевского». Современник, 1925, № 1, январь, с. 125.

²Рукопись Ленингр. Отд. Центрархива, лист 2, с. 1.

автора совершенно справедливы. Роман имеет мало движения. Слабо выражен даже тот внутренний драматизм, который должен был бы неминуемо создаваться в конфликтных положениях отдельных персонажей. Фигуры романа лишены живой яркости, они схематичны и откровенно условны. Лучшей частью романа является его начало – жизнь Веры Павловны в семье и история ее сближения с Лопуховым. Здесь Чернышевский обнаружил дар живой наблюдательности и непринужденной меткости рисунка. В дальнейшем роман всецело погружается в неприкрытую публицистику и отвлеченность.

Драматический элемент романа в первой его части создается борьбой за освобождение Веры Павловны от тяжелой обстановки ее родительского дома (гл. I «Жизнь Веры Павловны в родительском семействе» и гл. II «Первая любовь и законный брак»). После некоторых комментирующих отступлений, о которых речь будет ниже, вновь на некоторое время создается напряжение переходом Веры Павловны к новому замужеству. (Гл. III. «Замужество и вторая любовь»). Но эта часть романа загромождена множеством отступлений и рассуждений. Сюда входят два сна Веры Павловны (второй и третий), сюда же относится «рассказ Крюковой». Здесь же помещено множество теоретических рассуждений на темы о «разумной выгоде», в том числе отдельная глава «Теоретический разговор». Здесь же дана описательная характеристика Рахметова (гл. «Особенный человек»), наконец, сюда же относится наибольшее количество полемических бесед с «Проницательным читателем», в том числе особая большая глава «Беседы с проницательным читателем и изгнание его». После описания установившейся новой семейной идиллии в совместной жизни Веры Павловны и Кирсанова, прежняя сюжетная магистраль, связанная раньше с Верой Павловной, на время заслоняется продолжительной характеристикой семьи Полозовых и историей второй женитьбы Лопухова (Бьюмонта). Уже без всякого дальнейшего движения фигур, конец романа синтезирует его тематическое единство сценами счастья и довольства новых и грядущих поколений (сюда входит «4-ый сон Веры Павловны»).

Как объясняет и сам автор, концепция романа создавалась не в интересах целостности и замкнутости интриги и внешнего действия, а по побуждениям внутренней тематической ясности: «Я не из тех художников, у которых в каждом слове скрывается какая-нибудь пружина, я пересказываю то, что думали и делали люди, и только; если какой-нибудь поступок, разговор, монолог в мыслях нужен для характеристики лица или положения, я рассказывал его, хотя бы он и не отозвался никакими последствиями в дальнейшем ходе романа» (с. 126 изд. 1905 г.). Поэтому, при общем тематическом единстве, роман не во всех эпизодах спаян единством действия и интриги. По надобностям характеристики действующих лиц, или ради новых тематических разъяснений и усложнений, автор сбивается на периферию и вводит, в качестве иллюстрационных картин, эпизоды и главы,

ничем не связанные с главным стержнем интригующего и развивающегося главного события. Таковы главы о мастерской Веры Павловны, история Кирсанова с Крюковой, характеристика Рахметова, характеристика семьи Полозовых и эпизод излечения Кати Полозовой. Наконец, особенное загромождение развитие интриги получает вставленными четырьмя снами Веры Павловны, аллегорически поясняющими идеологический смысл лиц и событий. К этому прибавляются еще обширные авторские вторжения, или в виде обращений к читателю, или в виде непосредственных дидактических рассуждений на темы романа. Все это обременяет движение рассказа и делает его тяжелым и вялым.

Правда, автор применяет некоторые приемы, имеющие очевидное назначение оживить и завлечь внимание читателя. В этих целях, по примеру французских романов, переставляются моменты событий с тем, чтобы в начале сообщить эпизоду загадочность и только потом разъяснить его загадочную сторону рассказом о предшествующих обстоятельствах.

Открывая роман эпизодом симуляции самоубийства Лопухова и дав сцену горя и слез Веры Павловны и Кирсанова, автор обрывает этот выхваченный из середины романа момент и начинает историю с самого начала. Автор сейчас же собственным обращением к читателю обнажает искусственность такого приема, иронизирует по поводу этой «обыкновенной хитрости романистов» и обещает продолжать рассказ уже «без всяких уловок». Однако подобная «уловка» применяется и далее. Так, сцена ухода Веры Павловны с Лопуховым остается на некоторое время загадочной, потому что дается ранее рассказа о их венчании (в поденных заметках Веры Павловны после вторника сразу дается пятница, опущена среда, когда происходило венчание, о чем рассказывается уже ниже, через несколько страниц, с. 129–133). Столь же загадочно обставлена сцена посещения Веры Павловны Рахметовым. Источник осведомленности Рахметова о том, что действительно произошло с Лопуховым, становится известным только потом, когда уже он достаточно «удивил» и Веру Павловну и читателя (с. 284–301). В подобной же недоговоренности и таинственности представлено письмо к Вере Павловне от загадочного приятеля Лопухова, который оказывается потом самим Лопуховым. Письмо К. В. Полозовой к Вере Павловне тоже находит себе объяснение только через тридцать страниц ниже. Долго личность Лопухова под именем Бьюмонта только подозревается по намекам и лишь потом это становится открытым. – Однако, эта «уловка», по особым качествам конструкции романа, о которых речь будет ниже, мало оживляет рассказ.

В романе почти нет непосредственной художественной действительности. Внутреннее существо каждого персонажа, например, обнаруживается не там, где читатель созерцает их самих, а лишь в тех мертвых комментариях, которыми обильно снабжается каждая внешняя фактическая схема происшедшего. Правда, все, что полагается в белле-

тристике, здесь соблюдено. Персонаж имеет наружность, действует, говорит и о нем говорят, иногда имеет рельеф и свет от облика других персонажей. Но все это бестрепетно, схематично и внешне, без живого слияния внутреннего существа с внешним выражением.

Вещное, внешне зримое, у Чернышевского не дает путей к внутреннему миру его лиц. Его портреты лишены индивидуальной значимости. Там, где Чернышевский описывает наружность персонажа, он имеет в виду одну телесность. Лишь потому, что в его идеал нового человека входило требование физической крепости и благообразия, он награждает лучших людей несокрушимой физической силой и красотой. Но и это дается сухо, к простому сведению, без внутренней обвешности, без заражения, без всякого обаяния прелести сильного и красивого человека.

И Лопухов и Кирсанов, оба «крепкие», «высокого роста», «стройные», у обоих «правильные красивые черты лица», один «более смуглый» и «выше ростом», другой – «шире костью». «Одни находили, что красивее тот, другие – этот». За этими общими чертами: «высокий», «сильный», «красивый», «стройный», «правильные черты лица» и пр., – узнаются лишь общие авторские представления о красоте мужчины, которые теоретически отвечали его идеалам жизненности, здоровья и благообразия. Довольствуясь общей схемой, автор совершенно безучастен к оттенкам. «Одни находили, что красивее тот, другие этот», – и в самом деле, не все ли равно, если дело идет только о таком общем представлении.

Некоторое внимание автор уделяет наружности Веры Павловны. Здесь опять те же общие эпитеты: «высокая, стройная», «довольно смуглая», «кавказский тип», «глаза хорошие, даже очень хорошие», «очень красивое лицо», «здоровье хорошее», «румянец здоровый», «грудь широкая»...

Имяются и еще немногие упоминания о наружности других действующих лиц: Розальский – «плотный, видный мужчина», Розальская – «худощавая, крепкая, высокого роста дама», хозяйка квартиры Розальских – «дама видная», Сережников – «видный красивый офицер». В других случаях нет и таких упоминаний. Очевидно, для Чернышевского портрет был лишь условностью принятой беллетристической формы, одною из «прикрас», по существу ненужною и в большинстве случаев лишенною всякого смысла.

Конечно, внешний портрет вовсе не обязателен в литературном рисунке персонажа, бывает он бессодержателен и у крупных писателей; портрет – лишь частность, деталь, ее отсутствие или бездейственность может быть возмещена выпуклостью иных линий. Но роман Чернышевского такую схематичностью характерен всюду, в каждом этапе его рисунка и рассказа.

На протяжении романа действующие лица переживают ряд разнообразных эмоций: сияющий восторг любви, ужас отчаяния, муки

сомнения и надежды, трепет счастья, укоры смущенного сердца и радость удовлетворенности, печаль об утрате и счастье новых встреч. Но читатель обо всем этом узнает лишь из авторских сухих ремарок или из бескровных самотолкований персонажа.

В качестве выражения отдельных переживаний, в романе иногда указывается то или иное движение или изменение в лице и жестах, очевидно, по представлениям автора, характерных для данных психических состояний. Но и здесь нет индивидуальной динамики привычек тела, жеста, живой игры физиономии.

Вера Павловна получила письмо от Лопухова о его самоубийстве. Читает. По лицу ее «пробежало недоумение», потом она «бледнеет, глаза ее долго и неподвижно смотрят на немногие строки», «тускнеют», и, наконец, из ослабевших рук письмо падает, она «закрывает лицо» и «рыдает», потом «замолкает» и «сидит неподвижно, как в летаргии». То же происходит с Кирсановым: «и он побледнел и у него задрожали руки, и он долго смотрел на письмо». Почти то же повторяется с Верой Павловной перед признанием мужу (Лопухову) в любви к Кирсанову. На этот раз ее состояние, конечно, иное, но краски обнаружения взволнованности те же: то же онемение рук, то же побледнение и пр.: «шитье опустилось из опустившихся рук», «Вера Павловна немного побледнела, вспыхнула, побледнела больше, огонь коснулся ее запыхавших щек, – миг и они побелели, как снег, она с блуждающими глазами уже бежала в комнату мужа». Оцепенением отмечено волнение Кирсанова в момент радостного прихода к нему Веры Павловны: «Кирсанов пошатнулся, да, он пошатнулся, он схватился за ручку двери; но она уже побежала к нему» и пр. Столь же однообразно повторяется указание на произвольность движений. После получения письма от Лопухова (о самоубийстве) Кирсанов «сел за стол, взял опять перо. А перо без его ведома писало среди какой-то статьи: перенесет ли? – ужасно – счастье погибло». . . То же повторяется с Лопуховым после получения письма Веры Павловны с признанием в любви к Кирсанову. «С четверть часа, а может быть, и побольше Лопухов стоял перед столом, рассматривая там внизу, ручку кресла» (с. 259). То же происходит с Кирсановым, когда Вера Павловна ушла, простившись с ним навсегда: «Он долго не мог отыскать свою шляпу; хоть раз пять брал ее в руки, но не видел, что берет ее» (с. 9).

В изменении лица изредка отмечается лишь нечто самое общее, эмоционально типичное и неопределенное: побледнение, краска, однажды замечено движение бровей (у Жюли в задумчивости «брови сходились и расходились»).

Два раза видим выразительную позу: «Михаил Иванович лежал на диване и не без некоторого довольства покручивал усы» (49). Поза Жюли в разговоре с Михаилом Ивановичем: «Как величественно сидит она, как строго смотрит!» (36). Единственный раз меняется поза среди беседы двух лиц: «Лопухов пододвинул к одному креслу другое,

чтобы положить на него ноги» и пр. (249). Особенно часто упоминаются рукопожатия и всегда с подчеркнутым смыслом: «Он (Лопухов) пожал руку (Вере Павловне), да так спокойно и серьезно, как будто он ее подруга или она его товарищ» (68). Еще: Вера Павловна грустит, Лопухов ее утешает: «Дай руку, пожми мою, видишь, как хорошо жмешь» (254). Много раз упоминаются объятия, поцелуи, ласки («обнимала мужа крепко, крепко и твердила: «я хочу любить тебя...», он гладил ее волосы, целовал ее голову, пожимал руку») (254). «Как она его обнимает.., с какими слезами целует...»(262). После разговора Кати Полозовой с Бьюмонтом (Лопуховым) «началась обыкновенная сцена, какой следует быть между женихом и невестою, с объятиями» (439).

Это почти *все*, что иногда так или иначе позволяет видеть душевные состояния героев в их внешнем конкретном раскрытии.

Бледность эмоциональной конкретности, общность выражений, уклончивость автора от обозначения оттенка обнаруживаются и на построении сцен и диалогов. За исключением немногих мест эмоция оказывается лишь названной, она не конкретизована и остается в сознании читателя лишь как представление. Это, конечно, позволяет судить и узнавать, где действующие лица печалятся, страдают, радуются, но лишь в самом общем умопостигаемом смысле. Психология лица не находит себе ясного обнаружения в самом построении событий. Внутреннее существо персонажей остается вне захвата непосредственной сцены и получает всегда дополнительное, стороннее обсуждение и раскрытие. Авторская психологическая теория живет вне анекдота, который ей служит.

Отсюда эти непрерывные разъясняющие самопризнания действующих лиц. Они говорят о себе и в беседах между собою, и в размышлениях, и в письмах, пространно теоретизируют на темы происшедших эпизодов, подводят себя под схематические категории, которые, кстати сказать, всегда совпадают со схемами автора, помещенными здесь же, рядом. Автор не надеется на выразительность и понятность своих картин и всюду назойливо вывешивает обильные этикетки.

Сны Веры Павловны, это не то, что сны действующих лиц у Достоевского или Толстого, где самим сцеплением прихотливых подсознательных ассоциаций раскрывается сумма каких-то несознанных, таящихся томлений. У Чернышевского сон только аллегория, прямая, голая, нисколько не скрывающая в себе рассудительного автора.

Первый сон подтверждает читателю, что жизнь в семье для Верочки была подобна пребыванию в сыром, темном и гнилом подвале, в жалкой парализации жизненных сил, а ее выход замуж за Лопухова это – освобождение из подвала и выход на свободу на широкий простор. – Для разъяснения смысла образа Марьи Алексевны служит второй сон Верочки (грязь здоровая и грязь гнилая, см. выше). – Вера Павловна после нескольких счастливых лет жизни с Лопуховым полюбила Кирсанова. Почему это произошло, что переживала Вера Павлов-

на, что ее не удовлетворяло в Лопухове и что призывало к Кирсанову? – Казалось бы, это должно обнаружиться в переживаниях самой Веры Павловны. Но автор предпочитает предупредить читателя третьим сном Веры Павловны, где «гостья» предсказывает и разъясняет закономерность ее чувств. Читатель узнает от «гостьи», что Лопухов «человек благородный», а «благородством внушается уважение, доверие, готовность действовать за одно, дружба, избавитель награждается признательностью, преданностью, но есть другая потребность, потребность тихой долгой ласки, потребность сладко дремать в нежном чувстве». . . Без раскрытия живых состояний и переживаний самой Веры Павловны, конечно, это воспринимается только рассудком, теоретически, без участия внутреннего эмоционального понимания. – Когда все линии событий замкнулись, автор дает четвертый, последний сон Веры Павловны, развертывая здесь картину будущего торжества тех принципов, на которых строилось наполнение и весь ход романа, и таким образом еще раз разъясняет его окончательный смысл.

Уже эти четыре сна экспликативно обнимают весь состав романа. Но, помимо их, автор часто среди рассказа прерывает повествование и сам уже от себя, непосредственно преподает уроки непонятливому читателю. Гл. 2, I, читаем отступление по поводу встречи Веры Павловны с Лопуховым: «Известно, как в прежнее время оканчивались подобные положения. . . Теперь чаще и чаще стали другие случаи. . . Все будут порядочные люди. Тогда будет хорошо». . . Гл. 2, V, по поводу разговора между Верой Павловной и Лопуховым о независимости женщины: ««Как это странно» – думает Верочка. . . «Нет, Верочка, это не странно», – обращается к ней автор. Теперь эти мысли видны уже ясно в жизни» и пр. Гл. 2, IX, после рассказа о разговоре Веры Павловны и Лопухова о выгоде, как о единственном побуждении человеческого поведения, и об удовольствии Марьи Алексевны, подслушавшей этот разговор: «Я понимаю, как сильно компрометируется Лопухов сочувствием Марьи Алексевны. . .» Далее пространно объясняется, в чем разница их «выгод». Гл. 2, X: Кирсанов не спросил Лопухова, красива ли та девушка, за которую он хлопочет. . . Автор объясняет: «Им. . . обоим думалось, что когда дело идет об избавлении человека от дурного положения, то нимало не относится к делу, красиво ли лицо у этого человека». Далее беседа с «проницательным читателем» о том, сколь «странны» такие люди, как Лопухов и Кирсанов. Гл. 2, XXIV, «Похвальное слово Марье Алексевне»: ее ум, рассудительность и пр. Ср. второй сон Веры Павловны: грязь здоровая и пр. Гл. 3, VIII, по поводу новых людей, таких, как Лопухов и Кирсанов: «Недавно зародился у нас этот тип. . . Будет время когда “люди все будут этого типа”» и пр. Гл. 3, XVI: О супружеской идиллии – «Чистейший вздор, что идиллия недоступна» и пр. Гл. 3, XXI: Лопухов думает, «отчего Кирсанов удалился» и, конечно, догадывается. Автор подчеркивает: «Человека честного и развитого, опытного в жизни, и в особенности умеющего пользоваться теориею, которой держался Лопухов, нельзя

обмануть никакими выдумками и хитростями» и пр. Гл. 3, XXII, после разговора Лопухова с Кирсановым о чувстве к Вере Павловне – новое повторение теории выгоды. Гл. 3, XXX, после описания Рахметова: «Да, особенный человек был этот господин... А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди» и пр. Гл. 3, XXXI «Беседа с проницательным читателем». Зачем выведен Рахметов? Рахметов «подлинный герой» и пр. Гл. 4, XIII, «Отступление о синих чулках» (по поводу изучения Верой Павловной латинского языка): «Кто с дельною целью занимается каким-нибудь делом, какое бы ни было это дело, и в каком бы платье ни ходил этот человек, в мужском или в женском, этот человек просто человек, занимающийся своим делом, и больше ничего» и пр.

Эти авторские вставки помещены в особые абзацы, в начале или в конце глав, но кроме них есть еще множество замечаний, вкрапленных в самую ткань рассказа. Вот сцена между Верочкой и Сторешниковым: «– Мне жаль вас, – сказала Верочка: – я вижу искренность вашей любви» – далее здесь же, среди слов Верочки, поставлены скобки и в них авторские слова: «Верочка, это еще вовсе не любовь, это смесь разной гадости с разной дрянью, – любовь не то; не всякий тот любит женщину, кому неприятно получить от нее отказ, – любовь вовсе не то, – но Верочка еще не знает этого и растрогана», и далее опять слова Верочки: «– вы хотите, чтоб я не давала вам ответа» и пр. (Гл. I, IX, с. 51). Ср. такие же скобки с обращением к «проницательному читателю», с. 362.

В другом месте автор на ходу перебивает сцену, берет читателя за рукав и указывает: «Смотри на жену, как смотрел на невесту. Признавай ее свободу. Так живут мужья и жены из нынешних людей» и пр. (Гл. 4, XIV, с. 359).

В романе много диалогов. Среди них есть и такие, которые объективируют повествование, дают сценическое движение, заполняя и обогащая одновременно рисунок и значимость фигур. Такова, напр., сцена между Марьей Алексевной и Верой Павловной в ложе театра, в присутствии «кавалеров». Но в огромном большинстве случаев автор и здесь обнаруживает те же постоянные стремления разъяснить, указать, подчеркнуть.

В диалогах Чернышевского нет живого звучания непринужденной беседы, в речах нет индивидуального лада взаимных реплик и вопросов. В этом отношении выделяются лишь сцены с участием Марьи Алексевны, матери Веры Павловны. Речь Марьи Алексевны индивидуализована особенностями лексикона и синтаксиса мещанского просторечия: «Одевайся *чуть*, скоро придет»... (28); «за счастье почту, что она *вхожа будет* в такой дом» (31); «*больно глуп народ*» (22); «*спущала до сих пор*» (19); «я сколько мученья приняла, Верочка, *и-и-и, и-и-и, сколько!*»(21); «*бедно, и-и-и, как бедно жили* (21); и пр. К этому прибавляются обильно рассыпанные частицы: да и, ну, вот и ко, ка и пр.

Особенная сварливость и вульгарность Марьи Алексевны отмечены обилием ее грубой брани: «отмой рожу-то» (15); «такая чучела уродилась» (15); «что рыло-то воротись» (18); «дурак, эго брехнул» (19); «глядите, хамы» (18); «не пожалею смазливой рожки» (19); «мерзавка», «дура», «косел», «подлец», «разбойник», «мерзавец» и пр. (с. 18, 19, 32 и др.).

У других действующих лиц речь везде, во всех их положениях, у всех одна и та же. Было бы несправедливой крайностью утверждать, что все диалоги в романе лишены всякого оживления. Можно указать, особенно в первой трети романа немало живых и быстрых реплик, взволнованных замечаний, искусно перебитых недомолвок. Но это (за вычетом сцен с Марьей Алексевной) бывает чрезвычайно редко, а главное всегда однообразно. Чаще всего диалогические сцены эвристически дебатировать какую-нибудь отвлеченную тему. Причем и здесь всюду вторгается менторская указка автора. Автор не предоставляет судить самому читателю. Всякий разговор, всегда уже сам по себе логически насыщенный и понятный, неизменно сопровождается или особой указующей надписью самого автора или резонерским комментарием одного из собеседников.

Такая подчеркнутая нарочитость убивает непосредственность сцен даже и там, где она могла бы быть. В романе, например, обычен такой оборот: «Любили ли они друг друга? Начать хоть с нее. Был один случай, в котором выказалась с ее стороны заботливость о Бьюмонте». Далее в сценах и диалогах рассказывается этот случай. Кажется, уже ясно, что должен усматривать читатель из этого случая, но и на этом автор не останавливается и, закончив эпизод, сейчас же сам преподает читателю необходимые ему выводы: «Так ли делается, такие ли бывают посещения влюбленных девушек? Не говоря уже о том, что ничего подобного никогда не позволит себе благовоспитанная девушка, но если позволит, то уже конечно, выйдет из этого совсем не то», и пр. (с. 432).

Рисуются отношения между Кирсановым и Верой Павловной. Автор имеет в виду дать представление о должном, идеальном счастье. Для этого предлагаются образцы их разговоров: «Откуда это взяли, Саша, что любовь ослабевает, когда ничто не мешает людям вполне принадлежать друг другу? Эти люди не знали истинной любви. . . Пресыщение! Будто мой аппетит ослабевает, будто мой вкус тупеет от того, что я не голодаю, а каждый день обедаю без помехи и хорошо» и т. д. (с. 360). Далее автор сам берет себе слово: «Эти разговоры постоянны, но вовсе не часты. Коротки и очень не часты. В самом деле, что об этом много и часто говорить?.. А вот *эти* и чаще и длиннее». – Далее примерный диалог на тему о полезности и любви (с. 361). Ср. подобные же «примерные» разговоры квартирных хозяина с хозяйкой о Лопуховых (с. 148–150).

Автор сам неумоимо удивляется новизне и необычности своих героев. Он не устает повторять: посмотрите, как это ново и необычно-

венно. «Странно», – это любимое его слово в этих случаях. «Странно, Верочка, что ты спокойна. Ведь думают, что любовь – тревожное чувство. А ты заснешь тихо, как ребенок». . . Дальше автор разъясняет эту подчеркнутую «странность» (с. 72). После разговора Лопухова с Верочкой автор заключает: «Так они поговорили, – странноватый разговор для первого разговора между женихом и невестой» (с. 124).

Иногда, вместо себя, автор выдвигает подставную резонацию, опять с подчеркиванием «странности» и с откровенным приглашением удивляться. После описания супружеской жизни Лопуховых помещен разговор старика и старухи – их квартирных хозяев: «Старик и старуха, у которых они поселились много толковали между собою о том, как странно живут молодые». . . и пр. (с. 148–150). Иногда сами герои берут эту роль указки, сами комментируют себя и сами себе удивляются. Не доверяя выразительности своих невольных самообнаружений, лица романа нередко сами ловят выражение своих глаз, жестов, манер и сейчас же «своими словами» объясняют их смысл и значение. Так Верочка объясняет Лопухову смысл своих слез: «Ты видел я плакала, когда ты вошел, – это от радости» (с. 117). Лопухов объясняет Верочке выразительность своих глаз: «Так он на вас смотрит, как вот я, или нет? Такой у него взгляд?» – «Вы смотрите прямо, просто. Нет, ваш взгляд меня не обижает» и пр. (с. 70).

Нередко смысл сцены возвещается самосозерцанием самих ее участников, будто они сидят зрителями на том же спектакле, который только что, сами разыгрывали. «А ведь какие мы смешные люди, Верочка! – подчеркивает Лопухов: – ты говоришь «не хочу жить на твой счет», а я тебя хвалю за это. Кто же так говорит, Верочка?» (с. 119). Или в другом месте: описывается первый вечер, проведенный Верой Павловной у Кирсанова: «как же прозаичен наш роман! – восклицает про себя Вера Павловна. – «Первое свидание и суп, голова закружилась от первого поцелуя – и хорший аппетит, вот так сцена любви! Это презабавно! – «О, нет это первое свидание, состоявшее из обеданья, целованья рук, моего и его смеха, слез о моих бедных руках, оно было совершенно оригинальное»» (с. 338).

В других случаях автор вверяет роль ментора одному из персонажей, и диалог происходит в виде прикрытого урока. Таковы разговоры между Верочкой и Лопуховым. Верочка оказывается талантливой ученицей, о многом сама догадывается или, как здесь же отмечает, «умеет делать выводы из посылок» и успешно забегает вперед, так что Лопухову остается только подтверждать: «Так, так, Верочка. Всякий пусть охраняет свою независимость» (с. 118). Или: «зачем же все так толкуют нам, чтобы мы оставались женственны? Ведь это глупость, мой милый?» – спрашивает Верочка. «Глупость, Верочка, и очень большая глупость» – подтверждает учитель – Лопухов (с. 119). В подобном же тоне ведутся разговоры между Бюмонтом (тем же Лопуховым) и Катей Полозовой (с. 434–439). Иногда собеседники в таких случаях ставят друг другу возражения и вопросы, но это лишь для

того, чтобы дать повод выслушать привходящие частные стороны вопроса и потом придти к готовому рассудительному выводу (см. напр., с. 84–85).

Для большего утончения диалектики в разъяснении какого-нибудь момента романа, два одинаково умных собеседника ставятся в положение спорящих. Таков разговор одинаково рассудительных Лопухова и Кирсанова о чувствах Веры Павловны к тому и другому и о должном их поведении в отношении к ней (с. 241–248). Таковы же письма друг к другу Лопухова и Веры Павловны, окончательно разъясняющие философию выгоды на примере их взаимных отношений (с. 296–301). Таковы же нападки Рахметова на Лопухова (с. 309–329).

VIII

Роман «Что делать?» всегда упрекали в тенденциозности. Мы должны согласиться в справедливости этого упрека. Однако ввиду того, что со словом «тенденциозность» в настоящее время соединяются самые разнообразные и иногда противоречивые представления, считаем необходимым пояснить, в каком смысле тенденциозность, действительно, может быть поставлена в упрек роману, как такое качество, которое роняет его в ряду других художественных произведений.

Всякое художественное произведение «тенденциозно», каждому присуща некоторая единая устремленность, связывающая и направляющая всю совокупность его частей к некоторому общему заданию или порыву. Всякая организованность предполагает целеустремленность, а это, в свою очередь, предполагает отбор материала и средств, т. е. творческую руководящую тенденцию. В этом общем смысле роман «Что делать?» не представляет собою какого-то особого исключения.

Г. В. Плеханов, в защиту «тенденциозности» «Что делать?» – совершенно справедливо указывал на «Смерть Ивана Ильича» и «Хозяина и работника» Льва Толстого как на произведения яркие в выражении авторского мировоззрения, но от этого несколько не утратившие своих художественных достоинств¹. Но тут нет нужды прибегать к таким «исключениям»; Толстой в этом смысле был не менее ярок и в других произведениях. И «Война и мир» и «Анна Каренина» также охвачены объединяющей философией, может быть более глубоко и широко развернутой, но тем не менее всегда единой и всеохватывающей. И не только у Толстого, но и у всякого другого художника в каждом произведении сказывается установка на некоторый вполне определенный оформляющий «смысл». Автор, как бы он ни был «объективен», всегда обнаружит собственное отношение к вещам. Вся разница в искусстве, с каким это сделано.

¹Г. Плеханов «Н. Г. Чернышевский». СПб., 1910, с. 216.

Остановимся на минуту на тех писателях, которых считали наиболее «объективными». Гончаров, искавший оправдания своим романам в том, что они «отражают жизнь», убеждавший в том, что «ни он, а происшедшие у всех на глазах явления обобщают его образы», что он только «следил, смотрел и писал и даже не думал, что вбирают в себя лица и явления, окрасившиеся в краски момента, и как воспринял, так и выдает их назад, т. е. кладет на бумагу», Гончаров, чтивший – заповедь «sine ira», как закон объективного творчества, и считавший последним совершенством своих образов их «верность действительности» и «типичность, отражающую, как в зеркале и явления общественной жизни, и нравы, и быт»¹, – тот же Гончаров прекрасно знал и учил, что «у действительности свои законы, а у искусства свои», и учитывал всю относительность своих выражений об «объективном отражении»². Он учил Валугу о независимости художественного правдоподобия от действительности³, говорил о тайне «изобретения и создания сходств» и «подобий правды»⁴, изгонял вредные и ненужные «излишества в описании подробностей», указывал, что художник должен уметь выбрать нужное ему, устранить бесполезность «фотографически верного снимка», «осмыслить картину»⁵, облить ее «светом своей личности, увидеть и показать *свое* отражение вещей»⁶.

Флобер, законодатель «объективного» искусства, ригорист «безличности», в своем собственном творчестве, конечно, не дал примера «безличного» искусства, и так же, как и другие, вложил в свои произведения и свое понимание людей и свою философию, да и в самой теории «безличность» понимал лишь в смысле *незримости* автора для читателя, т. е. об отсутствии автора лишь в читательской иллюзии⁷.

Как на высший пример «объективности» указывали на Мопассана. В нем будто бы не было «ни симпатии, ни антипатии, ни удивления, ни презрения, ни насмешки»; он не мыслил, только наблюдал; его мозг это – машина, лишь вбирающая и отражающая действитель-

¹И. Гончаров «Лучше поздно чем никогда». Собр. соч., изд. Маркса, т. I. с 68, 69, 58, 66, 69.

²См. письмо к Валугу 6 июня 1877 г.: «Автор может быть скажет, что он видел такую сцену и слышал этот вопрос. Нужды нет: сцена тем не менее остается психологически неверною. Это не мемуар, а роман. У действительности свои законы, а у искусства свои» (К. Военский «Гончаров в неизданных письмах к гр. Валугу». СПб., 1906, с. 33.)

³Художник «должен писать не с события, а с отражения, его в своей творческой фантазии, т. е. должен создать правдоподобия, которые бы оправдывали события в его художественном произведении» (К. Военский, с. 32–33).

⁴«Заметки о личности Белинского». Сочинения, изд. Маркса, т. XI, с. 160. «Лучше поздно, чем никогда». Сочинения, т. I, с. 81.

⁵Письмо Валугу 6 июня 1887 г. *Военский*, с. 18.

⁶«Лучше поздно, чем никогда», с. 81.

⁷«L'auteur dans son oeuvre doit être comme Dieu dans l'univers, présent partout et visible nulle part». Correspondance, 2-me série, p. 155.

ность»¹. Но сам Мопассан знал о себе иное. Как и всякий другой писатель, он «неизбежно в своих работах проводил свои личные взгляды, ему присущие», и его воззрения на мир он рекомендовал искать прежде всего в его книгах². Целью романиста он считает не только рассказать историю и взволновать читателя, но «заставить его мыслить и понять глубокий и скрытый смысл событий»³. «Совершенство его (автора) плана не в эмоции, не в интригующей завязке, не в волнующей катастрофе, а в искусной группировке обычных мелких фактов, откуда и раскрывается окончательный смысл произведения»⁴.

Не составляет Чернышевский исключения и в *сознательном* предвидении общего направления и содержания своего романа. Мысли и общее понимание вещей, обнаруженные в романе, были им продуманы раньше и не раз высказывались в публицистических статьях. Но случаи подобной осознанности творческих намерений наблюдаются еще и рядом. Достоевский пространно говорил о своих замыслах еще ненаписанных романов, об их «идее» или «мысли», он же писал характеристики своих будущих персонажей с ясной формулировкой того, что имел в виду ими высказать. Его публицистика в главном всегда предвещает или повторяет тенденции романов. Л. Толстой сам обстоятельно объясняет «мысль» своего рассказа «Три смерти». Собираясь писать роман о декабристах, он наперед высказывает, что имеет в виду там «доказать». Роман «Война и мир» сопровождается идеологическим комментарием. Чехов пространно объясняет внутреннее идеологическое содержание своей пьесы «Иванов». Бальзак заранее пишет программу для серии романов «Человеческая комедия».

Наличность тематической выдержанности, преднамеренность замысла, искусственность в подборе персонажей и их отдельных свойств, сознательное стремление воздействовать на читателя в определенном направлении, – сами по себе еще не лишают произведение живой художественности и не мешают полноте и свежести читательской иллюзии. Без «тенденциозности» немислимо никакое произведение, и если роман «Что делать?» дает особенно резкое впечатление

¹«C'était, comme diraient les Allemands, un esprit essentiellement objectif. Il regardait; et il ne savait peindre que ce qu'il voyait. Son cerveau était avant tout une machine à découper dans la réalité qui se déroulait devant lui les choses, petites ou grandes, susceptibles d'être détachées et de former tableau.» E m i l e F a g u e t. *Propos Littéraires*. Troisième série. Paris, 1905, p. 196.

²«Один писатель, чуткий и глубокий писал обо мне, что он хотел бы знать мои собственные взгляды на мир, который я изображаю. Он их найдет в моих книгах. Каждый автор неизбежно в своих работах проводит свои личные взгляды, ему присущие». «Мопассан и интимной жизни». *Воспоминания Х. Современный Мир*, 1913, август, с. 216–217.

³«Son but n'est point de nous raconter une histoire, de nous amuser ou de nous attendrir, mais de nous forcer à penser, à comprendre le sens profond et caché des événements» G u y d e M a u p a s s a n t. Préface de «Pierre et Jean». Paris, 1913, p. 8.

⁴«L'habileté de son plan ne consistera donc point dans l'émytion ou dans le charme, dans un début attachant ou dans une catastrophe mouvante, mais dans le groupement adroit de petits faits constants d'où se dégagera le sens définitif de l'oeuvre.» (ibid, p. 9).

компрометирующей преднамеренности, то это обусловлено не тем, что он скомпонован в некоторой идеологической тенденции, а лишь его общей художественной недостаточностью.

Художественное произведение несет совокупность своего тематического наполнения через обрисовку самих картин и образов. Логика, целостность и конечный смысл каждого из персонажей в отдельности и общий смысл и устремление целого обнаруживаются в самом сопоставлении слагающихся звеньев. Поставленные рядом, обвеянные непрерывной, скрытой эмоцией, лица, образы, эпизоды и картины, сами, непосредственно, одним взаимным соотношением ведут общую диалектику целого. Понимание психики здесь выливается в живом обнаружении всей глубины индивидуальных переживаний самих действующих лиц. Через созерцание и сопереживание их состояний, каждого в отдельности и всех вместе, раскрываются сами собою тематические линии замысла. Тема не существует вне рисунка и сама собою вырастает из эмоционально-художественного переживания непосредственно данной конкретности.

В романе Чернышевского все дано в логике отвлеченной мысли. Здесь все высказано готовыми рассуждениями и отвлеченной схемой. Имеющиеся блестящие живого художественного выражения настолько погружены в обнаженную теоретичность, что роман перестает быть романом и превращается в публицистическую статью. Вот почему «Что делать?» нельзя рассматривать и судить вместе с произведениями художественными в собственном смысле слова. Чернышевский, хоть и писал роман, но, очевидно, сознательно, в своих целях принимал рассудочные формы выражения. Форма романа для него была лишь «прикрасой», прикрытием, удобной оберткой, в которой с наибольшей безопасностью (в цензуре) и успехом (у читателей) можно было провести его мысли, искавшие, в сущности, лишь публицистического обнаружения.

IX

Жизнь оправдала надежды Чернышевского. Художественная недостаточность не помешала роману «Что делать?» овладеть сознанием современников, проникнуть в их сердца и возбудить волю к делу.

В многообразной сложности исторического процесса трудно учесть долю созидательного участия отдельного звена и тем более такого невесомого фактора, как литературное произведение. В пересекающихся линиях всесторонних воздействий жизни теряются грани и русла частных одиночных впечатлений.

Освободительные идеи выбрасывались самою жизнью. Идеи социализма, давно уже бродившие в кругах передовой интеллигенции,

к выходу романа уже имели довольно широкую популярность. Сочинения Сен-Симона, Фурье, Консидерана, несмотря на правительственные преследования, почти перестали быть тайными книгами. Запрещенные в легальном обращении, они густо просачивались в читательский обиход путем скрытой пропаганды. Торговля нецензурованными книгами, вывезенными из-за границы, стала особенно выгодным делом; их, вместе с галантерейным товаром, вывозят французские модные лавки, продают мелкие букинисты, разносят ходебщики. Не были откровением и идеи женской эмансипации. «В пятидесятых годах «женский вопрос» имел за собою уже большую историю, и не только на страницах изящной словесности. Он был теоретически поставлен, обсужден и решен на Западе в целом ряде публицистических очерков, социологических исследований, моральных трактатов, утопических картин, полемических брошюр и резолюций, принятых на разных общественных собраниях»¹. Русская публика, давно уже воспитывавшаяся в этом отношении романами Жорж Санд и ее русскими последователями и последовательницами, имела возможность войти в круг женского вопроса и в его теоретической постановке.

Бывавшие за границей или владевшие иностранными языками читали об этом на страницах Анфантена, Фурье, Консидерана. К концу пятидесятых годов в России уже широко была распространена и известна статья Милля «Об эмансипации женщин» (1851 г.). Была известна в России и страстная горячая апология женщины Жени Д'Эрикур². С 1858 г. по женскому вопросу уже печатались статьи М. Л. Михайлова на страницах «Современника»³. Здесь принципы безусловного признания за женщиной ее личных и общественных прав находили всю полноту современного теоретического обоснования.

Во всех этих отношениях воздействие романа сливается с общим хором многоголосого исторического дня. Тем не менее, роман в свое время был явлением настолько заметным, настолько ярким, что его историческая роль на общем фоне эпохи сама собою выделяется с особенно резкой значительностью. Чернышевский сумел собрать в свой рупор жгучие чаяния и надежды времени и дать им ясную и практическую формулу. Волновавшие всех освободительные идеи в романе вышли за пределы мечты и теории и наполнили сознание живым стремлением к практическому немедленному приложению. Роман сделался учительной книгой. Он заражал пламенной надеждой

¹Н. Котляревский «Очерки из истории общественного настроения 60-х годов. Женский вопрос в его первой постановке». Вестник Европы, 1914, т. 2, с. 230. – Его же «Канун освобождения». П., 1016, с. 419–420.

²Jenny d'Hericourt. «La femme affranchie». Bruxelles – Paris, 1860. Содержание этой книжки русской публике отчасти было известно раньше ее напечатания из статей Михайлова.

³«Парижские письма». Современник, 1858, № 9 и 1859, т. LXXIII, № 1. – «Женщины в университете». Современник, 1861, № 4. – Д. С. Милль «Об эмансипации женщин». Современник, 1860, № 11.

на счастье, верой в живую достижимость влекущих идеалов и призывом работать вот теперь, сейчас для их немедленного осуществления. Призывы романа быстро стали программными лозунгами, его картины и характеры превратились в практический план текущего дня.

Сохранился длинный ряд свидетельств современников о том огромном оживлении, которое роман поднимал в кругу своих молодых читателей. Не касаясь литературно-критических статей, теоретически приветствующих или оспаривающих идеи «Что делать?»¹, остановимся лишь на документациях его практического воздействия.

«Для русской молодежи, – вспоминает П. Кропоткин, – повесть была своего рода откровением и превратилась в программу... Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского: она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи»².

«За 16 лет пребывания в университете, – говорит П. Цитович, идеологический противник романа, – мне не удалось встретить студента, который бы не прочел знамени того романа еще в гимназии; а гимназистка 5–6 класса считалась бы душой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны. В этом отношении сочинения, напр., Тургенева или Гончарова, – не говоря уже о Гоголе и Пушкине, – далеко уступают роману “Что делать?”»³.

¹См. об этом ст. Н. Бродского «Чернышевский и читатели 60-х годов». Вестник Воспитания, 1914, № 9.

²П. Кропоткин «Идеалы и действительность в русской литературе». СПб., 1907, с. 307.

³П. Цитович. Что делали в романе «Что делать?». Одесса, 1879, с. V. Самое появление этой брошюры П. Цитовича, направленной в «обличение» романа спустя уже 16 лет со времени его выхода, свидетельствует о том переполохе, который был поднят романом «Что делать?» в группе охранителей традиционных устоев. – Ср. восторг, с каким это «обличение» было принято, напр., Б. М. Маркевичем «Письма Б. М. Маркевича». СПб., 1888, с. 328–331. – Цензурные власти с своей стороны обратили особенно сугубое внимание на роман опять в силу его необычайно сильного и широкого влияния. Автор Валуевского цензурного «Собрания материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие», подчеркивая «гибельность» романа, указывает на исключительность его влияния: «Несмотря на всю бедность своего практического идеала и на отсутствие всяких художественных достоинств, роман г. Чернышевского имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинциях. Многие рады были ухватиться за теорию, прикрывающую и оправдывающую безнравственность по отношению к брачному союзу: были примеры, что дочери покидали отцов и матерей, жены – мужей, некоторые шли даже на все крайности отсюда вытекающие, появились попытки устройства на практике коммунистического общежития в виде каких-то общин и ремесленных артелей. Всего же хуже то, что все эти нелепые и вредные понятия нашли себе сочувствие, как *новые идеи*, у множества молодых педагогов...» (Мих. Лемке «Эпоха цензурных реформ 1854–1865 годов». СПб., 1904, с. 488–489. Курсив автора «Собрания»).

Роман изучался и обсуждался в кружках¹, в дружеской беседе, в интимном уединении, – его влияние целиком заполняло сердце многих и отражалось на всем укладе их мыслей и практического поведения. «Мы искали в романе программы своей деятельности. Мы читали роман чуть не коленопреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на уста, с каким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально на наше общество. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю передовую интеллигенцию направив на путь социализма, низведя его из заоблачных мечтаний к современной злобе дня, указав на нее, как на главную цель, к которой обязан стремиться каждый. Социализм сделался таким образом обязательным в повседневной будничной жизни, не исключая пищи, одежд, жилищ и пр.»².

Благодаря роману «Что делать?» «всюду начали заводиться производительные и потребительные ассоциации, мастерские, швейные, сапожные, переплетные, прачечные, коммуны для общежития, семейные квартиры с нейтральными комнатами и пр. Фиктивные браки с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под семейного деспотизма в подражание Лопухову и Вере Павловне сделались обыденным явлением жизни, причем редкая освободившаяся таким образом не заводила швейной мастерской и не разгадывала вещей снов, чтобы вполне уподобиться героине романа»³.

Один из пионеров нашей кооперации Н. П. Баллин в своих воспоминаниях удостоверяет, что «швейная романа “Что делать?” вызвала в России по крайней мере столько же подражаний, сколько вызвала подражаний Рочдельским пионерам история их, написанная Холиоком»⁴.

Особенно заметно сказалось влияние романа в области женского движения. Мысль о правах женщины на самостоятельное самоопределение, о выходе ее на общее поле труда, о необходимости ее участия в общем строительстве взаимной супружеской жизни, – тогда еще для многих была новой и невероятной. Женщина должна была завоевать себе права на труд. «Если ничего не делающие мужчины ощущали иногда угрызение совести и встречали иногда осуждение, то ничего не делающие дамы считались решительно явлением вполне нормальным, совершенно законным»⁵. Роман, развернувший нелепость и позор

¹Е. Н. Ковальская (Солнцева). Вступительная статья к «Воспоминаниям» Л. Б. Гольденберга. Каторга и ссылка, 1924, № 3 (10), с. 89.

²Цитируются слова неназванного современника из статьи Н. Л. Бродского «Н. Г. Чернышевский и читатели 60-х годов». Вестник Воспитания, 1914, № 9 (декабрь), с. 177–178.

³А. М. Скабичевский «Первое двадцатипятилетие моих литературных мытарств». Исторический Вестник, 1910, янв., с. 45–46.

⁴К. Пажитнов «Н. Г. Чернышевский, как первый теоретик кооперации в России». М., 1917, с. 23.

⁵Н. Страхов «О женском труде». «Эпоха», 1864 г., апрель. «Из истории литературного нигилизма. 1861–1865». СПб., 1890, с. 391.

такого положения, указал и пути к его преодолению. «Тысяча дам и девиц пытались открывать артельные мастерские по программе Чернышевского»¹. Проекты и уставы женских организаций 60-х годов очень близко стоят к роману и по постановке практических задач и даже по формулировке своих основных исходных принципов².

Кроме всего этого, роман имел огромное общее морально-воспитательное значение. Редкая биография революционного деятеля 60–70-х годов не имеет страницы о влиянии романа не только на взгляды и убеждения, но и на формирование самых основ характера, на внутреннюю самооценку и выработку общепсихических индивидуальных свойств.

Об одном из лиц явно «рахметовского» склада упоминает Е. Н. Ковальская. «Познакомившись с новыми товарищами, – рассказывает она, – мне пришлось услышать странные отзывы об одном из членов бывшего мужского кружка. Говорили о нем с добродушной иронией и в то же время с каким-то особенным уважением; шутили над ним, а в то же время как будто и недоумевали: как относиться к нему. Рассказывали, смеясь, что он, прочтя «Что делать?» Чернышевского, устроил себе какое-то ложе на гвоздях, желая приучить себя к пыткам. Было ясно, что человек этот не укладывался в обыденные рамки»³.

Об аскетических рахметовских идеалах в кружках молодежи 60-х годов рассказывал Л. Е. Оболенский. «Рахметов, – пишет Оболенский, – напоминает их, хотя никто не спал на гвоздях, не отправлялись на Волгу таскать барки вместе с бурлаками, но один из кружков зимою 1865 года просуществовал ради аскетической закалки в садовой беседке, в страшном холоде, без кроватей и почти без горячей пищи»⁴.

Каракозовец П. Ф. Николаев подчеркивает близость рахметовского склада к идеалам и воззрениям каракозовцев и самого Каракозова. «Бессспорно то, – пишет он в письме В. Е. Ветринскому, – что сближение с мастеровыми, странствование по разным кабакам и притонам, суровая дисциплина в личной жизни, плавание на волжских пароходах Ишутина и Каракозова в качестве водоливов, были до значительной степени навеяны Рахметовым. Эти двое, каждый некоторыми отдельными черточками, безусловно напоминали Рахметова. Каракозов был очень похож на Никитушку Ломова»⁵.

¹Е. И. Щеткина «Из истории женской личности в России». СПб., 1914, с. 299.

²Ср., напр., проект устава «Петербургского Общества Женского Труда», напечатанный в вышеупомянутой статье Н. Страхова, с. 393–395.

³Е. Н. Ковальская (Солнцева). *Op. cit.*, с. 89.

⁴Л. Е. Оболенский «Литературные воспоминания и характеристики». Исторический Вестник, 1902, январь, с. 126.

⁵В. Е. Чешихин-Ветринский «Н. Г. Чернышевский». П., 1923, с. 177. В объяснение запрещения романа Н. Рейнгардт указывал на одно место романа, которое правительством при разборе дела Каракозова приняло, как заведомое предусмотренное революционных выступлений. «Рахметов, уезжая за границу, высказал между прочим, что «года через три он возвратится в Россию», что в России – «не теперь, а тогда, года

В подражательном следовании роману, конечно, были свои неровности, углы и ошибки. Многое делалось излишне торопливо, спеша и волнуясь, с наивным наскоком беззаветности и прямизны. Иногда выходило опрометчиво, жизнь усложняла чистые страницы теории, иногда сламывала доверчивые намерения и рушила жар желаний. Например, в семейном быту требование свободы и независимости каждого члена семьи перетолковывалось в отрицание всякого проявления нежности и в напускную холодность. Погоня женщины за самостоятельным заработком тоже иногда принимала уродливые формы. «Боязнь, что кто-нибудь назовет ее «законной содержанкой», «наседкой», – эпитеты, которые в таких случаях были в большом ходу, – мешали поступить так, как подсказывали ей опыт и собственное сознание. Но когда трусость, рабство и другие черты характера, унаследованные еще от очень недавних времен, стали ослабевать, женщина начала более разумно относиться к заработку»¹.

В устройстве мастерских также происходили ненормальности или оттого, что у организаторов были неумелые руки, или потому, что участники рвали дело постоянными, хотя и доброжелательным вмешательством в его внутренний ход, или вносились непредвиденные осложнения общими устоями и привычками прежней жизни.

Много было всяческих неприятностей, а иногда и страданий от поспешной неосмотрительности и доверчивости в фиктивных браках, в беззаветном, но, по выполнению, наивном спасании женщин из домов проституции. Многие головы и сердца были разбиты лишь потому, что свободный порыв наталкивался на непреодолимые ограничения государственных законоположений (зависимость жены от мужа, трудность развода и т. п.). Е. Водовозова в интересных воспоминаниях рассказывает несколько ярких случаев тяжелых ушибов жизни, перенесенных ревностными последователями программы «Что делать?».

через три, четыре», – нужно ему быть». «Последняя часть романа была подписана 4 апр. 1863 г. Ровно через три года 4 апр. 1866 г. раздался выстрел Каракозова» (Н. Рейнгардт «О Чернышевском». Современное Слово, 1911, 19 сент., № 1331). Раньше на это место романа как на пророческое предвидение указывал Скальковский (Новое время, 1904, № 10303), хотя он имел в виду промежуток между романом и Каракозовским выстрелом не в 3, а в 4 года (ошибочно датируя роман 1862-м годом). Что касается этих пророческих дат, все это, очевидно, является праздным домислом, но несомненно, что в связи с делом Каракозовцев роман уже был понят правительством как произведение особенно «вредное» и «гибельное». «Роман этого преступника (т. е. Ч-го) «Что делать?», – говорилось в приговоре верховного уголовного суда по делу Каракозовцев – имел на многих подсудимых самое губительное влияние, возбуждав в них нелепые противобщественные идеи» (Приговор цитируется по кн. В. Ветринского «Н. Г. Чернышевский», 1923, с. 175). – В «Собрании материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие», составленном и изданном по приказу министра Валуева в 1865 г. в качестве руководства для цензурных учреждений, о романе «Что делать?» дан резко отрицательный отзыв, как о сочинении, распространяющем «вредные и нелепые понятия» (М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904, с. 487–489).

¹Е. Н. Водовозова «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов. Из личных переживаний». Современник, 1911, кн. VI, с. 341. То же отдельно «На заре жизни». СПб., 1911, с. 581.

Но она же свидетельствует, как отслаивалась в русле жизни здоровая сторона возникших изменений, как жизнь постепенно принимала в себя новые формы, отстаивала в новые привычки то, что прежде казалось столь чуждым и невозможным. «Сталкиваясь с курьезами в жизни молодого поколения, многие обвиняли в этом роман “Что делать?”, который был тут ни при чем; обвиняли и все движение этой эпохи, совершавшей великое дело обновления русского общества. Правда, иное неразумное и непродуманное применение новых идей и рабское подражание действующим лицам романа “Что делать?” приносили иногда некоторый вред, но в то же время они вызывали и всестороннее обсуждение: постепенно острые углы сглаживались, а новые принципы мало по малу всасывались в кровь и плоть русского человека»¹.

Шли годы. Правительство, разглядевшее в романе своего врага, наложило на него запрет. Роман сошел в подпольную литературу. Учащиеся в школах тяжело преследовались за чтение романа. Но его распространение не приостанавливалось. Получить роман, правда, с течением времени становилось все затруднительнее. Книжки «Современника», в которых он был напечатан, стали библиографической редкостью. Там, где не оказывалось возможности получить печатные экземпляры романа, он с любовью переписывался от руки².

Менялась жизнь страны. Освободительные идеи, несмотря на противодействие правительства, распространялись все шире и проникали в легальную печать. Многие в романе, что прежде казалось опасным и страшным, должно было бы отойти и побледнеть перед новыми яркими и более свободными картинами, лозунгами и призывами. Печатались утопические фантазии Беллами, Уэльса, Безант и др. И сама жизнь во многом уже опережала мечту романа (женское образование, например). Еще менее кому-нибудь могла бы казаться предосудительной скромная сексуальность некоторых страниц романа. «Рассказ Крюковой», суждения о проституции, о половом наслаждении давно уже потонули в общем море европейских и русских романов, повестей и рассказов на эту тему (напр., романы Золя, у Толстого Катерина Маслова, у Гаршина Надежда Николаевна, эротика уже пришедших «декадентов»). Роман Чернышевского продолжал оставаться под запретом. По-прежнему ходили по рукам зачитанные до дыр старые пожелтевшие страницы «Современника», по-прежнему подростки их читали, таясь и уединяясь. И было в этой тяге к роману

¹Е. Водовозова. *Op. cit.* Современник, 1911, VI, с. 340. – «На заре жизни», с. 579.

²О трудностях получения печатного текста романа см., наприм., в воспоминаниях Е. Водовозовой (*Op. cit.* Современник, с. 341), *Волжского* (Вопросы жизни, 1905, № 6, с. 236). По поводу нового издания романа М. Ф. Волькенштейн в частном письме писал Мих. Ник. Чернышевскому: «в 1874 г. я и покойный Зельманов собственноручно переписали «Что делать?», так как во всем Харькове был лишь один экземпляр этого произведения» (письмо от 5 ноября 1906 г., хранится в Сарат. Музее Н. Г. Ч-го).

уже больше почетной традиции, любопытства, жажды запретного, чем действительно живой, новой и незаменимой духовной пищи¹.

Запрет снят был лишь в 1905 г. И тем, кто в свое время для прочтения романа принужден был переживать бесконечные затруднения и страхи, долго казалось странным видеть новое издание его «на виду у всех», в «ярко-освещенных витринах» и «таким доступным для всех»².

Многое из теоретических построений романа отвесилось жизнью. Современное сознание далеко ушло от его упрощенных формул. Чернышевский еще не знал подлинных корней и артерий сложного социального бытия, он слишком много верил в арифметические выкладки разумности и принуждающую закономерность жизни подменил приоритетом рассудительного расчета. Подчиняя жизнь разуму, он в теории легко устранил ее толчки и изгибы. Для современного читателя научно-социалистической литературы роман с этой стороны звучит только как светлая сказка. – Тем не менее его общественно воспитательная миссия и до сих пор продолжается. Его общественный энтузиазм, его гимн труду, его призыв к просторам свободы, его критика обветшалых традиций – и до настоящего времени сохраняют свое вдохновляющее значение.

А. И. Ванюков

А. П. СКАФТЫМОВ О РОМАНЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЖАНРА)

Сформулированная в заглавии тема является, с одной стороны, частью большой историко-литературной проблематики, целого исследовательского направления, которое в трудах А. А. Демченко было обозначено как «Н. Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова»³, а с другой – намечает важную для А. П. Скафтымова – особенно в 1920–1930-е гг. – проблему романа, проблему, ещё недостаточно цельно представленную и глубоко отрефлектированную в современном литературоведении.

Становление научной методологии А. П. Скафтымова 1920-х гг., по существу, новой исторической поэтики XX в., шло в органическом взаимодействии теоретического и историко-литературного, телеологического и генетического принципов анализа художественного

¹Ср., напр., *Русанов*. Русское Богатство, 1905, № 3.

²*Волжский* «По поводу нового издания романа Чернышевского “Что делать?”». Вопросы жизни, 1905, т. VI, с. 236–237.

³См.: *Демченко, А. А.* Н. Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова // Скафтымовские чтения: сб. науч. тр. Саратов, 1993. С. 57–61; *Он же*. Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014. С. 32–54, 191–197.

произведения. Принципиальное значение имеет в этом плане «триада» А. П. Скафтымова «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (1923)¹, «Тематическая композиция романа “Идиот”» (1924) и «Роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?” (Его идеологический состав и общественное воздействие)» (1926).

Если первые две скафтымовские работы прочно вошли в научное поле литературоведения XX в., да и XXI в.², то третья статья 1926 г. до сих пор и не перепечатывалась³, и, к сожалению, не рассматривалась с точки зрения жанровой, т. е. анализа скафтымовской методологии изучения романа Н. Г. Чернышевского именно как романа.

Прочную методологическую базу на этом направлении даёт обращение к известному труду начала XX в. В. В. Сиповского «Очерки по истории русского романа. Том 1, вып. 1-й (XVIII век)», вышедшему в Санкт-Петербурге в 1909 г. («Напечатано по определению историко-филологического факультета Императорского С.Петербур. ун-та. Декан Ф. Браун. 10 марта 1909 г.»), который начинается с пушкинского эпиграфа: «Мы жизнь спешим узнать заране, / И узнаём её в романе» (обложка, титульный лист).

Экземпляр этого труда со следами активного чтения есть в фонде А. П. Скафтымова ЗНБ СГУ. Многочисленные скафтымовские пометы на страницах фундаментального исследования Сиповского, выдающегося русского учёного, представителя культурно-исторической школы отечественной науки, дают возможность отчётливее представить как истоки научной мысли, становление методологии Скафтымова, так и определённую складывающуюся систему анализа романного жанра. Выделю несколько аспектов проблемы. Прежде всего *исторический*. Одна из первых пометок А. П. Скафтымова касается мысли о «выдающемся значении романа среди других произведений эпохи»; подчеркнуто на полях: «о романе число отзывов исчисляется сотнями, – ясное доказательство того, что именно романом, по преимуществу, интересовались люди XVIII, начала XIX века»⁴.

В первой главе книги В. В. Сиповского «Значение романа XVIII века» внимание А. П. Скафтымова привлёк, прежде всего, первый раздел «По мемуарам» (подчеркнуто в Оглавлении, с. 717).

¹См.: Скафтымов, А. П. Собр. соч. : в 3 т. Самара, 2008. Т. 1. С. 23–47. Далее ссылки на это издание в тексте даны с указанием тома и страниц в круглых скобках.

²См.: Скафтымов, А. Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках / сост. Е. Покусаев; вступ. ст. : Е. Покусаев и А. Жук. М., 1972. 544 с.; Скафтымов, А. П. Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов; вступ. ст. В. В. Прозоров. М., 2007. С. 5–20.

³См.: Демченко, А. А. Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский. 2-е изд. Саратов, 2014. С. 196.

⁴Сиповский, В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1, вып. 1 : (XVIII век). С. 2. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

И здесь в мемуарных свидетельствах А. П. Скафтымов-читатель выделяет, в первую очередь, *эстетическую* сферу: «пиитический и героический слог, каковым писана была сия книга, был мне в особенности мил и приятен» (Болотов) – подчёркнуто, на полях помета «Эстет» (с. 3). «Какое участие принимали в чувствительных героинях г-жи Жанлис! <...> вся семья жила сердцем, или воображением, и переносилась в другой мир, который, на эти минуты, казался действительным» (подчёркнуто, на полях «Эст» (с. 5). В параллель отмечается и *личностно-психологический* аспект восприятия романа: Второв: «Плакал сам, плакал, перебирая в мыслях всю свою жизнь» (на полях знак выделения и помета «Личн-психол», с. 3); «Но чем же романы пленяли его? <...> Леону открывался новый свет в романах» (подчеркнуто – Карамзин «Рыцарь нашего времени», с. 4). Подчеркнуты в тексте следующие положения: «Читатели часто в жизнь переносили подражание любимым своим героям» (с. 6); «Только после чтения романов Фильдинга этот восторженный читатель “понял жизнь”» (с. 6). «Понятно, что любимые романы для таких читателей были «друзьями», – их любили, как живых людей» (с. 7, на полях помета «неэстет»); «Поклонники романтической литературы влюблялись не только в романы, в романтических героев, но и в самих «сочинителей»» (подчеркнуто, с. 11); «Подобное отношение к книге создавало в русской жизни таких людей, которые жили «по рецептам», извлечённым из прочитанных романов» (подчёркнуто, с. 12).

Во второй главе внимание А. П. Скафтымова более всего привлёк первый раздел «Сущность романа по предисловиям» (подчеркнуто в Оглавлении, с. 717).

«Яснее всего в предисловиях выразилась тенденция дать читателю «назидательное» чтение (с. 50, подчеркнуто – о переводных романах). «В Предисловиях к русским оригинальным романам <...> прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие нравучительных тенденций» (подчеркнуто, с. 72).

В начале раздела об идейном содержании «оригинальных» русских романов А. П. Скафтымов подчеркивает утверждение, что «основные истины XVIII-го века довольно глубоко вошли в плоть и кровь русского общественного самосознания» (с. 73) и выделяет «имя Вольтера» (с. 73) в истории *русского* философского романа. Центральное положение В. В. Сиповского выделяется Скафтымовым тремя знаками: «птичка» на полях, внутреннее подчёркивание и композиционное выделение: «Как художник, Вольтер, ученик Рабле и Свифта, выступил с такими яркими реалистическими тенденциями, которые часто переходили у него в натурализм. /Правда, и этот реализм, и натурализм у него не обуславливались художественными принципами – они у него носили боевой характер, – нужно было дать конкретное доказательство истинности какой-нибудь из доказываемых идей»/ (с. 81).

В разделе о «политических интересах времени» (с. 114), западном и русском политических романах (подчеркнуто, с. 124) А. П. Скафтымов прослеживает идейный состав романов «Приключения Телемака» Ф. Фенелона, «Персидских писем» Ш. Монтескье, а также русских авторов Ф. И. Дмитриева-Мамонова, М. М. Хераскова, В. А. Левшина («Новейшее путешествие») и др. «Особенно интересовались у нас в XVIII в. утопиями», – подчёркивает Скафтымов (с. 135).

В третьей главе А. П. Скафтымов выделяет основное, «ядерное» место историко-литературной концепции Сиповского: «Роман XVIII-го века как показатель бытовой стороны этой жизни» (с. 164); «Кроме типичных явлений жизни XVIII века, роман дал длинную галерею “типов”, очевидно, выхваченных прямо из жизни. Любопытно, что излюбленные “типы” русской сатиры – “шеголи” и “шеголихи”, редко встречаются на страницах романа; зато роман намечает много таких, которые нашли себе тонкое художественное развитие в русской литературе XIX ст.» (подчеркнуто, выделено на полях, с. 203); «вопросы воспитания <... > везде выступают на первый план» (подчеркнуто, с. 215).

Показателен интерес Скафтымова к четвёртой главе, в которой показано, как «греческий роман, через посредство французского, оказал (некоторое) влияние и на нашу романтическую литературу» (вывод, выделено на полях, с. 277). Здесь Скафтымов-читатель прослеживает взаимодействие исторического и типологического аспектов романной проблемы, причём последовательно выделяет содержательность жанра (содержание, герои, психология, построение, тон, «общие места» и т. п.). Самое место и время сказать, что Скафтымов особенно внимателен (выделяет, подчёркивает) к тому, что касается психологии («психологических интересов») и построения / композиции. Например: «Естественно, что греческий романист, ещё не научившийся внешнюю жизнь человеческую развёртывать из внутренней, при- нуждён был найти такое построение романа (подчеркнуто, выделено на полях, с. 240), которое бы давало возможность шире и разнообразнее удовлетворить назревшим (подчёркнуто) у него психологическим интересам (подчёркнуто, с. 241, на полях написано карандашом «Композ»); «если в современном романе психика героя направляет его поступки, то в греческом романе, где жизнь определяется судьбой – психика скорее иллюстрирует жизнь героя» (выделено на полях, с. 266).

Тщательно прочитана и проштудирована была самая большая, пятая, глава труда В. Сиповского, в которой особо активны терминологический и типологический аспекты анализа романа XVIII в. Здесь выделяются, «схватываются» псевдоклассический роман героического типа («придворно галантный»): Ф. Эмин, М. Чулков, псевдоклассический роман типа «Телемак»: Ф. Эмин, М. Херасков; псевдоклассический роман типа «Жилбаз»: М. Чулков; псевдоклассический роман

типа произведений А. Ф. Прево: Ф. Эмин (выделено, подчёркнуто и в Оглавлении, с. 717–718).

А. П. Скафтымов опять отмечает, подчеркивает «современность действия» (с. 378), «авантюжность построения» (с. 398, 430), «ярко выраженный автобиографический элемент» (с. 561), «форма произведения аллегорическая (сон)» (с. 567), выделяет проблемы композиции (с. 328), психологизма («у г-жи Лафайет <...> встречаем мы расширение и углубление психологических интересов и большую тонкость приёмов анализа» (с. 329), «Карамзин, ученик Ричардсона, Руссо и Гёте, как психолог стоит неизмеримо выше своих русских предшественников» с. 492), описания (природы): «Только впоследствии, в романах Лафайет... проявляется понемногу Naturgefühl» (с. 332). Приведу ещё один, последний пример характеристики романа («Приключения Телемака» Ф. Фенелона), значимый для Скафтымова: «Перед нами – *roman regulier*¹, в том духе, как понимал его Huet. Кроме того, по идее, это целый трактат морали и политики... по содержанию – это роман “мифологический”, по целям – “*roman d’education*”², и в то же время, / злая сатира на французскую действительность. Главным образом, эта последняя черта и создала у современников шумный успех этой произведению» / (подчёркнуто, выделено, с. 334).

Первая отдельная, специальная, большая статья А. П. Скафтымова, посвящённая роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с подзаголовком «Его идеологический состав и общественное воздействие», была опубликована в 1926 г. в сборнике «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания». Как отмечал автор, в её состав вошли: «1) публичная речь, произнесённая в заседании Саратовского университета 29.X.1924 года, и 2) доклад, прочитанный в заседании Нижне-Волжского областного научного общества краеведения 9.XI.1924 г.»³

Логика и структура статьи полностью раскрывают принципы анализа романа Чернышевского как идеологического, общественно-го, тенденциозного. В первых двух разделах автор знакомит читателя с предысторией романа, его созданием в «одиночной камере Алексеевского равелина» (с. 93), «хронологический промежуток – 4-го декабря 1862–4 апреля 1863 года» (с. 94), публикацией в «Современнике» (№ 3–5, 1863 г.) (с. 96) и цензурной историей. «Во всяком случае, если цензура делала поправки, то малосущественные», – завершал Скафтымов 2-й раздел, уточняя в сноске: «Мелкие выпавшие места...»

¹Роман регулярный, правильный.

²«Роман воспитательный».

³Скафтымов, А. Роман «Что делать?»: (его идеологический состав и общественное воздействие) // Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926. С. 92. Далее ссылки на это издание в тексте даны в скобках с указанием страниц курсивом.

нисколько не меняют, не усиливают и не смягчают суммы идейного содержания романа» (с. 96). Третий раздел как раз и показывает эту «сумму философии романа»: «Вся сумма философии романа, весь смысл его фигур обнимает некую энциклопедию общепсихологических, этических и социальных принципов, указывающих определённые правила жизни» (с. 98). По Скафтымову, роман Чернышевского – «энциклопедия жизни», т. е. русская жизнь этого времени видна / раскрывается / понимается в зеркале данного романа. Учёный сосредотачивается на выявлении авторских «правил жизни»: «Главное из них – “рассудительность”, умение разобраться в видимых противоречиях жизни и понять “разумную выгоду”» (с. 98). «Весь положительный, призывный идеал романа, – пишет А. П. Скафтымов, – ищет своего оправдания в покоряющей обаятельности простой непредубеждённой логики мысли и “выгоды”» (с. 99).

Скафтымов, утверждающий телеологический принцип в филологии, отмечает: «Роман несомненно имел учительные этические цели... Роман одновременно утопичен и реалистичен. Он даёт некое “изображение” жизни. Его смысловая идейная установка направлена явно к освещению своей общественной современности» (с. 99). Вместе с тем Скафтымов сразу же указывает и на *построение* романа, его конфликтную основу: «Роман построен на противопоставлении двух идеологических и в то же время бытовых категорий “старого” и “нового”. Это разделение образов, картин и идей на “старые” и “новые” само по себе указывает на некоторую историческую данность, в которой происходил переломный сдвиг» (с. 99–100).

Далее Скафтымов последовательно анализирует эти «два мира» (говоря языком XX века): «Старое олицетворено в фигурах Марьи Алексевны Розальской, её мужа, Михаила Ивановича Сторешникова и его матери, Соловцова (Жана), Полозова – отца и отчасти Сержа и Жюли» (с. 100). «В противовес старому, ложному и отживающему миру в романе поставлена молодёжь в лице Лопухова, Кирсанова, Рахметова, Веры Павловны и Кати Полозовой» (с. 103). «Их ролью в романе осуществляются и иллюстрируются принципы “свободы”, “трезвой рассудительности” и “разумной выгоды”» (с. 103), – отмечает Скафтымов и продолжает: «Главный сюжетный стержень: отношения к Вере Павловне сначала Лопухова, потом Кирсанова» (с. 104). «Целесообразность фигуры Рахметова в романе разъясняет сам автор» (с. 106), – указывает Скафтымов. И в конце раздела итожит: «Эпизодические лица романа в своём тематическом наполнении осуществляют те же идеологические функции, которые заложены в главных персонажах» (с. 107). «В соответствии с идеалами свободы и “разумной выгоды” построены и имеющиеся в романе картины социального порядка» (с. 107). «Конечное осуществление этих принципов равенства, братства и свободы рисуется в фантастической картине “Новой России”, в четвёртом сне Веры Павловны» (с. 107).

В четвёртом разделе статьи Скафтымов соотносит «наставительные стремления романа <...> с общими взглядами Чернышевского на смысл художественного творчества» (с. 108). Учёный указывает, что «Чернышевский усиленно подчёркивал именно практическую сторону» (с. 108) романа и вместе с тем, опираясь на «предисловие к роману» (с. 109, три отрывка), говорит о специфике / своеобразии художественности романа («“Все достоинства повести даны ей только её истинностью”», с. 109), авторском понимании своего «беллетристического таланта» (Скафтымов приводит цитату из письма Чернышевского к Е. Н. Пыпиной от 4 сент. 1863 г., в которой выделяет курсивом следующее: «Этого *мне* было уже довольно, чтобы писать вещи *хорошие*» с. 109).

Пятый раздел статьи органично сочетает обращение к «современным» достижениям, принципам «нравственных наук» («гедонистические воззрения Бентама и Милля»: «Психологическая интерпретация действующих лиц романа проходит соответственно этому “строгую научную методику”», с. 110) с автобиографическими истоками и идеями романа. Это «мысль о зависимости нравственных качеств человека от обстоятельств и общих условий его жизни» (с. 110), это «круг его социальных воззрений» («учение Сен-Симона, Фурье, Роберта Оуэна», с. 111): «третьей просветительной идеей... была идея женской эмансипации» (с. 111). И здесь наряду с «сочинениями Фурье, Консидерана», упоминаются «романы Жорж Санд» (с. 111), а также затрагивается «личный, автобиографический» аспект: «Вопрос о женской доле Чернышевскому всегда был особенно интимно близок» (с. 111), и Скафтымов прослеживает историю «юношеских увлечений» Чернышевского, сосредоточиваясь на Ольге Сократовне (с. 112–114).

В шестом разделе Скафтымов рассматривает проблему «реальных прототипов» (с. 114). Опираясь на мемуарную литературу, воспоминания современников, исследования, учёный анализирует различные версии в этой сфере (Лопухов и Кирсанов – доктор П. И. Боков и проф. И. М. Сеченов, Рахметов – Бахметев, Вера Павловна – Ольга Сократовна). Завершалась эта часть скафтымовской работы поэтически выразительно: «Вся идеальная сторона образа Веры Павловны, являясь воплощением мечты Чернышевского, очевидно, всё же связывалась с живыми порывами и стремлениями Ольги Сократовны, какие он в ней предполагал, а может быть, интимно видел» (с. 119). (Забегая вперёд, следует отметить, что эта часть анализа, связанная с линией Веры Павловны – Ольги Сократовны, неизменно вспоминалась / фиксировалась во всех последующих текстах о романе.)

Большое и важное место в общей концепции скафтымовской статьи занимают VII и VIII части, в которых говорится о «художественности» («художественной слабости», с. 119) и тенденциозности романа Чернышевского.

«Если отрицание всяких художественных достоинств романа и является преувеличением, то всё же в значительной части признания

автора совершенно справедливы» (с. 119) – вот основной посыл Скафтымова – честного читателя. «Роман имеет мало движения. Слабо выражен даже тот внутренний драматизм, который должен был бы неминуемо создаваться в конфликтных положениях отдельных персонажей. Фигуры романа лишены живой яркости, они схематичны и откровенно условны» (с. 119), – писал Скафтымов и отмечал: «Лучшей частью романа является его начало – жизнь Веры Павловны в семье и история её сближения с Лопуховым». «В дальнейшем роман всецело погружается в неприкрытую публицистику и отвлечённость» (с. 119).

Скафтымовское описание «художественной слабости» романа идёт во взаимодействии психологических, идеологических и композиционных линий анализа: «Роман не во всех эпизодах спаян единством действия и интриги» (с. 120); «Особенное загромождение развитие интриги получает вставленными четырьмя снами Вера Павловны, аллегорически поясняющими идеологический смысл лиц и событий» (с. 120); «В романе почти нет непосредственной художественной действительности» (с. 121); «Вещное, внешне зримое, у Чернышевского не даёт путей к внутреннему миру его лиц». «Его портреты лишены индивидуальной значимости» (с. 121); «психология лица не находит себе ясного обнаружения в самом построении» (с. 124); «Отсюда эти непрерывные разъясняющие самопризнания действующих лиц» (с. 124). Сравнивая «сны действующих лиц у Достоевского или Толстого» и у Чернышевского, Скафтымов отмечает: «У Чернышевского сон только аллегория, прямая, голая, нисколько не скрывающая в себе рассудительного автора» (с. 124).

Можно сказать, что все характеристики «художественности» Чернышевского явно идут у Скафтымова «в присутствии» Достоевского и Толстого. Например: «В романе много диалогов... В диалогах Чернышевского нет живого звучания непринуждённой беседы, в речах нет индивидуального лада взаимных реплик и вопросов» (с. 126–127); «Чаще всего диалогические сцены эвристически дебатуют какую-нибудь отвлеченную тему. Причём и здесь всюду вторгается менторская указка автора. Автор не представляет судить самому читателю» (с. 127).

«Роман “Что делать?” всегда упрекали в тенденциозности. Мы должны согласиться в справедливости этого упрека» (с. 129), – начинает Скафтымов VIII часть статьи и далее с опорой на большой материал (Толстой, Гончаров, Флобер, Мопассан, Чехов, Бальзак и др.) даёт свое понимание и «художественного произведения», и художественности / нехудожественности в её конкретном выражении.

Выводы Скафтымова сохраняют свою актуальность и сегодня: «Художественное произведение несёт совокупность своего тематического наполнения через обрисовку самих картин и образов. Логика, целостность и конечный смысл каждого из персонажей в отдельности и общий смысл и устремление целого обнаруживается в самом сопоставлении слагающихся звеньев. Поставленные рядом, обвешанные

непрерывной, скрытой эмоцией, лица, образы, эпизоды и картины, сами, непосредственно, одним взаимным соотношением ведут общую диалектику целого. Понимание психики здесь выливается в живом обнаружении всей глубины индивидуальных переживаний самих действующих лиц. Через созерцание и сопереживание их состояний, каждого в отдельности и всех вместе, раскрываются сами собою тематические линии замысла. Тема не существует вне рисунка и сама собою вырастает из эмоционально-художественного переживания непосредственно данной конкретности» (с. 132–133).

«В романе Чернышевского всё дано в логике отвлеченной мысли. Здесь всё высказано готовыми рассуждениями и отвлечённой схемой» (с. 133). «... Форма романа была для него лишь “прикрасой”, прикрытием, удобной обёрткой, в которой с наибольшей безопасностью (в цензуре) и успехом (у читателей) можно было провести его мысли, искавшие, в сущности, лишь публицистического обнаружения» (с. 133).

Последняя, IX, часть статьи раскрывает «общественное воздействие», «историческое значение» (по Сиповскому) романа Чернышевского «Что делать?». «Жизнь оправдала надежды Чернышевского. Художественная недостаточность не помешала роману “Что делать?” овладеть сознанием современников, проникнуть в их сердца и возбудить волю к делу» (с. 133). Эти три линии воздействия и проследживает Скафтымов далее, с опорой на свидетельства, воспоминания современников (Н. Страхов, Е. И. Щепкина, Е. Н. Ковальская, Л. Е. Оболенский, каракозвец П. Ф. Николаев и др.): «Во всех этих отношениях воздействие романа сливается с общим хором многоголосного исторического дня... Роман сделался учительной книгой... призывы романа быстро стали программными лозунгами, его картины и характеры превратились в практический план текущего дня» (с. 134). «Особенно заметно сказалось влияние романа в области женского движения» (с. 136). «Кроме всего этого, роман имел огромное общее морально-воспитательное значение» (с. 137). «Многое из теоретических построений романа отвесилось жизнью, – завершал А. П. Скафтымов свой труд 1926 года. – Тем не менее, его общественно-воспитательная миссия и до сих пор продолжается. Его общественный энтузиазм, его гимн труду, его призыв к просторам свободы, его критика обветшалых традиций – и до настоящего времени сохраняют свое вдохновляющее значение» (с. 140).

В 1920-е гг. А. П. Скафтымов пишет ещё одну работу – «Чернышевский и Жорж Санд», опубликованную в сборнике «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Незданные тексты, материалы и статьи» (под общей редакцией проф. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928. С. 223–243), которая ярко раскрывает ещё одну составляющую научной методологии автора – сравнительно-типологические принципы анализа художественного творчества писателей одного литературного века, в том числе исторической поэтики романного жанра. По-

казательно, что заявка этой темы прозвучала уже в статье 1926 г., посвященной роману «Что делать?»).

В первых двух разделах статьи Скафтымов связывает роль и место Жорж Санд («Среди учителей и вдохновителей Чернышевского одно из значительнейших мест занимает Жорж Санд» (2, 201)) в жизни Чернышевского с «признанием Жорж Санд среди русского интеллигентного общества» (2, 205), в русской литературе. Скафтымов приводит суждение В. Г. Белинского: «Явился Жорж Санд, – и роман окончательно сделался общественным, или социальным» (2, 207).

Следующие три раздела статьи (3, 4, 5) последовательно разворачивают сравнительно-типологическую методологию учёного в анализе идейной (идеал, пафос), мотивной, композиционной содержательности, художественности Чернышевского и Жорж Санд, сходства и различия романов «Жак» и «Что делать?».

«Скорее всего и ближе всего воздействие романов Ж. Санд сказалось на взглядах Чернышевского в области женского вопроса» (2, 211), – начинает Скафтымов третий раздел статьи и показывает далее сходство и различие «между тем и другим автором» (2, 212): «Пафос Ж. Санд заключается в прославлении и защите любви. Любовь в её творчестве выступает как главное дело жизни» (2, 212). «Чернышевский выдвигает на первый план повышение общего духовного развития женщины и главное – развития интеллектуального» (2, 212).

«Роман “Жак” из всех произведений Ж. Санд, по-видимому, был наиболее дорог и близок Чернышевскому. Он сознательно считал его программной вещью и образцом своего собственного поведения» (2, 213), – писал Скафтымов и выделял следующие черты сходства: «сюжетная концепция» («Сюжетная концепция романа “Что делать?” имеет очень большое сходство с романом “Жак”», 2, 213), поведение, линии героев («Оба романа дают сначала встречу героини с первым будущим мужем», 2, 214), «совпадения во второстепенных ситуациях» (2, 214), «мелких аксессуарах» (2, 215). Отмечает Скафтымов и различия романов: «В романе “Жак” не разработан мотив семейного гнёта» (2, 215) – «Чернышевский этому моменту уделяет очень много внимания» (2, 215); «Иное эмоциональное наполнение дано персонажам» (2, 215); «расхождения между супругами выливаются... в разные формы» (2, 216); «не совпадает и развязка» (2, 217). А. П. Скафтымов итожит: «То, что отличает один роман от другого, вытекает из различия идеологических устремлений» (2, 217): «У Чернышевского идея эмансипации связана с социальной проблемой. Для Ж. Санд это проблема – индивидуального порядка» (2, 218). Исходя из «идеологических устремлений», «основной организующей мысли» (2, 219) писателей, Скафтымов пишет далее о «своеобразном наполнении в художественных аксессуарах» (2, 219): изображении быта, психологическом рисунке («Ж. Санд игнорирует быт в идейной концепции романа, а следовательно, и в художественном рисунке», 2, 220), «общем пафосе

и тоне рассказа» (2, 220), «изображении портрета» (2, 221), «моментах природы» (2, 222). Скафтымов приходит к выводу: «Приёмами Ж. Санд он (Чернышевский. – А. В.) пренебрегал. Ему импонировала новая реалистическая манера» (2, 223), английский роман (Диккенс, Теккерей, 2, 225).

В пятом, небольшом разделе статьи Скафтымов сосредоточился на «практических перспективах» романа, вытекающих из «социалистического идеала» писателя (2, 227). «Практической постановкой вопроса о социализме роман “Что делать?” отличается не только от романа Ж. Санд, но вообще является исключением среди социалистической беллетристики» (2, 228), – отмечал Скафтымов. В последнем, шестом разделе статьи учёный обратился к «самой личности», биографии Жорж Санд в восприятии Чернышевского, к его работе над мемуарной «Историей моей жизни» Ж. Санд. Вполне закономерным представляется заключение Скафтымова: «Как и Белинский, Чернышевский тогда уже знал, что Жорж Санд будет принадлежать историческая заслуга начинательницы социального романа» (2, 234).

В 1929 г. выходит статья А. П. Скафтымова «О реализме и сентиментализме “Путешествия” Радищева (К 125-летию со дня смерти А.Н. Радищева)», которая в издании 1958 г. получила заглавие «О стиле “Путешествия из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева». В работе присутствуют прямые ссылки на «Очерки из истории русского романа» В. Сиповского (2, 18, 33) и вместе с тем многомерное, творческое использование его методологии в исследовании русского романа XVIII в., по сути, характеристика «художественной формы» «Путешествия» как жанрово-стилевой формы XVIII в., обусловленной публицистическими целями и задачами писателя: «Вся текстуальная структура указывает на публицистические цели» (2, 10); «Наполнение и композиционно-стилистическое оформление “Путешествия” определялось целями публицистического воздействия на читателя в сторону побуждения его воли к изменению существующего государственного и бытового порядка в России» (2, 42); «При этом преобладающий и подавляющий круг стилистических средств Радищевым целиком взят из традиционного запаса классической риторики и дидактики середина XVIII века» (2, 43).

Потом в работах А. П. Скафтымова о Н. Г. Чернышевском и его романе «Что делать?» возникают коррективы, обусловленные и временем, и уточнением акцентов в методологических позициях учёного. Характерными можно считать следующие скафтымовские публикации 1939 г.: статья «Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости» (Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939. С. 210–252), книга «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского» (Саратов, 1939. С. 67–77), комментарии «К журнальной редакции “Что делать?”», «Примечания в XI томе Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского» (М., 1939. Подготовка текста и комментарии

Н. А. Алексеева и А. П. Скафтымова. С. 702–711, 711–720). Показательной представляется соответствующая часть статьи «Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости». Это содержательное воспроизведение основных разделов статьи 1926 г. (без двух критических, о художественности и тенденциозности романа) с усилением современных идеологических, революционных и социалистических акцентов. «По яркости и полноте изображения, по широте социального захвата из всего написанного в крепости первое место, безусловно, принадлежит роману “Что делать?”» (2, 239, 2-й раздел); «Роман “Что делать?” замечателен правдивым воспроизведением общественного конфликта между людьми старого, отживающего мира и людьми новыми из демократических кругов, сторонниками нового материалистического и революционного отношения к жизни» (2, 243, 3-й раздел); «В литературной традиции своего времени роман “Что делать?” занимает исключительно важное место, как особый этап в развитии метода художественного реализма» (2, 254, 4-й раздел); «В русской литературе XIX века не существует другого литературного произведения, которое по силе общественного воздействия могло бы сравниться с романом “Что делать?”» (2, 259, 5-й раздел). В соответствующих разделах Скафтымов ссылается на свои статьи 1926 г. и 1928 г. (2, 252, 258).

Краткая, ёмкая характеристика романа Чернышевского «Что делать?» с акцентом на идейное содержание и общественное воздействие предлагалась в книге Скафтымова «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского» (1939 г., раздел VIII. С. 67–75; 1947 г., раздел «Чернышевский в Петропавловской крепости. С. 58–68). Причём во втором издании, в разделе «Библиография» (С. 86–102), Скафтымов привел свои публикации романов «Пролог» и «Что делать?» и пять печатных работ о Чернышевском.

Таким образом, в цикле¹ работ А. П. Скафтымова о Чернышевском роман «Что делать?» занимает стержневое положение, а его историко-литературное прочтение, исследовательская интерпретация полно раскрывают скафтымовские принципы анализа русского идеологического романа, и первую статью 1926 г. можно считать в этом контексте классической.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демченко, А. А. Н. Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова / А. А. Демченко // Скафтымовские чтения: сб. науч. тр. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993.

¹См.: «Труды А. П. Скафтымова, связанные с литературой XIX века, удивительно “цикличны”» (Покусаев, Е., Жук, А. А. П. Скафтымов // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 21).

Демченко, А. А. Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский / А. А. Демченко. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2014.

Сиповский, В. В. Очерки из истории русского романа / В. В. Сиповский. Санкт-Петербург : [Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд»], 1909. Т. 1, вып. 1: (XVIII век).

Скафтымов, А. Роман «Что делать» (Его идеологический состав и общественное воздействие) / А. Скафтымов // Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов : Издание Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, 1926.

Скафтымов, А. Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках / А. Скафтымов ; сост. Е. Покусаев ; вступ. ст. : Е. Покусаев, А. Жук. Москва : Художественная литература, 1972.

Скафтымов, А. П. Поэтика художественного произведения / А. П. Скафтымов ; сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов ; вступ. ст. В. В. Прозоров. Москва : Высшая школа, 2007.

Скафтымов, А. П. Собр. соч. : в 3 т. / А. П. Скафтымов; сост. : Ю. Н. Борисов, А. В. Зюзин. Самара : Век #21, 2008.

Н. В. Новикова

ДЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ: Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ПРОФЕССОРА Е. П. НИКИТИНОЙ

Евгения Павловна Никитина (1926–2013) – доктор филологических наук, профессор, на протяжении двадцати лет руководитель кафедры истории русской литературы и фольклора филологического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Её научно-педагогические интересы напрямую с изучением Н. Г. Чернышевского связаны не были: более полувека Евгения Павловна блистательно читала лекции о Пушкине и литературе его времени, вела «пушкинский» спецсеминар и одной из первых среди вузовских преподавателей начала заниматься поэзией наследников «чудесного гения» – А. Блока, Н. Гумилёва, С. Есенина, Н. Клюева, А. Ахматовой, М. Цветаевой¹.

Однако для меня совершенно очевидно, что обращение Е. П. Никитиной к личности и творчеству Н. Г. Чернышевского было подготовлено всем ходом её студенческо-аспирантской и преподавательской жизни благодаря знакомству с «личностью учёного и педагога»² А. П. Скафтымова, чей курс истории русской литературы, а затем спецкурс по истории русской критики она прослушала. На филфаке университета Евгения Павловна с 1944 г., по окончании его она

¹См.: Никитина Евгения Павловна // Литературоведы Саратовского университета, 1917–2009 : материалы к биографическому словарю. Саратов, 2010. С. 153–157.

²Никитина, Е. П. Введение // Методология и методика преподавания русской литературы и фольклора : учёные-педагоги саратовской филологической школы. Саратов, 1984. С. 16.

стала скафтымовской аспиранткой. Будучи доктором наук, профессором, отдавая дань уважения своему наставнику, она отметит, что «уже в тридцатые годы» А. П. Скафтымова «знали как автора талантливых, отличающихся тонким мастерством филологического анализа работ о Достоевском и Толстом, как авторитетнейшего знатока текстов Чернышевского и глубокого исследователя его творчества»¹. То, что к «середине 1950-х годов» ведущие литературоведы начинают усматривать в работах саратовских филологов «принципы единой научной школы», Евгения Павловна объясняет опять-таки весомым вкладом своего учителя: скафтымовским постижением личности и судьбы, исследованием «текстов» знаменитого соотечественника-земляка. «Такое признание было заслужено, прежде всего, трудами Скафтымова о русской классике, его многолетним успешным изучением творческого наследия Н. Г. Чернышевского, работой по изданию Полного собрания сочинений писателя»², – подчёркивает Е. П. Никитина.

Исследовательские принципы А. П. Скафтымова, сложившиеся в ходе изучения им Н. Г. Чернышевского, характерные правила его научно-педагогического труда отзовутся в работе тех, кого он воспитал. Важно и то, что «учёный сплотил на кафедре многих учеников и последователей», которым удалось «успешно продолжать начатое»³. Особое место среди них занимает Евграф Иванович Покусаев, скафтымовский аспирант предвоенной поры, фронтовик, преемник на посту заведующего кафедрой, по ёмкому определению Евгении Павловны – «продолжатель дела А. П. Скафтымова»⁴. Знаменательное обстоятельство: в 1945 г. Е. И. Покусаев, объявив первый набор легендарного впоследствии спецсеминара, становится научным руководителем первокурсницы Евгении Никитиной⁵.

Притягательность личности Н. Г. Чернышевского, подтверждённая авторитетом научного руководителя, щедриноведом Е. И. Покусаевым, ощущается и осмысливается сполна. Занятий Н. Г. Чернышевским он не оставляет на протяжении всей жизни. В 1953 г. в Саратове выходит из печати его «критико-биографический очерк» о писателе-

¹Никитина, Е. П. Введение // Методология и методика преподавания... С. 6. Ставшие литературоведческой классикой скафтымовские статьи об А. П. Чехове в эту характеристику не вошли, так как увидели свет только в 40-е гг.

²Там же. С. 8–9.

³Демченко, А. А. Чернышевский и университет // Ленинский путь. 1978. 23 июня (№ 22 (1454)).

⁴Никитина, Е. П. Введение // Методология и методика преподавания... С. 9.

⁵Мне доводилось держать в руках её дипломную работу о стихотворных жанрах на страницах «Отечественных записок». Она охватывает весь комплект журнала некрасовско-щедринского периода (с 1868-го по 1884-й г.) и занимает 96-страничную общую тетрадь: привычка к основательности исследовательского труда – добротности, как любил говорить Е. И. Покусаев, – прививалась с самого начала и усваивалась на всю жизнь. По словам Евгении Павловны, научный руководитель «был озабочен прежде всего выработкой методологических принципов исследования» (Евграф Иванович Покусаев // Методология и методика преподавания ... С. 213).

демократе, впоследствии переиздававшийся, в частности, и в Москве. Рассматривая личностно-творческий мир своего героя, автор опирается на традиции научного изучения Н. Г. Чернышевского, заложенные А. П. Скафтымовым. В 1958 г., вскоре после защиты докторской диссертации, Е. И. Покусаев включается в работу по организации широкомасштабной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, а вслед за этим, сначала совместно с А. П. Скафтымовым и Ю. Г. Оксманом, на протяжении почти двадцати лет занимается редактированием сборника статей «Н. Г. Чернышевский. Исследования и материалы». Подготовка мероприятий, посвящённых 150-летию со дня рождения писателя, происходит уже после кончины Е. И. Покусаева, когда руководство кафедрой переходит к Е. П. Никитиной. Начатые близкими ей по духу предшественниками изучение и пропаганда наследия Н. Г. Чернышевского в университете его имени получают достойное продолжение.

По-особому значительным было «создание общеуниверситетского научно-методического кабинета» – формы изучения Н. Г. Чернышевского, «реализованной по инициативе профессора Е. П. Никитиной»¹. Как писала она сама, «специальный кабинет по изучению творческого наследия Н. Г. Чернышевского при кафедре русской литературы Саратовского государственного университета появился благодаря счастливым обстоятельствам на перекрёстке двух юбилеев – 150-летия со дня рождения писателя и 70-летия Саратовского университета»². В связи с этими «обстоятельствами» «была определена основная тема экспозиции: “Саратовский университет и Николай Гаврилович Чернышевский”, в соответствии с которой подбирались материалы, рассказывающие об истории открытия университета и присвоения ему имени Чернышевского, об изучении наследия знаменитого саратовца на кафедрах филологического и исторического факультетов»³.

По прошествии времени Евгения Павловна с чистым сердцем могла признать, что «кабинет Н. Г. Чернышевского, создаваемый в юбилейные годы в целях “ритуально-мемориальных”, был организован как содержательное звено в научно-педагогической работе»⁴. Тематическое распределение собираемых для кабинета материалов продумывалось таким образом, чтобы их можно было «включить в общий комплекс научно-исследовательской, учебной и воспитательной работы со студентами»⁵. Экспозиция материалов была развёрнута

¹Демченко, А. А. Краткий очерк изучения Н. Г. Чернышевского в Саратовском университете // Демченко, А. А. Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский. Саратов, 2009. С. 30.

²Никитина, Е. П. Научно-методический кабинет по изучению творческого наследия Н. Г. Чернышевского // Филология : науч. сб., посвящённый памяти Анатолия Михайловича Богомолова. Саратов, 1996. Вып. 1. С. 12.

³Там же. С. 12.

⁴Там же. С. 14–15.

⁵Демченко, А. А. Краткий очерк изучения Н. Г. Чернышевского... С. 30.

по научным и учебным темам: «Гражданский подвиг Чернышевского», «Чернышевский и русская литература», «Чернышевский на каторге и в ссылке», «Изучение Чернышевского в Саратове», «Чернышевский на сцене саратовских театров». Стендам, витринам, особенно «запасникам» «кабинета-музея», как определяет его профиль Евгения Павловна¹, могло позавидовать любое заведение системы высшего образования. Пожалуй, он уникален. «Нам не приходилось слышать о существовании где-либо студенческого музея»², – уточняет его создательница.

Задуманный, в первую очередь, для студентов, кабинет становится своеобразным центром сосредоточения, хранения и использования в учебном процессе, в экскурсионном деле всего, что было накоплено саратовскими деятелями науки и культуры за многие годы работы, посвящённой увековечиванию имени знаменитого земляка. Возможности специального кабинета позволяют экспозиционно лаконичными средствами, наглядно и при этом содержательно точно воссоздать веки судьбы Н. Г. Чернышевского, воспроизвести наиболее важные страницы его творческой биографии в контексте литературно-журнальной и общественной жизни. Кульминационную роль здесь играет стенд с фотоматериалами, в 1977 г. привезёнными группой студентов-филологов во главе с А. А. Демченко из экспедиции «по местам сибирской каторги и ссылки Н. Г. Чернышевского». Представим себе гражданственно-педагогическое воздействие, которое оказывает на молодых такой видеоряд.

Не меньшее по силе впечатление, хотя и другого рода, возникает у студентов при знакомстве со «специализированной библиотекой, составившейся из личных книг А. П. Скафтымова, Н. А. Алексева, Е. И. Покусаева, рукописей исследователей, книг с дарственными надписями»³. Исключительное значение имеет то, что все эти книги и рукописные материалы, в том числе и записи лекций профессора А. П. Скафтымова, – экспонаты музейно-архивного профиля – предназначаются студентам, которым обеспечивается максимальный доступ к достижениям академической науки и создаётся атмосфера, вызывающая преклонение перед личностью труженика, радателя о благе Отечества, благородного, любящего, мужественного, негнибемого человека.

По замыслу создателей кабинета-музея (кроме себя, Евгения Павловна называет А. А. Демченко и Г. И. Щербакову) его «разнооб-

¹Никитина, Е. П. Научно-методический кабинет... С. 13, 14.

²Там же. С. 13.

³Демченко, А. А. Краткий очерк изучения Н. Г. Чернышевского... С. 30. Среди этих книг «Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского» в 16 томах, роман «Что делать?» издания 1970-х годов в переводе на итальянский язык – дар переводчицы, преподавательницы Флорентийского университета Анны Риты России, серия сборников «Н. Г. Чернышевский. Исследования и материалы», научная биография Н. Г. Чернышевского, созданная А. А. Демченко, монографии отечественных и зарубежных специалистов по Н. Г. Чернышевскому.

разные материалы» должны были внушать «целостное представление о личности великого подвижника науки»¹. Концептуальному назначению кабинета соответствует его профессиональное, грамотное, с должным тактом и тонким вкусом оформление, способствующее тому, чтобы «умом и сердцем» проникнуться увиденным. Создание и исправное функционирование оригинального жизнеспособного организма – результат нравственно-созидательных побуждений, узнаваемо-творческих усилий, наконец, организаторских способностей и практических навыков прежде всего Е. П. Никитиной. Сделанное даёт ей «право утверждать, что кабинет Чернышевского имеет своё собственное, только ему присущее предназначение»².

Торжественное открытие кабинета состоялось в канун 18 мая 1978 г. Уже 23 июня в специальном номере университетской газеты «Ленинский путь», целиком посвящённом этой юбилейной дате, помещается заметка, которая позволяет совершить заочную экскурсию по новому кабинету³. Курировать его деятельность Евгения Павловна будет в течение всего времени существования этого учебного «подразделения». О назначении, задачах, специфике его работы она будет выступать на конференциях в Саратове, в Московском и Нижегородском университетах, в Вологодском пединституте, ратуя за внедрение в практику вузовского преподавания оправдавшую себя форму. Это стало тем более актуальным, жизненно важным в условиях перестройки высшей школы, болезненно отражавшейся на ведении предметов гуманитарного цикла. Евгении Павловне не требовалось доказательств того, что «подготовка специалиста не терпит унификации, и учёт психолого-педагогической ситуации, интеллектуального потенциала каждого студента, стремление к максимальному результату совершенно необходимы. В кабинете кафедры более комфортен диалог <...> можно дать студенту в руки малотиражированные и уникальные материалы и, самое главное, – научить его что-то делать своими собственными руками, проявить свою научную инициативу»⁴. Н. Г. Чернышевский – энергичный работник просвещения – призывается в помощь.

Следует остановиться ещё на нескольких фактах деятельного участия Е. П. Никитиной в разработке одной из магистральных для университета тем, связанной с осмыслением «заглавной» его фигуры. В составе материалов юбилейного номера «Ленинского пути» выступление Е. П. Никитиной с красноречивым заголовком «Его имя принад-

¹Никитина, Е. П. Научно-методический кабинет... С. 19.

²Там же.

³См.: Хромова, И., Щербакова, Г. «За себя самого я совершенно доволен...» // Ленинский путь. 1978. 23 июня (№ 22 (1454)).

⁴Никитина, Е. П. Научно-методический кабинет... С. 18.

лежит истории»¹. Сообщая об открытии в доме-музее Н. Г. Чернышевского «новой мемориально-бытовой экспозиции», расценивая её как «большое событие общественного, культурного и научного значения», автор заметки акцентирует внимание на давнем и плодотворном сотрудничестве учёных университета и музейщиков: «С момента своего основания Дом-музей стал хорошо оснащённой лабораторией научного изучения Чернышевского» (с. 3).

Перед читателем разворачивается своеобразный экскурс в историю творческих контактов, приводятся широко известные имена зачинателей, продолжателей дела: М. Н. Чернышевский, Н. М. Чернышевская, А. П. Скафтымов, Е. И. Покусаев, когорта саратовских историков и краеведов. Однако приличествующее моменту «подведение итогов большой исследовательской работы по Чернышевскому» (с. 3) наполняется живым, лично окрашенным смыслом. Для Евгении Павловны чрезвычайно важно то, что специалистам редкостного дерзновения и дарований было присуще «артельное» мышление. Это характерное покусаевское определение, любимое ей, не звучит в оценке впечатляющих плодов совместных многолетних усилий, но критерием этой оценки, безусловно, является следующее: «Мы говорим о сотрудниках Дома-музея и Научной библиотеки, об учёных кафедр университета и пединститута как о едином коллективе» (с. 3).

Работа саратовских чернышевсковедов была лишена какой бы то ни было замундиренности, формализма – примет времени строгих идеологических установок. В полной мере это подтверждает их отношение к подготовке и проведению праздничных мероприятий. Свидетельство, что называется, из первых уст: «Юбилейный 1978 год – год радостный и ответственный. Летом и осенью Саратов будет встречать гостей – почитателей Чернышевского. Кафедра русской литературы подготовила группу студентов-экскурсантов для музея. Надеемся, что они достойно выдержат этот экзамен» (с. 3).

Любопытное совпадение: в день выхода юбилейного номера университетской газеты подписывается в печать переиздание известных работ Н. Г. Чернышевского о русских писателях². Составитель и автор предисловия Е. П. Никитина³. В действительности это книжка-малютка размером в пол-ладони, но поскольку адресуется она самому

¹См.: Никитина, Е. П. Его имя принадлежит истории // Ленинский путь. 1978. 23 июня (№ 22 (1454)). С. 3. Далее цитируется с указанием в тексте страниц в круглых скобках.

²См.: Чернышевский, Н. Г. О русских писателях. Саратов, 1978. 160 с. Переиздание этой книги придётся на столетие со дня смерти критика-демократа. Меняются адресат и, сообразно ситуации, состав статей Н. Г. Чернышевского из его обширного литературно-критического наследия, а также основные положения и в целом пафос всё того же предисловия к ним (см.: Чернышевский, Н. Г. О русских писателях : учеб. издание : кн. для чтения с комментарием на английском языке. М., 1989. 160 с.).

³См.: Никитина, Е. П. Чернышевский о русских писателях // Чернышевский, Н. Г. О русских писателях. С. 5–12. Далее цитируется с указанием в тексте в круглых скобках страниц курсивом.

широкому читателю (тираж в 10 000 экземпляров даже по тем временам более чем внушительен), формат имеет значение: потенциальным покупателям и читателям книжицу захочется взять в руки. Отбирая всего три статьи – об А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом и И. С. Тургеневе, – составитель выполняет скромную, на первый взгляд, задачу: познакомить рядового читателя с размышлениями критика об отечественной классике.

Надо полагать, делается это и с образовательной, и с просветительской целями. В характере Евгении Павловны очень крепким было учительное (учительское!) начало, и чаще всего именно оно давало импульс её исследовательским студиям, её «производственно-деловым устремлениям.

Предисловие к книге убеждает в справедливости сказанного. С первых строк рисуется портрет человека, «многогранная творческая работа» которого – «содействовать развитию общественной активности и нравственности» (с. 5). Читатель получает мощный эмоциональный посыл: перед ним человек небывалой силы духа, видевший смысл жизни в служении идеалам добра и справедливости, ни при каких обстоятельствах не изменивший своим убеждениям. В таком ключе раскрывается далее всё сопряжённое с гуманистической деятельностью Н. Г. Чернышевского-критика.

На нескольких страницах Евгении Павловне удаётся лаконично, крупно, и в то же время касаясь деталей, при этом живым, т. е. незасушенным, языком (а такая опасность наступала многих), очертить и существо «общественно-литературного движения» 1850–1860-х годов, и место в нём «Современника», и критерии рассмотрения им «литературной деятельности <...> предшественников и современников» (с. 7). Ссылаясь на диссертацию обретающего свой голос критика, Евгения Павловна говорит о его «идейной позиции», в частности, как будущего создателя романа о «новых людях»: она – в «активном отношении художника к изображаемой им действительности» (с. 6). В связи с этим закономерно обращение профессора к «Очеркам гоголевского периода русской литературы». Первостепенно важным, по Н. Г. Чернышевскому, что и отмечает Евгения Павловна, является «чистый патриотизм» (с. 7) критики того «периода». Автор вступительной статьи приводит его концептуально значимый отзыв об этом: «Любовь к благу родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея – пафос всей её деятельности. В этом пафосе и тайна её собственного могущества» (с. 8). Вне всякого сомнения, «единственная страсть», владеющая душой и сознанием последователя В. Г. Белинского, высвечивается Евгенией Павловной ещё и потому, что отвечает её пониманию задачи такого рода деятельности – воспитания гражданина.

Глубинно оправданным в таком случае становится обращение составителя к поистине призывному труду Н. Г. Чернышевского «Алек-

сандр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения». Критик, будучи прирождённым педагогом, цель своей книги видит в том, чтобы «служить для юношества началом знакомства с великим русским поэтом»¹. Чтобы это знакомство по-настоящему состоялось, он отдаёт «предпочтение фактам, рельефно представляющим трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина»². Такое признание, как и всё содержание книги, по мнению Евгении Павловны, «напоминает нам о Чернышевском – педагоге, учёном, просветителе» (с. 8). Профессор Е. П. Никитина берёт в союзники того, кто «воспитательную роль литературы <...> ставил очень высоко, нравственное воздействие её на сердце человеческое считал несравнимо значительным» (с. 8). Для такого союзничества не может быть срока давности. Евгения Павловна отмечает, что в «благодарном чувстве» к А. С. Пушкину за «распространение образованности и просвещения в широких кругах русского общества», в «истинном вдохновении» отношения к поэту «просматривается личность самого Чернышевского», и тут же поясняет: «Умственные занятия, чтение, писание были страстью, наслаждением для Чернышевского до последних дней его жизни» (с. 9). Разговор на тему «Поэт в восприятии критика» завершается солидарно с Н. Г. Чернышевским: «Наше современное знание о Пушкине ушло далеко вперёд, но размышления критика о благотворном влиянии на человека гения Пушкина и сегодня вдохновляюще поучительны» (с. 9).

Говоря о феномене литературной критики Н. Г. Чернышевского, отразившемся в его отношении к творчеству маститых и начинающих писателей круга «Современника», автор предисловия закономерно возвращается к истокам литературно-критического пути своего героя и находит органичное явление объяснение: секрет с «самого начала» заключается в тяготении к «живой критике», которую «может писать только живой человек, т. е. способный проникаться и энтузиазмом, и сильным негодованием...» (с. 10). Совершенно очевидно, что такой подход к делу по-человечески импонирует Евгении Павловне и подталкивает её отозваться об «уничтожающей иронии», с которой Н. Г. Чернышевский относился «ко всякому стереотипу мышления, к давлению авторитетов, к расхожим и банальным мнениям» (с. 10). Второй план чувствуется и в суждении не от противного: «Он высоко ценил новизну, самостоятельность, самобытность таланта и умел заметить эти качества в самый момент их возникновения» (с. 10). Высказанное обуславливает мысль о «глубине эстетических оценок Чернышевского», которая «проверена временем», о «пророческом слове» (с. 10) критика, произнесённом по поводу художественного метода Л. Н. Толстого, тогда – новичка в литературном цехе.

¹Чернышевский, Н. Г. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения. Предисловие издателя // Чернышевский, Н. Г. О русских писателях. С. 15.

²Там же. С. 15.

Евгения Павловна считает своевременным остановиться ещё на одном «ценнейшем качестве» (с. 11) литературной критики Н. Г. Чернышевского – на её публицистичности. Независимо от «тысячелетия на дворе» читателю надлежит приобщаться к осмыслению и разрешению общественно острых вопросов. «Образцом органического сочетания эстетического и публицистического подходов к анализу произведений искусства» (с. 11) составителю видится статья «Русский человек на rendez-vous». Она, с точки зрения Е. П. Никитиной, как нельзя лучше свидетельствует о внутренней готовности Н. Г. Чернышевского «с особой полемической силой прокламировать гражданскую целенаправленность литературной критики, её способность активно воздействовать на формирование передового общественного сознания» (с. 11). На примере повести И. С. Тургенева «Ася», как подчёркивает Евгения Павловна, «критик-демократ», ценитель таланта, «всегда чутко отражавшего живые потребности времени», «тонко постигает своеобразие психологического реализма писателя, проверявшего общественную ценность своих героев через их способность к самоотверженной любви» и здесь же «раскрывает социальную общность всех “лишних людей”», рассматривая их как единый социально-психологический тип» (с. 12).

Е. П. Никитина являет читателю гражданственный, духовно-нравственный срез литературной критики Н. Г. Чернышевского, воссоздавая достоверное представление о пафосе критических откровений, отмеченных печатью его неггибаемой личности.

В 1984 г. под редакцией профессора Е. П. Никитиной выходит в свет коллективная монография «Методология и методика изучения русской литературы и фольклора», обобщающая богатый опыт исследовательской работы «учёных-педагогов саратовской филологической школы» и дающая «представление о большом значении нравственного воздействия учителя на ученика в процессе обучения и общения»¹. Эта книга давно стала библиографической редкостью. Во введении к ней Евгения Павловна по достоинству оценивает вклад А. П. Скафтымова и Е. И. Покусаева в создание и развитие «школы», во главу угла ставя их непрерывающуюся работу по изучению и пропагандированию творческого наследия Н. Г. Чернышевского. Евгения Павловна, возглавившая коллектив, унаследовала от учителей серьёзную озабоченность сбережением памяти о писателе-земляке, человеке, не сломленном испытаниями. Этим, по всей видимости, объясняется распределение материала в структуре монографии: редактор счёл необходимым первые страницы отвести главе об изучении Н. Г. Чернышевского в университете его имени². Хронология монографического изложения нарушается, но логика его исторически справедлива.

¹Никитина, Е. П. Введение // Методология и методика преподавания... С. 16.

²Демченко, А. А. Изучение Чернышевского в университете имени Чернышевского... С. 18–34.

Повторюсь: через четверть века Адольф Андреевич Демченко посвятит монографию заявленной им прежде и действительно заглавной здесь теме, ставшей сквозной в его наполненной исследовательской жизни. По его просьбе мне посчастливилось передать эту книгу – «Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский» – в подарок Евгении Павловне. Живое помню его трепетное отношение к ней, волнение в ожидании строгого суда, а также замечательную реакцию Евгении Павловны по прочтении: она была предельно довольна тем, что работа завершена, что книга хороша, и искренне рада успеху своего коллеги, в котором уважала великого труженика и редкого специалиста. Знаю, что она по горячим следам даже записала свои впечатления и сообщила о них Адольфу Андреевичу сначала по телефону, а потом при встрече. Думаю, что для него такое сердечное восприятие книги человеком скафтымовско-покусаевской выучки было дорожно заслуженного признания на стороне.

Кстати говоря, исходный вариант главы о А. П. Скафтымове в монографии, превосходящей все остальные по объёму, – «Н. Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова» – печатается в сборнике материалов первой конференции, посвящённой столетию со дня рождения учёного¹. Первые Скафтымовские чтения, состоявшиеся в нашем университете в 1990 г., обязаны самой идеей и фактом своего появления прежде всего Е. П. Никитиной. Она была двигателем этого многотрудного дела, старалась предусмотреть всё, вплоть до бытовых «мелочей». Примечательно, что мемуарная часть конференции проходила в стенах дома-музея Н. Г. Чернышевского.

Краткий очерк А. А. Демченко перекликается с узловой статьёй Е. П. Никитиной, открывающей сборник, о научно-педагогическом наследии её учителя². Рассмотрение чернышевсковедом точно обозначенного вопроса – своеобразное дополнение, конкретизация «всеобъемлюще» заявленной в программе темы: «Проблемные секции нашей конференции соответствуют различным полюсам научных интересов Александра Павловича: фольклористика, история литературы и не ограничивающиеся историко-литературными аспектами биографические, текстологические, комментаторские работы по Чернышевскому» (1993, с. 5).

Евгения Павловна испытывала чувство глубокой благодарности к тем, кто вместе с ней включался в работу на пользу университету. С огромным уважением и сердечным теплом относилась она к Анатолию Михайловичу Богомолу, ректору университета, «при непосредственном содействии которого»³ достойно воплотились грандиозные

¹ Демченко, А. А. Н. Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова // Скафтымовские чтения. Саратов, 1993. С. 57–61.

² Никитина, Е. П. Научно-педагогическое наследие А. П. Скафтымова и современные проблемы гуманитарного образования // Скафтымовские чтения. С. 5–11. Далее цитируется с указанием в тексте года издания и страниц в круглых скобках.

³ Никитина, Е. П., Прозоров, В. В. Слово к читателю // Филология... С. 4.

юбилейные планы 1978 г.¹, Скафтымовские чтения 1990 г., последующее издание сборника их материалов. Физик по специальности, доктор технических наук, он был единомышленником, сторонником, помощником, «отлично понимал, что университет по праву должен быть центром гуманитарного просвещения, высокой филологической культуры и в своём родном городе, и в Поволжском регионе, и в масштабах России...» (1995, с. 5).

Бесспорно, «присвоение университету имени обязывало к постоянному изучению и пропаганде жизни и творчества писателя-демократа»². На университетском филфаке это никогда не выливалось в некую кампанию, в дежурный набор мероприятий, сиюминутных акций. Тот, кто принимался за увлекательное «изучение и пропаганду», обладал чувством повышенной ответственности. Профессор Евгения Павловна Никитина считала себя «мобилизованной и призванной» продолжать дело «учёных-педагогов» пройденной ей школы и достойнейшим образом выполнила внутренние обязательства перед студентами и коллегами-преподавателями, перед университетом, с которым было связано без малого семьдесят лет её жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демченко, А. А. Чернышевский и университет / А. А. Демченко // Ленинский путь. 1978. 23 июня (№ 22 (1454)).

Демченко, А. А. Изучение Чернышевского в университете имени Чернышевского / А. А. Демченко // Методология и методика преподавания русской литературы и фольклора : учёные-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984.

Демченко, А. А. Н. Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова / А. А. Демченко // Скафтымовские чтения : материалы науч. конф., посвящённой столетию со дня рождения А. П. Скафтымова, 23–28 октября 1990 г. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993.

Демченко, А. А. Краткий очерк изучения Н. Г. Чернышевского в Саратовском университете / А. А. Демченко // Демченко, А. А. Саратовский государственный университет и Н. Г. Чернышевский / А. А. Демченко. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009.

Евграф Иванович Покусавев / Е. Г. Елина [и др.] // Методология и методика преподавания русской литературы и фольклора : учёные-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984.

¹С чувством горечи приходится говорить о том, что кабинет-музей, с подобающим тщанием созданный и рассчитанный на перспективу, просуществовал два десятка лет. Разрушительную роль в его судьбе сыграли «новации» «перестройки»: кабинет был закрыт, и хотя часть книжного фонда поступила на кафедру, детищем которой он являлся, положения это не спасло. Последствия недальновидного «оперативного вмешательства» в процесс обучения студентов и воспитания их в стенах университета, носящего имя Н. Г. Чернышевского, дают о себе знать. Как не вспомнить пушкинское: «Уважать славу предков не можно, а должно; пренебрегать оною – постыдное малодушие».

²*Демченко, А. А.* Краткий очерк изучения Н. Г. Чернышевского... С. 9.

Никитина, Е. П. Введение / Е. П. Никитина // Методология и методика преподавания русской литературы и фольклора : учёные-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984.

Никитина, Е. П. Научно-педагогическое наследие А. П. Скафтымова и современные проблемы гуманитарного образования / Е. П. Никитина // Скафтымовские чтения : материалы науч. конф., посвящённой столетию со дня рождения А. П. Скафтымова, 23–28 октября 1990 г. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993.

Никитина, Е. П. Научно-методический кабинет по изучению творческого наследия Н. Г. Чернышевского / Е. П. Никитина // Филология: науч. сб., посвящённый памяти Анатолия Михайловича Богомолова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1996.

Никитина Е. П. Слово к читателю / Е. П. Никитина, В. В. Прозоров // Филология : науч. сб., посвящённый памяти Анатолия Михайловича Богомолова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1996.

Никитина Евгения Павловна // Литературоведы Саратовского университета, 1917–2009 : материалы к биографическому словарю / сост. : В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2010.

Хромова, И. «За себя самого я совершенно доволен...» / И. Хромова, Г. Щербакова // Ленинский путь. 1978. 23 июня (№ 22 (1454)).

Чернышевский, Н. Г. О русских писателях / Н. Г. Чернышевский ; сост. и вступ. ст. Е. П. Никитиной. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1978.

Чернышевский, Н. Г. О русских писателях : кн. для чтения с комментарием на английском языке: учеб. издание / Н. Г. Чернышевский ; сост. и вступ. ст. Е. П. Никитиной ; авт. коммент. И. А. Позднякова ; пер. на англ. яз. М. Б. Боганьков. Москва : Русский язык, 1989.

Анна Роберти

ЛУИДЖИ КАРОЛИ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ГАРИБАЛЬДИЙЦЫ В СИБИРИ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НИКОЛАЕМ ГАВРИЛОВИЧЕМ ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Жизнь Луиджи Кароли тесно связана с моей семьёй, и я считаю его своим «полуродственником», так как он был любовником моей далекой родственницы. Это была Джузеппина Раймонди, сестра свояка моей прапрабабушки. Имена Джузеппины и её любовника Луиджи навечно связаны со знаменитым скандалом итальянского Рисорджименто: Джузеппина была второй женой Джузеппе Гарибальди, который отказался от неё сразу после свадьбы, как только узнал, что у неё есть любовник по имени Луиджи Кароли.

Через несколько лет после этого громкого скандала Луиджи Кароли и некоторые итальянские гарибальдийцы приняли участие в польском восстании 1863 г. против царских войск. Их подвиг закончился

плохо: они были арестованы и сосланы в ссылку в Сибирь вместе с французом Эмилем Андреоли и со многими поляками.

Известно, что об их сибирской каторге писал француз Эмиль Андреоли, журналист и профессор истории. Его мемуары, к сожалению, сохранились не полностью (недавно они были частично переведены на русский язык А. С. Гулиным)¹.

Менее известно, что существуют также мемуары другого гарибальдийца, Алессандро Венанцио. Его воспоминания были собраны и переработаны историком Джузеппе Локателли Милези только в 1894 г. и изданы в Италии под названием «Nella Siberia orrenda» («В ужасной Сибири»). Пока они не переведены на русский язык².

На эту тему была еще издана в 1936 г. на итальянском языке книга «Il dramma di Luigi Caroli» («Драма Луиджи Кароли»). Ее автор, Анджиола Цанки (или Дзанки), приводила там очень важные документы о сибирской каторге Кароли и его друзей, а также частичные мемуары французского Андреоли на основании текста, который после Первой мировой войны был найден и переведен на польский язык писательницей Каролиной Беланской³.

Несколько лет тому назад я написала исторический роман «Russacchiotta Bargiolina» («Жила-была русская барджианка»)⁴, где рассказывается о невероятных взаимоотношениях между русскими и моей семьей в течение последних 200 лет. Мне особенно дорого одно обстоятельство, связывающее моего полуродственника Луиджи Кароли с Николаем Гавриловичем Чернышевским. Дело в том, что я глубоко уважаю Н. Г. Чернышевского и в молодости посвятила свою дипломную работу роману «Что делать?». Читая мемуары гарибальдийцев, я узнала, что в Сибири с начала 1865 г. Луиджи Кароли и его товарищи Андреоли и Венанцио разделили каторгу с Чернышевским в селе Кадая, совсем недалеко от границы с Китаем.

Есть предположение, что они познакомились до этого. Алессандро Венанцио пишет, что они впервые встретились в Александровском Заводе в конце 1864 г.:

«Из Сретенска, мы проходили через глубокие долины и ряд суших и небольших гор, покрытых снегом, вплоть до Александровского Завода, очень грустного и бедного села, населением несколько сотен жителей, заброшенного в степи и с острогом из деревянных балок.

¹См.: *Андреоли, Эмиль*. Из Польши в Сибирь. Дневник пленного 1863–1867 / пер. с фр. А. С. Гулина. Чита, 2011.

²См.: *Locatelli, Milesi (Локателли Милези) Giuseppe*. Nella Siberia orrenda. Faville di italico eroismo sulle steppe e nelle galere siberiane. Narrazione di Alessandro Venanzio, compagno di Nullo nella spedizione in Polonia del 1863. Milano, 1933 (переиздание книги I Bergamaschi in Siberia, 1894).

³См.: *Zanchi (Цанки или Дзанки) Angiola*. Il dramma di Luigi Caroli. Pagine inedite di dolore e d'amore di forzati in Siberia per l'indipendenza della Polonia (1863–1866). Bergamo, 1936.

⁴См.: *Roberti (Роберти) Anna*. Russacchiotta Bargiolina, Pinerolo. Alzani, 2011.

Во время нашего короткого пребывания в Александровском Заводе мы имели возможность обменяться несколькими словами с Николаем Чернышевским, знаменитым русским экономистом, романистом и революционером, автором “Что мы можем делать?”: эта книга была переведена во многих языках. <...> Он был депортирован в Александровский Завод и некоторое время спустя догнал нас в Кадае» (мой перевод. – А. Р.)¹.

Этот рассказ вызывает немало вопросов.

Во-первых, первоначально Чернышевский был депортирован не в Александровский Завод, а в Кадаю, куда он прибыл в начале августа 1864 г. (Кароли и гарибальдийцы с декабря 1863 – января 1864 по осень 1864 г. находились в петровскозаводской тюрьме). Сразу по приезде в Кадаю и до конца января 1865 г. Николай Гаврилович находился, большой, в местном лазарете². Кроме того, нигде нет информации о том, что по пути в Кадаю Чернышевский ехал через Александровский Завод. Известно, что из Читы, через Нерчинск и Сретенск, он двинулся до Нерчинского Завода (вероятно, через Шелопугино и Газимурский Завод) и оттуда, быстро, он добрался до соседней Кадаи. Гарибальдийцы тоже из Читы дошли до Сретенска, а потом были распределены по разным тюрьмам: Дие, Бенди, братья Меули и Клеричи попали на Кличинский рудник, Джуппони – на Александровский Завод, а Кароли, Андреоли и Венанцио – на Кадаинский рудник³. Видимо, они из Сретенска шли все вместе, а потом каждый остался на своем месте каторги. К сожалению, об этом Андреоли ничего не пишет: его мемуары имеют пробелы, и как назло не сохранились страницы его дневника, где он рассказывает об их пути следования из Петровского Завода до Кадаи. В то же время о том, что гарибальдийцы, как пишет Венанцио, действительно шли через Александровский Завод в декабре 1864 г., свидетельствует поляк Сохачевский (Sochaczewski) в своих мемуарах, упомянутых в книге Анджиолы Цанки (Дзанки). Здесь приводится информация о том, что Луиджи Кароли передал тогда этому поляку бумагу со своим автографом, т. е. «Luigi Caroli di Bergamo» («Луиджи Кароли из Бергамо»), и со словами «Souvenir d’Alexandrowski – 16 dic. 1864» («Сувенир Александровского – 16 декабря 1864 г.»)⁴. Дата вполне совпадает по времени: Кароли с Андреоли и Венанцио покинул Петровский Завод осенью 1864 г. и добрался до Кадаи где-то в середине декабря того же года⁵.

Мы не знаем, кем был этот Сохачевский, которого Кароли, видимо, встретил в Александровском Заводе. Вряд ли речь идет

¹Locatelli Milesi Giuseppe. Op. cit. P. 130.

²См.: Майский, Ф. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье (1864–1871 гг.). Чита, 1950. С. 27.

³См.: Кубалов, Б. Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов и гарибальдийцы на кадаинской каторге // Сибирские огни. Новосибирск, 1959. № 6. С. 140.

⁴См.: Zanchi Angiola. Op. cit. P. 145.

⁵См.: Кубалов, Б. Указ. соч. С. 140.

здесь о польском художнике и каторжнике Александре Сохачевском (Aleksander Sochaczewski): он отбывал каторжные работы на Иркутском солеваренном заводе в селе Усолье с апреля 1864 года; далее он будучи формально приписанный в село Оёк на поселение жил и работал в Иркутске и его окрестностях¹. Нигде нет информации о том, что в декабре 1864 г. он находился в Александровском Заводе. Однако очень вероятно, что в Усолье Сохачевский встретил Чернышевского, который временно оказался там в июле 1864 г. Об этом свидетельствует тот факт, что на его знаменитой и трогательной картине «Прощание с Европой», где изображено более 100 реальных персонажей, которых он встречал в изгнании, есть также Н. Г. Чернышевский. Существует и фрагмент эскиза этой картины, «Чернышевский на каторге»: это портрет маслом, написанный по зарисовке с натуры (приведен в публикации «Воспоминания Д. Н. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове»²). Что касается Кароли и его друзей, то исключено, что они общались с Сохачевским (и с Чернышевским) в Усолье: если даже гарибальдийцы там находились по пути на каторгу (об этом, кстати, нет информации), это могло бы быть только в конце 1863 г., когда в Усолье еще не было ни Сохачевского, ни Чернышевского. Может быть, в Александровском Заводе в декабре 1864 г. Кароли встретил другого Сохачевского, молодого еврейского поляка, осужденного на 20 лет каторжных работ за убийство русского полковника, которого итальянцы уже встретили в больнице г. Тара в августе 1863 г.³

В связи с возможной первой сибирской встречей Чернышевского с гарибальдийцами в Александровском Заводе мне бы хотелось подчеркнуть еще одно обстоятельство. Ввиду того, что воспоминания Венанцио были собраны только в 1894 г., причем с добавлениями и переработками редактора, здесь, скорее всего, произошла путаница; тем более что, как широко известно, Чернышевский жил в Александровском Заводе, куда он был переведен из Кадаи, только с сентября 1866 г. до начала декабря 1871 г.

В то же время мы можем с уверенностью сказать, что с начала 1865 г. Луиджи Кароли и его товарищи по несчастью Эмиль Андреоли и Алессандро Венанцио жили в Кадае, где уже находились на каторге Н. Г. Чернышевский и поэт Михаил Илларионович Михайлов. Они не только имели возможность общаться с этими великими русскими людьми, их взаимоотношения были очень тесными, так как Кароли и Андреоли жили вместе с Чернышевским в одном маленьком деревянном домике. Он находился в конце поселка Кадая, на склоне горы,

¹ См.: *Сохачевский, А.* [Электронный ресурс] : [энцикл. статья] // ИРКИПЕДИЯРУ [Электронный ресурс] : энцикл. и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/sohachevskiy_aleksandr_sochaczewski_aleksander (дата обращения: 21.10.2017). Яз. рус. Загл. с экрана.

² См.: Воспоминания Д. Н. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове. Из далекого минувшего // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 109.

³ См.: *Андреоли Эмиль.* Указ. соч. С. 251.

недалеко от шахты, где производились разработки серебросвинцовой руды. В архивах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского в г. Саратове хранится рисунок этого домика, который был подарен в августе 1866 г. младшему сыну Николая Гавриловича Михаилу, когда он со своей матерью приехал в Кадаю навестить отца: рисунок был сделан каким-то, может быть польским, заключенным. В мемуарах Алессандро Венанцио приведен очень похожий рисунок, даже образ туч является тем же самым, а в верхнем левом углу стоит монограмма A.V.¹ По мнению искусствоведов, к которым я обратилась, невероятно, чтобы автором обеих рисунков являлся сам Венанцио, потому что его работа в значительной мере уступает по качеству подаренной Михаилу Чернышевскому. Следовательно, Венанцио скопировал работу у какого-то товарища, автора оригинала. Эта любопытная история подтверждает еще раз присутствие Венанцио и других итальянцев в Кадае и их связь с Чернышевским.

В своих мемуарах Венанцио детально рассказывает также о смерти Луиджи Кароли, которая случилась 8 июня 1865 г. в том же домике. Его рассказ основывается на письме, которое 13 июня 1865 г. Андреоли написал семье Луиджи, чтобы оповестить их о смерти родного человека (письмо полностью приведено в книге Анджиоло Цанки²).

Здесь я приведу свой перевод некоторых интересных мест. Вначале, о расположении комнат в том домике:

«Мы (Андреоли и Кароли) живем в отдельном остроге, и между двумя большими тюремными блоками стоит наш домик: здесь Кароли, я и русский (Чернышевский) занимаем две смежные комнаты. Кароли и я жили в первой, при входе, а наш сосед предложил больному Кароли занять свою. Так как Кароли был не в силах ответить, я принял предложение за него»³.

Об этом расположении комнат и о людях, которые разместились в них и в соседних избушках, существует другое описание, которое частично противоречит словам Андреоли.

Так, Б. Кубалов пишет:

«Комната его – первая на правой стороне при входе в сени («моя комната») – надпись Чернышевского). В следующей на правой стороне комнаты большего размера жили “Семен Рафаилович Стецевич и его друзья” (подпись Чернышевского) Рапацкий К. и Андреоли Э. Налево вот сеней находилась комната, где жил старик архитектор Нерчинских рудников И. В. Барашев. Кароли и Венанцио занимали небольшую ветхую избушку, по соседству с хижинкой Н. Г. Чернышевского»⁴.

¹См.: Locatelli Milesi Giuseppe. Op. cit. P. 159.

²См.: Zanchi Angiola. Op. cit. P. 127–133.

³Locatelli Milesi Giuseppe. Op. cit. P. 155.

⁴Кубалов, Б. Указ. соч. С. 140.

Может быть, данное описание относится к периоду, предшествовавшему заболеванию Луиджи Кароли, или, более вероятно, рисует ситуацию после смерти молодого итальянца (который ошибочно указан еще живым). Это я говорю из-за трех обстоятельств.

Во-первых, 2 апреля 1865 г. Кароли и Венанцио ужасно ссорились, и Алессандро даже вызвал Луиджи на дуэль, которая должна была состояться в Италии по возвращении домой¹. После такого случая вряд ли они согласились бы жить вместе в отдельном домике! Во-вторых, в мемуарах Венанцио и Андреоли везде написано, что самым близким другом Кароли был француз Эмиль Андреоли и что они всегда жили вместе. В-третьих, по словам Андреоли, поляк Рапацкий не жил вместе с ними, когда Луиджи скончался (речь идет о Константине Рапацком / Konstanty Rapacki (см. «Имянной список о государственных и политических преступниках, находящихся при Кадаинском тюремном помещении по 20 января сего 1865 г.»²).

Вот слова Андреоли, описывающие последние часы Луиджи, в моем переводе:

«Все указало на то, что та ночь была бы его последней. Я заставил поспать молодого Рапацкого, который пришел, чтобы дежурить у его постели <...>

– Вам будет слишком тяжело провести всю ночь у него, – сказал я ему, – поспите до трех часов утра, тогда я Вас разбужу и уступлю Вам место. <...> В часа три утра я пошел разбудить Рапацкого и одетый лёг на деревянную скамью, служившую как постель. <...>

Прошло лишь мгновение и усталость, угнетающая меня, вместе с мрачным шумом дыхания Кароли уже погрузила меня в дремотное состояние. Вдруг, я больше не слышу никакого шума: я сел. Он уже умер? Нет, он опять начинает дышать.<...> Я подошёл к постели и сел напротив него»³.

И дальше:

«– Который час? – крикнул я.

– Три часа двадцать восемь минут, он умер? – мне ответили Рапацкий и Чернышевский из соседней комнаты. <...>

– Дайте мне зеркало.

Я приблизил стекло к его губам. Когда я его отодвинул, оно было чистым и прозрачным»⁴.

На следующих страницах Венанцио описывает похороны Кароли. Мы не знаем, присутствовал ли на них Чернышевский, но доказано,

¹См.: Zanchi Angiola. Op. cit. P. 103.

²См.: Майский, Ф. Указ. соч. С. 92.

³Locatelli Milesi Giuseppe. Op. cit. P. 157.

⁴Ibid. P. 158.

что в похоронах приняло участие много польских заключенных, а также поэт Михаил Михайлов, который произнес речь на могиле молодого несчастного итальянца¹. Михайлов так дружил с Луиджи, что перед смертью попросил, чтобы его похоронили рядом с итальянцем, что и сделали его друзья.

* * *

По случаю моего 60-летия родственники и друзья собрали деньги на осуществление давней мечты – поездки по Транссибу из Москвы до Владивостока с заездом в Кадаю, на место каторги моих героев. Поездка прошла успешно в августе-сентябре 2015 г. в компании моей подруги Дельфины Гроссо. Одной из целей нашей поездки в Кадаю было огромное желание найти могилы Луиджи Кароли и Михаила Михайлова и положить на них цветы. Нам удалось отыскать только предполагаемое место их захоронения, потому что спустя 150 лет ничего не осталось от крестов, возведённых на этих сопках.

Тем не менее наше недолгое пребывание в Кадае оказалось чрезвычайно интересным и переполненным эмоциями. В момент расставания с этим местом мне показалось, что на сопках опять стоят кресты и рядом, прощаясь с нами, витает дух Луиджи Кароли. . .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреоли, Эмиль. Из Польши в Сибирь. Дневник пленного 1863–1867 / Эмиль Андреоли; пер. с фр. А. С. Гулина. Чита : Экспресс-издательство, 2011. Воспоминания Д. Н. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове. Из далекого минувшего // Литературное наследство. Москва : Издательство АН СССР, 1959. Т. 67.

Кубалов, Б. Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов и гарибальдийцы на кадаинской каторге / Б. Кубалов // Сибирские огни. Новосибирск, 1959. № 6.

Майский, Ф. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье (1864–1871 гг.) / Ф. Майский. Чита : Типография дориздательства «Отпор», 1950.

Сохачевский, А. [Электронный ресурс] : [энцикл. статья] / А. Сохачевский // ИРКИПЕДИЯРУ [Электронный ресурс] : энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/sohachevskiy_aleksandr_sohaczewski_aleksander (дата обращения: 21.10.2017). Яз. рус. Загл. с экрана.

Locatelli, M. G. Nella Siberia orrenda. Faville di italico eroismo sulle steppe e nelle galere siberiane. Narrazione di Alessandro Venanzio, compagno di Nullo nella spedizione in Polonia del 1863 / M. G. Locatelli. Milano, 1933 (переиздание книги I Bergamaschi in Siberia, 1894).

Roberti (Робертю), Анна. Russacchiotta Bargiolina, Pinerolo / Anna Roberti. Alzani, 2011.

Zanchi, Angiola. Il dramma di Luigi Caroli. Pagine inedite di dolore e d'amore di forzati in Siberia per l'indipendenza della Polonia (1863–1866) / Angiola Zanchi. Bergamo: Istituto Italiano d'Arti Grafiche, 1936.

¹См.: *Кубалов, Б.* Указ. соч. С. 143–144.

В. Л. Кириллов

**«ЛЕГКО СКАЗАТЬ: ОСВОБОДИТЬ!» К ИСТОРИИ
ЗАМЫСЛА ОСВОБОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ПЕТЕРБУРГСКИМ ТАЙНЫМ ОБЩЕСТВОМ
«СМОРГОНСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

Об авторитете личности Н. Г. Чернышевского среди участников русского революционного подполья 1860-х гг. написано немало. Со стороны подобный «культ» может даже показаться в некоторой степени иррациональным. Так, революционер Н. А. Ишутин утверждал, что в мировой истории было три великих личности: Иисус Христос, апостол Павел и Чернышевский¹. Эмигрант М. К. Эллидин считал писателя «... талантом, гением, который может разбудить, расшевелить заснувшую Россию. Об освобождении Чернышевского он говорил постоянно...»². Другой эмигрант, близкий Эллидину Н. Я. Николадзе, говорил, что «никогда, никакая страна не производила такого человека, такого таланта, как Чернышевский»³. В. А. Тихоцкий, участник кружка А. В. Долгушина начала 1870-х гг., вспоминал, как публицист В. В. Берви-Флеровский написал для их подпольной типографии брошюру «О мученике Николае», «в котором подразумевался наш великий учитель Н. Чернышевский, в то время томившийся в сибирской камере»⁴.

Популярность сосланного писателя не раз приводила к идее его освобождения. Историк Н. А. Троицкий насчитал восемь попыток организовать побег Чернышевского – и это не считая нескольких предложений и намерений, не дошедших до стадии осуществления⁵. Московский ишутинский кружок середины 1860-х гг. не был исключением из этого ряда: инициативу организации побега в тайном обществе взял на себя Н. П. Странден; его самого, как утверждал Ишутин, мог навести на эту мысль проживавший тогда в столице И. А. Худяков⁶. Редактор «Современника» Г. З. Елисеев, также живший в Петербурге, во время визита к нему Н. А. Ишутина и А. К. Маликова размышлял о том, что «хорошо бы было и Чернышевскому помочь». Впрочем, он же, как говорил на каракозовском процессе Маликов, в ту же встречу «сказал, что положительно к тому нет никаких средств, и засмеялся

¹См.: *Стеглов, Ю. М.* Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828–1889. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 216.

²ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 424. Л. 38 об.

³Там же.

⁴*Тихоцкий, В.* Подпольная типография долгушинского кружка // *Огонек*. 1925. № 22 (113). С. 7.

⁵См. подробнее: *Троицкий, Н. А.* Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского // *Вопросы истории*. 1978. № 7. С. 122–141.

⁶См., например: *Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.* М., 1928. Т. 1. С. 122, 129; ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 424 об.; Д. 18. Л. 12 об.

при этом»¹. Другие ишутинцы (Мотков, Оболенский) рассказывали следствию, что Елисеев был готов выделить на дело освобождения Чернышевского тысячу рублей; это начинание, насколько им было известно, поддержали и другие сотрудники «Современника»². Неясно, интерпретировали ли товарищи Маликова рассказанный им эпизод по своему или же он просто умолчал о предложении Елисеева оказать финансовую помощь. Так или иначе в этом случае, как и в случае Худякова, идея освободить Чернышевского шла из петербургского революционного сообщества, в рамках которого в 1867–1868 гг. существовал созданный бывшими каракозовцами революционный кружок «Сморгонская академия».

В историографии о попытке сморгонцев организовать побег Чернышевского судили на основе кратких показаний бывшего участника кружка В. И. Кунтушева: Б. П. Козьмин описал эту историю буквально в нескольких предложениях в книге, посвященной истории «Сморгонской академии»³. Впоследствии уже на его монографию ссылались другие исследователи, не анализируя детально возможные источники, что приводило к размытым выводам: Троицкий предполагал, что «самое главное – план действий, источники средств и опорные связи, – жандармам раскрыть не удалось», П. С. Ткаченко писал, что план освобождения вырабатывался в «Сморгоны» «в результате страстных прений»⁴. Попробуем восстановить картину этой малоисследованной истории.

Факт обсуждения в «Сморгонской академии» замысла освобождения писателя стал известен властям в конце 1869 – начале 1870 г. в результате ареста Кунтушева, одного из исполнителей задания по подготовке побега. Кунтушев происходил из семьи вольноотпущенных крестьян Саратовской губернии, принадлежавших ранее графу Нессельроде, воспитывался в саратовской гимназии. В 1865 г. ввиду смерти графа, который материально поддерживал семью Кунтушевых, будущий сморгонец не смог продолжать оплату обучения в гимназии и потому отправился со своими товарищами Мирославским и П. Секавиным в Москву, с целью поступления в Петровскую академию. Здесь через Секавина Кунтушев познакомился с земляком и участником ишутинского кружка А. П. Полумордвиновым⁵. Общался ли Кунтушев с другими ишутинцами в это время, неизвестно. Еще в Саратове он входил

¹ Покушение Каракозова. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 237.

² См.: Покушение Каракозова. Т. 1. С. 96; *Виленская, Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 356, 360; *Филитов, Р. В.* Революционная народническая организация Н. А. Ишутина – И. А. Худякова (1863–1866). Петрозаводск, 1964. С. 180.

³ См.: *Козьмин, Б. П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929. С. 128.

⁴ *Троицкий, Н. А.* Указ. соч. С. 128; *Ткаченко, П. С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. М., 1978. С. 110.

⁵ См.: *Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / подгот. к печати Б. П. Козьмин.* М.; Л., 1931. С. 52; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 экзп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 24 об.

в группу гимназистов, близких кружку А. Х. Христофорова¹, но, должно быть, его интерес к общественному движению был гораздо меньше, чем у остальных. Привлеченные к каракозовскому делу упоминали о своем общении в Москве с Секавиным², но фамилия Кунтушева никем не была произнесена. По словам Кунтушева, по причине неимения средств после покушения Каракозова он уехал домой; можно предположить, что дополнительной причиной было нежелание Кунтушева попасть под арест.

Осенью 1867 г. Кунтушев вместе с товарищем по гимназии П. А. Николаевым приехал в Петербург, где они оба поселились в коммуне кружка «Сморгонская академия», основанного группой бывших каракозовцев, на рубеже 1866–1867 гг. освобожденных из Петропавловской крепости. Кунтушев отмечал, что на собраниях сморгонцев часто читали Чернышевского, и, как он утверждал под следствием, «настоящая цель всех этих собраний заключалась в освобождении Чернышевского, об этом было известно всем, жившим у Воскресенского». (Д. А. Воскресенский, бывший саратовский семинарист и участник ишутинского общества, был одним из лидеров «Сморгоны».) Кунтушев и другой сморгонец (также из саратовских гимназистов, близких кружку Христофорова) Н. Н. Катин-Ярцев поехали по поручению Воскресенского в Рязань, чтобы там ожидать от него присылки тысячи рублей; эти деньги предполагалось передать в Сибири Чернышевскому. В итоге, прожив примерно полтора месяца в Рязани, они получили перевод в 10 рублей, и Катин-Ярцев уехал в Петербург обсуждать перспективы дела. Кунтушев через неделю получил еще 9 рублей и написал в ответ Катин-Ярцеву, что прекращает с ними всякие отношения. После этого он отправился путешествовать по России, пока за неисправные документы его не выслали обратно в Саратов³.

Эти показания Кунтушева часто ошибочно пересказывались следственными органами. В одной из бумаг Министерства юстиции сказано, что Кунтушев и Катин-Ярцев отправились в Саратов, а не в Рязань⁴. В справке, составленной в III отделении, говорилось о двух тысячах рублей вместо одной, которые ожидал Кунтушев в Рязани; эти деньги, по мнению автора справки, организаторы собирались взять из постоянных сборов денег для Чернышевского, якобы проводившихся в Петербурге и других городах⁵. (Подобное маловероятно, учитывая весьма скромную подпольную деятельность «Сморгонской академии»,

¹См.: *Ракитникова, И.* Памяти Ф. А. Борисова // *Каторга и ссылка.* 1929. № 4 (53). С. 189.

²См.: ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 8 об.–9 об.; Д. 20. Л. 28.

³Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 77–78.

⁴Там же. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 24 об.

⁵*Стеклов, Ю.* Вокруг ссылки Н. Г. Чернышевского // *Каторга и ссылка.* 1927. № 4 (33). С. 191.

которая вряд ли могла бы организовать подобные сборы.) Сами же показания представляются искренними. В них, как и в свидетельствах ишутинцев 1866 г., фигурирует одна тысяча рублей, что наводит на мысль об участии Елисеева или кого-либо из редакции «Современника» в этом замысле. Но даже если подобное обещание или намек были даны сморгонцам, до реализации они не дошли, а при отсутствии денег предпринять отчаянную поездку в Сибирь мог бы только твердо настроенный на это предприятие человек. А как нетрудно заметить, выбор исполнителей ответственного поручения был явно неудачным.

Эту же историю Катин-Ярцев спустя много лет поведал своему сыну Виктору. Сохранившийся рассказ от первого лица мог быть записан В. Н. Катин-Ярцевым не позже 1892 г., когда умер его отец; в это время сыну было всего 17 лет, что могло отразиться на точности рассказа. Тем не менее опубликованный в 1998 г. в омском альманахе «Глубинка» источник не использовался ранее при исследовании истории организации побега Чернышевского, а между тем он очень ярко иллюстрирует несерьезный характер данного предприятия. Приведем его полностью:

«Я уже упоминал имя студента Воскресенского, с которым некоторое время жил на одной квартире. Однажды он и говорит мне:

– Знаешь ли ты саратовца Василия Ивановича Кунтушева?

– Это какой Кунтушев, вольноотпущенный крестьянин?

– Он самый!

– Лично не знаю, но слышал, что это очень способный, образованный и идейный человек.

– Правильно! А как ты относишься к Чернышевскому?

– К Николаю Гавриловичу – его имеешь в виду?

– Да. Тебе, конечно, известно, что он сейчас находится в ссылке в Якутской области?

– Слышал и крайне сожалею об этом. Достойнейший человек и прекрасный писатель. Я не раз перечитывал его роман «Что делать?». А к чему спрашиваешь?

– Вот к чему. В нашем кружке был разговор о том, что надо попытаться освободить Чернышевского из ссылки. Погибнет он там. Легко сказать: освободить! А как это сделать? Николай, я знаю тебя как честного человека, готового служить народу. Так вот, сообщу тебе, что решили мы послать в Якутию, где сейчас Чернышевский, двух человек с деньгами. Получив их, Николай Гаврилович сможет бежать за границу.

– А много ли денег, вы думаете, нужно будет?

– Мы прикинули – тысячи рублей хватит!

– Да, деньги большие! А кого же вы думаете послать?

– Мы считаем, что ты и Кунтушев – самые подходящие для этого люди. Оба вы безусловно честные, вам вполне можно доверить такие

деньги, да и само поручение. Оба вы решительные и разворотливые, лучше и не подобрать. Ну как, согласен?

– Так сразу и скажи тебе, что согласен! Дело серьезное, подумать надо!

– Думать, что же, подумай. Но всё же скажи: пошел бы ты на такое дело? Подумай только: гибнет человек в ссылке, какой человек!»¹

Как нетрудно заметить, воспоминания Катин-Ярцева, свободно рассказанные в семейном кругу, дают примерно такую же картину, что и подследственные показания Кунтушева; никаких «опорных связей», как и «плана действий», сморгонцы не имели. Обсуждавшаяся в тайном обществе идея была, по сути, молодежным авантюрным предприятием, которое столь же легко и быстро распалось, как и было задумано.

Преемственность идеи освобождения писателя между ишутинским кружком и «Сморгонской академией» не раз подчеркивалась в литературе. Однако возможна и дальнейшая преемственность этой идеи уже под влиянием её обсуждения в кружке сморгонцев. Впоследствии попытку добраться до Чернышевского предпринял участник первой «Земли и воли», публицист и этнограф П. А. Ровинский по поручению русской секции I Интернационала, данному ему в 1869 г. в Швейцарии. Затея провалилась из-за повышенного контроля в месте ссылки Чернышевского, вызванного информацией о намерении Г. А. Лопатина организовать аналогичный побег². Эта история интересна для нас тем, что незадолго до этого Ровинский, по предположению историка В. Я. Гросула, мог иметь контакты со «Сморгонской академией» в Петербурге³. Не было ли влияния или, можно сказать, преемственности в замысле освобождения Чернышевского между сморгонцами и Ровинским?

Во время одной из этнографических экспедиций в начале 1870-х гг. – быть может, именно в те месяцы, когда Ровинский планировал добраться до Чернышевского, – он встретился с М. И. Орфановым, также бывшим участником «Сморгони». Последний в своих автобиографических очерках рассказывал, что, несмотря на их первую встречу (действительно ли первую?), они с Ровинским «в этот же вечер относились друг к другу как старые знакомые»⁴. Очерки предназначались для публикации и потому в них нельзя было всего сказать

¹Грачев, А. «Прикосновенный к делу...» // Глубинка: литературно-художественно-публицистический альманах. Омск, 1998. № 3/4. С. 341–342.

²См. подробнее: Михайлов-Другопольский, Е. В. Ровинский Павел Аполлонович // Русские писатели. 1800–1917: биогр. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 306–307; Чернышевская-Быстрова, Н. Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского // Каторга и ссылка. 1931. № 5 (78). С. 126–127.

³См.: Гросул, В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973. С. 306, 318–319.

⁴Орфанов, М. И. В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. М., 1883. С. 21.

ни по цензурным соображениям, ни из-за стиля повествования, однако это – единственная встреча Орфанова с Ровинским, в ходе которой последний мог рассказать о своем замысле освобождения Чернышевского, о чем Орфанов впоследствии сообщал Лопатину¹.

Итак, несмотря на искренность положительной оценки сморгонцами такого инструмента подпольной деятельности, как организация побега известного политического ссыльного, нельзя не отметить крайнюю несерьезность в воплощении подобного замысла: выбор исполнителей предприятия был неудачным и в какой-то степени даже случайным; план побега не был продуман; финансовая поддержка не оказана. Всё это неплохая иллюстрация того, как революционное сообщество шестидесятников на закате своей истории продолжало ориентироваться на старые идеи, но уже не могло их развивать и реализовывать и потому действовало лишь в рамках «дискуссионных клубов», но не подпольных организаций. Новый импульс революционному движению даст уже новое поколение – поколение ушедших «в народ» семидесятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виленская, Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.) / Э. С. Виленская. Москва : Наука, 1965.

Государственный архив РФ. Ф. 95, 109, 272.

Грачев, А. «Прикосновенный к делу...» / А. Грачев // Глубинка : литературно-художественно-публицистический альманах. Омск, 1998. № 3/4. С. 341–342.

Гросул, В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.) / В. Я. Гросул. Кишинев : Штиинца, 1973.

Козьмин, Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора» / Б. П. Козьмин. Москва : Издательство политкаторжан, 1929.

Михайлов-Другопольский, Е. В. Ровинский Павел Аполлонович / Е. В. Михайлов-Другопольский // Русские писатели. 1800–1917 : биогр. словарь. Москва : Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 306–307.

Нечаев и нечаевцы : сб. док. / подгот. к печати Б. П. Козьмин. Москва ; Ленинград : Соцэргиз, 1931.

Орфанов, М. И. В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни / М. И. Орфанов. Москва : Типолитография И. Н. Кушнерева, 1883.

Письма Г. А. Лопатина к В. Г. Короленко (из неопубликованной переписки) // Советские архивы. 1972. № 3.

Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Москва : Издательство Центрархива РСФСР, 1930. Т. 2.

Ракитникова, И. Памяти Ф. А. Борисова / И. Ракитникова // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53).

¹См.: Письма Г. А. Лопатина к В. Г. Короленко (из неопубликованной переписки) // Советские архивы. 1972. № 3. С. 95.

Стеклов, Ю. Вокруг ссылки Н. Г. Чернышевского / Ю. Стеклов // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (33).

Стеклов, Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность, 1828–1889 / Ю. М. Стеклов. 2-е изд., исправ. и доп. Москва ; Ленинград : Госиздат, 1928. Т. 2.

Тихоцкий, В. Подпольная типография долгушинского кружка / В. Тихоцкий // Огонек. 1925. № 22 (113).

Ткаченко, П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. / П. С. Ткаченко. Москва : Мысль, 1978.

Троицкий, Н. А. Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского / Н. А. Троицкий // Вопросы истории. 1978. № 7.

Филиппов, Р. В. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина – И. А. Худякова (1863–1866) / Р. В. Филиппов. Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1964.

Чернышевская-Быстрова, Н. Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского / Н. Чернышевская-Быстрова // Каторга и ссылка. 1931. № 5 (78).

С. Н. Рубцов

«БЕСЕДЫ О ПРОШЛОМ»: К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского – старейший музей Саратовской области и один из первых литературных музеев страны, которому в 2020 г. исполнится сто лет. В последнее время всё чаще возникает вопрос о возможной модернизации экспозиции, расположенной в мемориальном доме семьи Чернышевских. Это, в свою очередь, отправляет к тем источникам и публикациям, на основании которых создавалась ныне действующая мемориальная экспозиция и которые могут послужить в будущем для осуществления указанной цели.

Один из таких источников – воспоминания Екатерины Николаевны Пыпиной, двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского, записанные Ниной Михайловной Чернышевской, внучкой Чернышевского, вторым директором музея. Эти воспоминания были изданы в 1983 г. в книге, получившей название «Беседы о прошлом»¹. Казалось бы, всё вполне понятно, есть книга, есть интересующийся читатель, есть сотрудники музея, использующие её для создания экспозиций, проведения экскурсий, подготовки мероприятий. Но так сложилось, что в очередной виток обсуждения возможной модернизации проводилась сверка научного архива, в ходе которой интерес привлек машинописный текст, подшитый в дело под общим названием «Внутреннее устройство дома

¹См.: Беседы о прошлом (рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской). Саратов, 1983. С. 26–33.

Чернышевских в середине XIX в.»¹, что было небольшим фрагментом из второй главы опубликованных воспоминаний Екатерины Пыпиной.

Текст из архива и опубликованный вариант были сопоставлены. Оказалось, что они имеют некоторые расхождения в нюансах описания предметов, находившихся в доме, их расположения в комнатах, материалах, из которых они были изготовлены. Например, то, что касается описания гостиной: «*В простенке между печами стоял большой диван, обитый синим бархатом с чёрными разводами, перед ним стол, по бокам два кресла, между креслами ещё маленькие столики. Убранство было не мещанское, не по стенкам, а кресла стояли полукруглием*»². «*В простенке между печами стоял большой диван, перед ним стол раздвижной на массивной ножке, по бокам его два кресла. На поперечных стенах – по два кресла и между ними по круглому столику в обхват стояли не у самой стены, а отступя*»³. Получается так, что согласно опубликованному в книге варианту предстают совсем другое количество мебели и другая её расстановка.

Другой пример из описания кабинета Г. Чернышевского: «*Под столом стояла корзинка для сорных бумаг, высокая, круглая, обыкновенная, как и сейчас. Около подносика на столе стояла вазочка, и в ней куча гусиных перьев и перочинный ножик. Вазочка была в виде большого стакана*»⁴. «*Под столом находилась корзинка для сорных бумаг, высокая, круглая, такая, какие и сейчас стоят под столами. В ней был целый сноп гусиных перьев; они там лежали свежие, нетронутые, и оттуда Гаврила Иванович брал их для работы и чинил настоящим перочинным ножичком, т. е. машинкой, которую Николай Гаврилович прислал ему из Петербурга. На столе около подносика стояла вазочка, и в ней куча очинённых гусиных перьев и перочинный ножик. Вазочка была в виде большого стакана*»⁵. Как видно из приведённых фрагментов, имеются разночтения, а во втором фрагменте возникает вообще путаница, был ли у Г. И. Чернышевского перочинный ножик или всё же машинкой для очинки гусиных перьев. На первый взгляд это может быть не столь существенно. Но когда речь идёт о тексте, на основании которого строится экспозиционное пространство, всё это серьёзным образом может повлиять на процесс реконструкции в экспозиции.

Итак, первое сравнение фрагментов текста показало некоторые расхождения, пролить свет на их возникновение помогло бы обращение непосредственно к первому варианту записанных воспоминаний.

¹ См.: Чернышевская, Н. М. Внутреннее устройство дома Чернышевских в середине XIX века: (из воспоминаний Пыпиной Е. Н.) // Научный архив музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. Оп. 2 н/а. Д. 15.

² Там же. Л. 1. Здесь и далее жирным шрифтом выделено нами. – С. Р.

³ Беседы о прошлом... С. 27.

⁴ Чернышевская, Н. М. Указ. соч. Л. 3.

⁵ Беседы о прошлом... С. 31.

Это дало бы возможность проследить, как изменился текст и насколько последующие редакторские правки повлияли на его содержание и смысловую нагрузку. Понимая, что сделать подобную работу в рамках одной статьи просто невозможно, попробуем за основу предварительного исследования взять ту часть, которая посвящена описанию внутреннего устройства дома Чернышевских. Тем более это может быть актуальным в ближайшее время в связи с возможной модернизацией мемориально-бытовой экспозиции в доме Чернышевских. Но прежде чем познакомиться с первыми записями, попробуем проследить другие варианты публикаций «Бесед о прошлом», последовательно обозревая их, начиная с поздних и заканчивая более ранним.

Самое известное издание – это книга «Беседы о прошлом» 1983 г. Текст к её публикации был подготовлен Верой Самсоновной Чернышевской – дочерью Н. М. Чернышевской. Обращает на себя внимание то, что в предисловии, написанном к этой книге А. А. Демченко, даётся ссылка на первый том сборника «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» 1958 г.¹, в котором был опубликован значительный фрагмент воспоминаний Екатерины Пыпиной. В сборнике 1958 г. в небольшом предисловии, предшествующем «Беседам о прошлом», напечатана краткая информация, которую будет интересно воспроизвести: *«Воспоминания Е. Н. Пыпиной были записаны Н. М. Чернышевской по просьбе Веры Александровны Пыпиной, которая предполагала воспользоваться ими для предпринятой ею биографии А. Н. Пыпина. Беседы с Е. Н. Пыпиной начались в пору работ по созданию музея Н. Г. Чернышевского, после того как М. Н. Чернышевский передал в народное достояние дом, в котором родился его отец, продолжалась в течение 14 лет и составили связанное повествование, распределённое на 22 главы. Публикуемые здесь воспоминания – часть этой работы. В настоящем издании воспоминания печатаются с неизданной рукописи Н. М. Чернышевской, хранящейся в архиве Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Заглавия и подзаголовки даны Н. М. Чернышевской»².*

Этот небольшой фрагмент позволяет говорить о существовании уже к 1958 г. систематизированной рукописи «Беседы о прошлом», которая легла в основу поздних изданий. Замечание не случайно. Книга 1983 г. содержит 13 глав, а не 22. Как это объяснить? Возможно, к 1980-м гг. «Беседы о прошлом» были серьёзно отредактированы, а возможно, не все главы были опубликованы, что нас вновь отправляет к первоисточнику.

Рукопись записанных Н. М. Чернышевской воспоминаний Е. Н. Пыпиной хранится в рукописно-документальном фонде музея-усадыбы Н. Г. Чернышевского³. Первоначально ожидалось увидеть

¹Беседы о прошлом. . . С. 11.

²Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958. Т. 1. С. 86.

³См.: Рукопись Чернышевской-Быстровой Н. М. Воспоминания Е. Н. Пыпиной, 1918–1933 гг. // ОФ МНГЧ 801.

те самые 22 главы, которые упоминались выше. Но предоставленный для изучения документ преподнёс своеобразный сюрприз. Рукопись представляла собой набор отдельных листов разного формата и качества бумаги. Тексты написаны коричневыми и синими чернилами, иногда разными почерками, основная часть рукой Нины Михайловны, но были листы с текстами, авторство которых определить в настоящее время не удалось. Фрагмент, посвящённый дому Чернышевских, как и все воспоминания, не отличался последовательностью и представлял небольшие отдельные тексты либо заметки.

Таким образом, упоминаемая в сборнике 1958 г. и находящаяся в фондах музея рукописи – это два разных документа. Можно предположить, что фондовый вариант рукописи, наиболее ранний из всех известных, и является рабочими записями Н. М. Чернышевской, ещё не подвергшимися серьёзной редакторской переработке. Это отчасти подтверждается и в переписке Н. М. Чернышевской и М. В. Нечкиной. Так, в письме от 8 апреля 1952 г. Нина Михайловна пишет о планах издать воспоминания Е. Н. Пыпиной, о том, что один экземпляр рукописи направлен в «Звенья», а другой – на хранение в Государственный литературный музей¹. По-видимому, это те самые 22 главы из вступительной заметки сборника 1958 г. Но до 1983 г. «Беседы о прошлом» так и не были изданы в полном объёме.

Имея на руках самый ранний, рабочий вариант воспоминаний Е. Н. Пыпиной, обратимся к уже обозначенному вопросу описания дома Чернышевских. Для этого систематизируем разрозненные тексты сообразно их содержанию, внешним признакам – таким, как качество бумаги, цвет чернил, используемый алфавит. В результате получим три варианта, которые условно обозначим: рукопись 1, рукопись 2 и рукопись 3.

Рукопись 1 – это самая объёмная часть текста, в которой даётся внутреннее описание дома в целом и отдельных комнат: гостиной, столовой, залы, спальни, мезонина и кабинета². Её отличительная особенность – это использование при написании русского алфавита до реформы 1918 г. с буквами: «ѣ», «і», «ѵ». Подробно описываются все комнаты, кроме кабинета: зала, гостиная, столовая, спальня, мезонин. Кабинет упоминается лишь в контексте общего изображения дома, без деталей, а текст этот дважды перечёркнут – карандашом и чернилами. Возможно, это рабочие редакторские правки; обращает на себя внимание и то, что зачёркнутый текст даже в переработанном виде исключён из публикаций и имеет иную смысловую нагрузку: *«В доме Гавр. Ив. Было патриархально, уютно и хорошо. Спальня его тонула в иконах; кабинет был маленький, тёмный; под залу и столовую были отведены лучшие комнаты»*³. Если посмотреть часть текста, посвящённую

¹См.: «История в человеке» – академик М. В. Нечкина. М., 2011. С. 816–817.

²См.: ОФ МНГЧ 801. Л. 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, II, б/н.

³Там же. Л. 10.

описанию дома в издании 1983 г., то увидим, что там идёт сухое перечисление комнат: *«Комнат было семь: зала, гостиная, спальня, кабинет, мезонин и комната Егора Котляревского (сына маменьки от первого брака)»*¹.

Рукопись 1 состоит из 14 листов, из которых 3 склеены из фрагментов с сохранением последовательности изложения, а 10-й и 11-й содержат зачёркнутый текст. Важно то, что в первоначальный вариант вносились изменения и дополнения, о чём свидетельствует использование чернил других оттенков и цветов, а также обновлённого алфавита. Таким образом, датировать эту рукопись можно в рамках 1918 – начала 1920-х гг., а правки в ней более поздним периодом, предположительно конца 1920 – начала 1930-х гг.

Рукопись 2 состоит из 8 листов с текстом, написанным современным алфавитом, тёмно-коричневыми чернилами, как и в рукописи 1². Листы по внешнему виду и содержанию можно разделить на четыре комплекса.

Первый комплекс документов выполнен на листах в линейку и даёт событийное динамическое описание, с присутствием членов семьи Пыпиных и Гавриила Ивановича Чернышевского в гостиной³. В динамике описывается и спальня Г. И. и Е. Е. Чернышевских, но более позднего периода, когда в ней размещались Николай Дмитриевич и Александра Егоровна Пыпины, приводятся воспоминания детских игр в этой комнате. Имеются и два схематических изображения обстановки спальни: 1850-х гг. и «устройство этой же комнаты через 70 лет»⁴, что позволяет датировать эти записи 1920-ми гг. Здесь следует отметить один важный момент: в отличие от известных публикаций 1958 г. и 1983 г. обстановка в спальне даётся исключительно в схеме, без подробного словесного описания, например, картин и буфета. В рукописи 1, наоборот, этому уделяется большое внимание, но нет действующих лиц (членов семьи). При этом в издании 1983 г. объединены все варианты, что приводит к смешиванию информации об устройстве спальни в разное время, когда семья Пыпиных ещё не размещалась в этой комнате и когда уже расположилась в ней. Этот небольшой казус потребует дополнительного исследования, вероятно, подобные наслоения могут проявиться и при сравнении других частей «Бесед о прошлом».

Второй комплекс – это описание картины Екатерины II в мезонине⁵. Запись, как и в предыдущем случае, сделана на тетрадном листе в линейку. Содержание полностью совпадает со всеми имеющимися вариантами, в том числе и надпись на картине:

¹Беседы о прошлом. С. 26.

²ОФ МНГЧ 801. Л. 134-I, 134-II, 134-III, 1-2 «к стр. 20», 23-I, 23-II, б/н «к с. 19».

³Там же. Л. 134-I, 134-II, 134-III.

⁴Там же. Л. 134-II, 134-III.

⁵Там же. Л. 23-I, 23-II.

«Так в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Разделяет Русь на карте
Указательным перстом».

Из этой надписи возникают другие вопросы. Екатерина изображена на картине или королева Виктория? – так как Пальмерстон не кто иной, как премьер-министр Великобритании периода Крымской войны. Не могло ли это четверостишие быть курьёзом памяти Е. Н. Пыпиной?

Третий комплекс – это два не разлинованных листа одного разворота с рассказом о кабинете Г. И. Чернышевского в 1850-е гг. и об изменениях, которые вносились в планировку дома в 1880–1890-е гг.¹ Описание кабинета по сравнению с архивным вариантом и публикациями очень лаконично. Оно имеет ряд несовпадений с поздними вариантами и определённую эмоциональную составляющую. В качестве примера можно дать описание корзины с перьями, подобные приводились выше при общей характеристике текстов «Бесед о прошлом»: *«Рядом стояла высокая вазочка с отточенными гусиными перьями, а внизу под столом – целая корзина с ещё не очищенными гусиными же перьями. Помню, особенно нравились нам не белые, а коричневые; понятия почему: гуси – белые, а коричневые гуси редкость. Я, помню, всегда выбирала себе коричневое пёрышко»*². Ещё один пример, связанный с описанием книжных шкафов и полок: *«В кабинете находилось два книжных шкафа. Но книг было так много, что для них не хватало места, и они занимали ещё книжные полки, стоявшие в сенях, – от пола до потолка.*

– *Как же в сенях могли сохраняться книги?*

– *Да никто не трогал, об этом не могло быть и речи»*³.

В публикации 1983 г. книжные полки уже располагаются в кабинете, да и некоторые книги стали доступны.

Четвёртый комплекс – это фрагмент листа, содержащий воспоминания о портретах, находившихся в спальне Г. И. и Е. Е. Чернышевских⁴. По сравнению с публикациями текст не полный. Вызывает сомнение и его принадлежность руке Нины Михайловны Чернышевской, многие буквы написаны по иному, хотя, пожалуй, эту задачу стоит оставить на рассмотрение профессиональным почерковедам.

Рукопись 3, по-видимому, самая поздняя, помещена на двух тетрадных листах в клетку и содержит информацию об устройстве кабинета, спальни и мезонина⁵. Текст написан очень аккуратно синими

¹Оф МНГЧ. 801. Л. 1, 2.

²Там же. Л. 1.

³Там же.

⁴Там же. Л. б/н «к с. 19».

⁵Там же. Л. 19-I, 19-II.

чернилами, внизу первой страницы сноски. Можно предположить, что это переписанный и отредактированный чистовой вариант. Записи рукописи совпадают с описанием в архивном деле, лишь в ряде случаев расходуется последовательность абзацев.

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что «Беседы о прошлом» имеют интересную историю, приоткрыть которую могут дополнительные эпистолярные источники, а также рукопись, которая, возможно, сохранилась в Государственном литературном музее. Текстологическое сравнение наиболее ранних и поздних вариантов «Бесед о прошлом» поможет увидеть, как изменялся текст с течением времени, что было в него привнесено и кем это было сделано. Наша небольшая статья лишь первый шаг к большой исследовательской работе, которая позволит дать критическую оценку источнику, а, следовательно, актуализировать его использование в экспозиционно-выставочной деятельности музея, в том числе при модернизации мемориальной экспозиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беседы о прошлом (рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской). Саратов : Приволжское книжное издательство, 1983.

«История в человеке» – академик М. В. Нечкина / под ред.: Е. Л. Рудницкой, С. В. Мироненко. Москва : Новый хронограф, 2011.

Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников : в 2 т. Саратов, 1958. Т. 1.

Основной фонд Музея Н. Г. Чернышевского 801. Л. 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, II, б/н., 134-I, 134-II, 134-III, 1–2 «к стр. 20», 23-I, 23-II, б/н «к с. 19».

Рукопись Чернышевской-Быстровой Н. М. Воспоминания Е. Н. Пыпиной 1918–1933 гг. // Основной фонд Музея Н. Г. Чернышевского.

Чернышевская, Н. М. Внутреннее устройство дома Чернышевских в середине XIX века: (из воспоминаний Пыпиной Е.Н.) / Н. М. Чернышевская // Научный архив музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. Оп. 2 н/а. Д. 15.

А. В. Зюзин

БИБЛИОГРАФИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

С момента, когда Саратовский университет стал носить имя Н. Г. Чернышевского (1924 г.) и выполнялась работа по составлению краевой (краеведческой) картотеки библиотекой университета, начинается библиографирование научной и исследовательской литературы о жизни и творчестве Чернышевского.

Составление рекомендательной библиографии и включение произведений Чернышевского в списки для чтения и другие массовые

библиографические издания, обращённые к широкой публике, стали формироваться ещё в конце XIX – начале XX в. Первые серьёзные попытки систематизировать и библиографически оформить работы самого Н. Г. Чернышевского и доступную литературу о нём были предприняты его сыном Михаилом Николаевичем Чернышевским. Здесь следует упомянуть издания под простым и вместе с тем ёмким названием «О Чернышевском. Библиография». Два издания отличались лишь хронологическими рамками и датами выхода: 1) 1854–1908 (октябрь 1909 г.) и 2) 1854–1910 (февраль 1911 г.).

В 1932 г. на базе Совета секций академических, научных, технических и вузовских библиотек Саратовского библиотечного объединения стараниями В. А. Артисевич организуется самостоятельное библиотечное сообщество «Ассоциация научных, специальных и вузовских библиотек г. Саратова»¹. Руководителем становится В. А. Артисевич, секретарем – К. И. Дворецкова². Из множества самых разнообразных секций по направлению работы библиотек К. И. Дворецкова избирается руководителем секции, связанной с библиографической работой. Начиная с 1934 года стараниями справочно-библиографического отдела под ее руководством стала формироваться краеведческая картотека, фиксирующая, по возможности полно, все публикации о Нижневолжском (Саратовском) крае. Неоценимую консультационную помощь в этой работе оказал Н. В. Здобнов. Специально выделенной персоналией, которой начинает планомерно заниматься библиотека, становится персоналия Н. Г. Чернышевского. Работа поручается Владимиру Афанасьевичу Сушицкому – сначала внештатному сотруднику справочно-библиографического отдела библиотеки, а потом сотруднику по договору. Работа велась быстро, старались успеть к юбилейным университетским мероприятиям. Уже в начале сентября 1934 г. В. А. Сушицкий представляет указатель под названием «Саратовский университет и Н. Г. Чернышевский» на активе секции. В представлении работы Сушицкий скажет: «Работа является библиографической сводкой того, что сделано Саратовским университетом в области изучения и популяризации литературного наследия Н. Г. Чернышевского»³. Показательны названия разделов издания, напомним: «Чернышевский в истории университета», «Научные работники Саратовского университета в деле изучения Н. Г. Чернышевского» (принцип размещения – персоналии

¹На протяжении ряда лет существования «Ассоциации» в её название вносились изменения, однако основная часть названия и аббревиатура сохранялись (АНВБ). Известные варианты: «Ассоциация научных, специальных и вузовских библиотек г. Саратова», «Ассоциация научных и специальных вузовских библиотек г. Саратова», «Ассоциация научных библиотек и библиотек учебных заведений г. Саратова».

²См.: *Зюзин, А. В.* В. А. Артисевич и Ассоциация научных и вузовских библиотек Саратова (материалы к теме) // Библиотека вуза : вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр., посвящ. памяти В. А. Артисевич. Саратов, 2007. Вып. 7. С. 13–20.

³*Сушицкий, В. А.* Саратовский университет и Н. Г. Чернышевский, 1909–1934 гг. / ред. В. А. Артисевич. Саратов, 1934. С. 2.

ученых). Указатель получился небольшой, но знаковый для начала библиографирования исследований о Н. Г. Чернышевском.

В 1939 г. к 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского подготовлен краткий библиографический указатель с разделами «5. Библиографические указатели» и «7. Чернышевский и Саратов». И в этом же году – 70-страничный указатель под названием «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Библиография» со специальным разделом (пока ещё маленьким – 3 публикации) «Музей Н. Г. Чернышевского».

Постепенно формируются система указателя и его основные тематические разделы и рубрики. Картотека пополняется, особенно региональной литературой. Появляется необходимость в специальных указателях, таких как «Сушицкий, В. А. Роман Чернышевского “Что делать?” и литература о нём : библиогр. указ. рек. лит. / В. А. Сушицкий; отв. за вып. В. А. Артисевич. Саратов : НБ при СГУ, 1936. 24 с.», «Чернышевский и Саратов. Библиография / сост. П. А. Супоницкая. Саратов : НБ СГУ, 1957. 52 с.», «Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за Советский период: библиография / сост. П. А. Супоницкая. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1960. 32 с.». К 1960 г. – моменту выхода упомянутой последней библиографии – только раздел «Чернышевский и Саратов» персональной картотеки сегмента краеведческой картотеки насчитывал более тысячи библиографических карточек с описанием материалов, публикаций и исследований. Именно 1960 г. стал переломным для ведения и библиографирования материалов о Н. Г. Чернышевском.

Вновь были обсуждены насущные вопросы, которые не переставали занимать составителей картотеки и указателей. Еще в 1928 г. В. В. Буш говорил о необходимости учитывать так называемые «летучие издания» и публикации в заграничных изданиях различной направленности, а в 1930-е гг. на совещаниях разного уровня, в том числе и Всесоюзном совещании по библиографии, К. И. Дворецкова поднимала вопрос о работе с архивными материалами и литературой специального пользования в связи с составлением по краевой библиографии в целом (и раздела персоналия в частности). К сожалению, эти и ряд других вопросов остались без ответа или получили отрицательный ответ, который не мог не сказаться на качестве краевой картотеки, в том числе и раздела «Н. Г. Чернышевский».

Результатом всех совещаний и практических решений стал обновленный вид указателя в научно-библиографической работе ЗНБ СГУ – это указатель литературы «Н. Г. Чернышевский. 1960–1970 гг. : указатель литературы / сост.: П. А. Супоницкая, А. Я. Ильина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 160 с.». Литература в указателе фиксируется за период с 1960-го по 1970-й г. Выбор хронологических границ диктовался острой потребностью продолжить регистрацию литературы о Чернышевском после 1960 г. Само издание стало включать более расширенный справочный аппарат. В подготовке материалов для указателя принимали участие студенты спецсеминара

и просеминара по творчеству Н. Г. Чернышевского, всего 16 человек, среди них: Л. Г. Горбунова, Е. Г. Елина, Л. Я. Паклина, В. Ш. Кривонос. Научная редактура была выполнена Б. И. Лазерсон и В. В. Прозоровым.

Указатель имел хорошие рецензии. Интерес к данной теме возрос в связи с 150-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского в 1978 г. Были проведены многочисленные научные конференции, опубликованы крупные монографии, научные сборники, статьи, брошюры и т. д. Это было время интенсивного и плодотворного изучения биографии и богатейшего наследия Н. Г. Чернышевского. ЗНБ СГУ выпустила библиографический указатель, являющийся продолжением предыдущего труда: «Н. Г. Чернышевский : указатель литературы, 1971–1981/сост. П. А. Супоницкая ; под ред. А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1985. 248 с.»

Далее различные трудности – общественно-политические, в том числе библиографического характера, – сыграли свою роль, и следующий указатель, включающий материалы за 1982–2002 гг., увидел свет только в 2007 г.: «Н. Г. Чернышевский: указатель литературы, 1982–2002 / сост. : Н. С. Кикалова, М. А. Михайлова, Т. А. Ривман. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2007. 192 с.». Теперь уже новые вопросы стали серьезным камнем преткновения при ведении картотеки и создании базы данных по Н. Г. Чернышевскому.

Прежде всего, следует сказать о трудностях библиографирования интернет-ресурсов. Речь идёт о сайтах и порталах, на страницах которых появляются и с течением времени исчезают материалы о Н. Г. Чернышевском. Если раньше В. В. Буш упоминал о летучих печатных изданиях, то теперь следует говорить о виртуально-летучих публикациях. Кроме того, проблемными становятся и так называемые «републикации», точнее сказать, оцифрованные издания прошлых лет. Корректность их представления и описания вызывает много разных вопросов, пока ещё трудно разрешаемых в современном библиографическом мире.

Особняком стоят и визуальные материалы. Это бук-трейлеры, рекламы, презентации, передачи (теле-, радио-), блоги и виртуальные суждения о романе и произведениях Н. Г. Чернышевского, героях его произведений и всём его творчестве. Часть из этого многообразия выставляется на специальных порталах с видеоматериалами (такими, как «YouTube»), другие разбросаны в «Живых журналах», страничках социальных сетей (Одноклассники, ВКонтакте, Мой мир, FACEBOOK, TWITTER) и др. Для всего этого разномасштабного материала, увы, ещё нет государственной летописи или полного архива. Часть виртуальных видеоматериалов уходит в небытие или замещается новыми.

Основная трудность не только в библиографическом описании интернет-ресурсов о Н. Г. Чернышевском, но и в их последующей доступности для ученых, которые с течением времени захотят с ними познакомиться.

Стараясь фиксировать и эту часть материалов о Н. Г. Чернышевском, в ЗНБ СГУ создается база данных. На её основе уже сейчас подготовлен очередной указатель, включающий традиционные публикации о персоне за 2003–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зюзин, А. В. В. А. Артисевич и Ассоциация научных и вузовских библиотек Саратова (материалы к теме) / А. В. Зюзин // Библиотека вуза : вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр., посвященный памяти В. А. Артисевич / редкол. : И. В. Лебедева (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Научная книга, 2007. Вып. 7. С. 13–20.

Сушицкий, В. А. Саратовский университет и Н. Г. Чернышевский, 1909–1934 гг. / В. А. Сушицкий ; ред. В. А. Артисевич. Саратов, 1934.

АННОТАЦИИ

В. К. Кантор

Августин и Чернышевский: падение Рима как культурфилософская проблема

В статье сравнивается речь Августина «Слово о разорении города Рима» и статья-трактат Н. Г. Чернышевского «О причинах падения Рима. (Подражание Монтескле)». Римская империя была чем-то большим, чем просто государственным образованием, символом того, как надо жить не-варвару. Августин ссылаясь на случай как причину катастрофы, стихию и видел главную задачу человечества в построении Града Божьего, а не в земном устройении. Его поддерживал Монтескле. Чернышевский писал о величии Рима, который пал, поскольку цивилизация оказалась бессильна перед натиском варваров. Он резко поделил историю человечества на период цивилизованный и варварский. Человек должен уметь преодолеть себя на пути к Граду Божьему, считал русский мыслитель, необходимо просвещать и цивилизовать свой народ.

Ключевые слова: падение Рима, Августин и Чернышевский, Монтескле, цивилизация и варварство, христианство, античная культура.

В. В. Прозоров

Н. Г. Чернышевский в сетях Интернет: неожиданные наблюдения

Автор статьи делится своими размышлениями о восприятии имени Чернышевского и его романа «Что делать?» среди новых поколений молодых людей, *безразличных к чтению*. В пространстве Интернета встречаются беглые упоминания о Чернышевском. Он занимает свое место в программах для профильных филологических классов. В статье приводятся некоторые письменные отклики-отзывы о Чернышевском абитуриентов Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Многие молодые читатели начинают знакомство с романом «Что делать?» с краткого содержания. Гуманитариям-профессионалам есть смысл присмотреться к этому феномену с точки зрения качества пересказа классического текста.

Ключевые слова: Чернышевский и Интернет, читательская память, поколение Z, «Что делать?», школьная программа, краткий пересказ содержания.

А. А. Гапоненков

Три саратовских мыслителя: Н. Г. Чернышевский, С. Л. Франк, Г. П. Федотов. К 100-летию русской революции

В умственной жизни Саратова XIX–XX вв. было три выдающихся мыслителя (Н. Г. Чернышевский, С. Л. Франк, Г. П. Федотов), которые вошли в историю русской мысли, прославили волжский город, оставили после себя свой саратовский текст, места пребывания. Неведомой лишь многим остается соотношенность этих трех имен в интеллектуальной истории Саратова. Сближает их не только локальный принцип «гений места», все они отличились особым отношением к русской революции, ее движущим силам, судьбе России. Саратовский опыт биографии был востребован ими для осмысления революционных событий (как в Европе, так и в России).

Ключевые слова: саратовские мыслители, русская революция, городское культурное пространство, саратовский текст, судьба России.

Е. В. Бессчетнова

Себялюбие Аристотеля и разумный эгоизм Н. Г. Чернышевского

В статье рассматриваются параллели в этических взглядах Аристотеля и Н. Г. Чернышевского. Автор отмечает, что Аристотель был интеллектуальным учителем Чернышевского, на которого последний ориентировался в период своего становления как мыслителя. Чернышевский называл Аристотеля и Спинозу одними из немногих мыслителей, которые следовали антропологическому принципу, хотя и не употребляли этого термина для характеристики своих воззрений на человека. Отдельное внимание в статье уделено анализу понятий «себялюбие» и «разумный эгоизм», сделан вывод, что при формировании этических взглядов Чернышевский ориентировался на фундаментальный текст Аристотеля «Никомахова этика».

Ключевые слова: себялюбие, разумный эгоизм, этика, антропологический принцип, счастье, благо.

Он Оя

Английский утилитаризм и «гипотетический метод» Н. Г. Чернышевского

Влияние английского утилитаризма на формирование мировоззрения Н. Г. Чернышевского изучено недостаточно. Утилитаризм Бентама через Милля-младшего во многом открыл путь к теории нынешних государств благоденствия. Бентамовский принцип «пользы» можно назвать «принципом величайшего счастья». Первая рецензия Чернышевского на работу Бентама появилась в журнале «Современник» (1857. № 10). С помощью «гипотетического метода» Чернышевский «объективно» доказал, в отличие от Бентама, выгоду общинного пользования землей. Причем сделал это посредством объективной меры для измерения количества «пользы» – денежной единицы. Чернышевского можно назвать предшественником Милля в аргументе о качестве благосостояний.

Ключевые слова: английский утилитаризм, Бентам и Чернышевский, Милль, принцип «пользы», «гипотетический метод», сельская община, качество благосостояний.

А. С. Баранова

Антропологические основы самостоятельности человеческого познания

Вопросы, поставленные Н. Г. Чернышевским, относительно антропологических основ самостоятельности человеческого познания необычайно актуальны в наши дни и требуют дальнейшего развития в современных условиях

развития общества. Чернышевский делает глубокий вывод о том, что в процессе развития самостоятельности познания человека недостаточно только собственных сил ума, здоровой натуры, здравого смысла, необходимо также знакомство с новейшими научными знаниями. Самостоятельность мышления тесно связана с побуждениями человека. Чернышевский рассматривает соотношение умственной деятельности и добра. Антропологический принцип в понимании Чернышевского состоит в целостности человека.

Ключевые слова: антропологический принцип, самостоятельность человеческого познания, дарования, мышление, побуждения, научное знание, целостность человека.

София Бранко

Эстетика Н. Г. Чернышевского глазами Д. И. Писарева

Вопросы об искусстве, поднятые Н. Г. Чернышевским, были пересмотрены в статье Д. И. Писарева «Разрушение эстетики». Критик заявил о связи между эстетикой и «лженаукой», о том, что наука о прекрасном не имеет права на существование, так как оно определяется индивидуальным вкусом. Это было продолжением споров эмпириков и догматиков об опытным знании и универсальном. Писарев мотивирован императивом универсализма, но не философского, а научного. Для Чернышевского прекрасное в жизни всегда выше прекрасного в искусстве. При этом жизнь как конечная цель является идеальным будущим. Чернышевский опровергает «разрушение эстетики».

Ключевые слова: эстетика, «разрушение эстетики», Чернышевский и Писарев, наука, универсальность, эмпирика и догматика.

М. М. Адулян

След романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в армянской литературе

Целый ряд армянских писателей проявляли живой интерес к Н. Г. Чернышевскому и к его роману «Что делать?». Это произведение оставило свой след в армянской литературе и стало источником вдохновения и идей для Раффи (Акоп Мелик-Акопян), Микаэла Налбандяна, Рафаэла Патканяна, Азарии Аделяна. Подробно прослежена общность между романами «Что делать?» Чернышевского и «Хент» Раффи. Авторы сознательно рисуют картины будущего в снах главных героев. Особенность произведений армянских писателей – наличие реляций национально-освободительной борьбы, свой взгляд на проблему женской эмансипации, религии и Церкви.

Ключевые слова: Чернышевский и армянская литература, армянские писатели, новый тип героев, национальные проблемы, утопия, женская эмансипация.

В. А. Китаев

К характеристике западничества И. С. Тургенева (вторая половина 1850 – начало 1880-х гг.)

В «заметках» о западничестве И. С. Тургенева привлекаются в основном тексты не для печати – письма писателя и воспоминания современников о нем – в контексте теорий В. Г. Белинского, А. И. Герцена, К. Д. Кавелина, М. Н. Каткова, Б. Н. Чичерина, Ф. М. Достоевского и др. Тургенев протестовал против внешней подражательности, видел в школе европеизации для России неизбежный этап на пути достижения ею подлинной самостоятельности в семье европейских народов. Особая роль в статье отводится журналу «Вестник Европы». Либерализм этого издания эволюционировал и к началу 1880-х годов приобрел

социальную окраску, отбросив западнический ярлык. Тургенев до конца жизни пронес верность своему «старому» западническому либерализму, но либеральная ортодоксия не помешала ему в 1870-м – начале 1880-х гг. находиться в дружественных отношениях с кругом сотрудников «Вестника Европы».

Ключевые слова: И. С. Тургенев, западничество, эволюция либерализма, европеизм, национальная культура, «Вестник Европы», полемика.

Е. В. Первалова

«Обязанность редакции состоит в том, чтобы присутствие ее было видно повсюду...»: несколько стрихов к портрету М. Н. Каткова-редактора

В статье рассматриваются эпизоды, относящиеся к первым годам издания журнала «Русский вестник» М. Н. Каткова, причины, побудившие прекратить сотрудничество с ним Б. Н. Чичерина, Е. В. Салиас-де-Турнемир (Е. Тур), Б. И. Утина, Н. М. Благовещенского, М. Е. Салтыкова. Доказано, что в основе разногласий между редакцией и авторами «Русского вестника» лежали отнюдь не различно понимаемые взаимные обязанности редактора и сотрудников и не его деспотические наклонности. Анализ переписки, воспоминаний и документов свидетельствует о том, что Катков стремился к взаимопониманию с авторами, желая придать изданию определенное направление. Он ужесточил требования к публикуемым материалам. К концу 1850-х гг. Катков превратил «Русский вестник» в наиболее последовательный либерально-консервативный журнал.

Ключевые слова: М. Н. Катков-редактор, «Русский вестник», сотрудники, либерализм и консерватизм, программа журнала.

О. А. Хвостова

М. Н. Катков в 1880 году: открытие памятника Пушкину

В статье подчеркивается, что в обострившейся политической ситуации в России 1880 г. (усиление народовольческого террора, череда покушений и убийств, внутренний общественный раскол) публицист и редактор М. Н. Катков публично встал на защиту государственных патриотических интересов. Приводятся конкретные примеры попыток организаторов пушкинских торжеств (С. А. Юрьев, М. М. Ковалевский, И. С. Тургенев) не допустить появления Каткова на празднике. Между тем его вдохновенное слово примирения на обеде по случаю открытия памятника Пушкину для многих оказалось неожиданным. Рассматривается личный конфликт Тургенева и Каткова и шире – «катковцев» и «тургеньевцев» – на торжествах в свете журнальной полемики. Все это в мемуарной литературе получило название «Incident Katkoff».

Ключевые слова: М. Н. Катков и либералы, Пушкинский праздник, «Incident Katkoff», И. С. Тургенев, журнальная полемика, Пушкин и Россия.

В. В. Прозоров

Адольф Андреевич Демченко: годы молодые

Мемуарный текст об А. А. Демченко и его учителях в годы молодости (конец 1950 – начало 1970-х гг.), саратовских филологах А. П. Медведеве и Е. И. Покусаеве. А. П. Медведев едва ли не первый подсказал начинающему исследователю тему жизни, связанную с биографией Чернышевского. Е. И. Покусаеву Демченко «обязан стойким интересом к фактам, к тексту, к источнику». В. В. Прозоров и А. А. Демченко, ученики Е. И. Покусаева, вместе слушали его доклад в Саратовском театре драмы по случаю 150-летия Ф. М. Достоевского 11 ноября 1971 г. Приводится высокая оценка Ю. Г. Оксманом статьи молодого

Демченко «Из истории полемики Чернышевского с А. В. Дружининым». Профессор Демченко – историограф легендарного филологического содружества (университета, пединститута, музея Чернышевского, других культурных гнезд Саратова).

Ключевые слова: А. А. Демченко, А. П. Медведев, Е. И. Покусаев, саратовская филологическая школа, научная биография Чернышевского.

Е. В. Киреева

А. А. Демченко – начальник фольклорной экспедиции филологов Саратовского государственного университета в Хвалынский район Саратовской области в 1982 году

Воспоминания о поездке А. А. Демченко во главе фольклорной студенческой экспедиции в г. Хвалынь и с. Дубовый Гай на р. Терешке. Работали, как полагаются, парами по разным темам: старообрядчество, традиционный фольклор мирского населения (песни, сказки, частушки, историческая проза). В с. Дубовый Гай слушали певческую группу. Особо подчеркнуты личные качества начальника экспедиции: следование разработанной инструкции, неприхотливость в быту, добродушный юмор, любовь к супруге и детям, органическое сочетание труда и отдыха. Это создавало ощущение опеки старшего и свободы, инициативы подчиненных.

Ключевые слова: А. А. Демченко, фольклорная экспедиция, г. Хвалынь, с. Дубовый Гай, опыт организации фольклорной практики.

Он Оя

Поездка Адольфа Андреевича Демченко в Японию в 2011 году

26 января – 3 февраля 2011 г. профессор А. А. Демченко побывал в Японии как «зарубежный сотрудник» исследовательской группы по изучению политической мысли. Адольф Андреевич познакомился с Университетом Саппоро, уникальной университетской библиотекой. В Токио он встретился с «Обществом исследователей истории русской мысли» (Университет Васеда), принял участие в заседаниях Научных чтений. Демченко выступил с докладом «Николай Чернышевский: взгляд из XIX века». После экскурсии в Йокогаме он прибыл в Йокогамский университет, осмотрел русский фонд библиотеки. По приглашению «плеханиста» Сакамото Демченко посетил Институт социальных вопросов им. Охара при Университете Хоусеи. Насыщенный учеными встречами визит сопровождался знакомством с японской экзотикой.

Ключевые слова: А. А. Демченко, Чернышевский и Япония, японские университеты, русская социально-политическая мысль, «Общество исследователей истории русской мысли».

А. П. Скафтымов

Роман «Что делать?» (его идеологический состав и общественное воздействие)

Первая специальная статья А. П. Скафтымова, посвящённая роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», была опубликована в 1926 г. в сборнике «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания» (Саратов: Издание Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. С. 92–140) и, как отмечал автор, в её состав вошли: «1) публичная речь, произнесённая в заседании Саратовского университета 29.X.1924 года и 2) доклад, прочитанный в заседании Нижне-Волжского областного научного общества краеведения 9.XI.1924 г.». До сих пор эта статья не перепечатывалась.

Новая ее публикация выходит с исправлением многочисленных опечаток. Библиографическое описание в авторских сносках соответствует нормам 1920-х гг.

Ключевые слова: авторский текст и цензура, жанр романа, сумма философии романа, идеологический состав, действующие лица, женская эмансипация, тенденциозность, общественное воздействие.

А. И. Ванюков

**А. П. Скафтымов о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»:
проблемы типологии жанра**

Статья А. П. Скафтымова о «Что делать?» 1926 г. рассмотрена автором с жанровой точки зрения, т. е. анализа скафтымовской методологии изучения жанра романа. Логика и структура работы полностью раскрывают принципы анализа романа Чернышевского как идеологического, общественного, тенденциозного. А. П. Скафтымов сразу же указывает на *построение* романа, его конфликтную основу, «сумму философии», «общую диалектику целого» и т. д. В цикле работ ученого о Чернышевском классический анализ романа «Что делать?» занимает центральное, стержневое положение. Прочную методологическую базу дает обращение к труду В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа» (СПб., 1909). Приводятся скафтымовские пометы на страницах этого фундаментального исследования, являющегося одним из истоков научной мысли о романном жанре.

Ключевые слова: проблемы типологии жанра, жанр романа, методология А. П. Скафтымова, идеологический роман, В. В. Сиповский.

Н. В. Новикова

**Дело, которому служишь: Н. Г. Чернышевский профессора
Е. П. Никитиной**

В статье рассмотрен вклад профессора Евгении Павловны Никитиной (1926–2013), ученицы А. П. Скафтымова и Е. И. Покусаева и продолжательницы их дела, в популяризацию личности и литературно-критического наследия Н. Г. Чернышевского, прежде всего, в Саратовском государственном университете.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, А. П. Скафтымов, Е. И. Покусаев, Е. П. Никитина, саратовская филологическая школа, личность и литературно-критическое наследие писателя, кабинет-музей.

Анна Роберти

**Луиджи Кароли и итальянские гарибальдийцы в Сибири и их
взаимоотношения с Николаем Гавриловичем Чернышевским**

Луиджи Кароли и некоторые итальянские гарибальдийцы приняли участие в польском восстании 1863 г. Они были арестованы и сосланы в Сибирь. На основе мемуаров Э. Андреоли, А. Венанцио, документов о сибирской каторге Кароли и его друзей, семейных преданий автора статьи восстанавливается итальянский круг общения Н. Г. Чернышевского в селе Кадая, где он находился с августа 1864 г. по январь 1865 г. Выдвинуто предположение о возможной встрече Чернышевского с гарибальдийцами и в Александровском Заводе. А. Роберти посетила в 2015 г. предполагаемое место захоронения Луиджи Кароли в Кадае.

Ключевые слова: Луиджи Кароли и Чернышевский, гарибальдийцы, сибирская каторга, Кадая, история семьи.

В. Л. Кириллов

**«Легко сказать: освободить!» К истории замысла освобождения
Н. Г. Чернышевского петербургским тайным обществом «Сморгонская
академия»**

Н. Г. Чернышевского неоднократно пытались освободить из сибирской торговли. В работе восстанавливается попытка организации побега сибирского узника членами революционного кружка «Сморгонская академия» в 1869–1870 гг. (В. И. Кунтушев, Д. А. Воскресенский, П. А. Николаев и др.). Никаких «опорных связей», как и «плана действий», сморгонцы не имели. Обсуждавшаяся в тайном обществе идея была, по сути, молодежным авантюрным предприятием, которое быстро распалось. Возникает вопрос о преемственности в замысле освобождения Чернышевского между сморгонцами и другими организаторами предполагавшегося побега (П. А. Ровинский и др.).

Ключевые слова: Чернышевский в Сибири, русское революционное подполье 1860-х гг., революционный кружок «Сморгонская академия».

С. Н. Рубцов

**«Беседы о прошлом». К вопросу о модернизации мемориальной
экспозиции музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского**

В последнее время всё чаще возникает вопрос о возможной модернизации экспозиции, расположенной в мемориальном доме семьи Чернышевских. Это, в свою очередь, отправляет к тем источникам и публикациям, на основании которых данная экспозиция создавалась. Один из таких источников – «Беседы о прошлом», воспоминания Екатерины Николаевны Пыпиной, двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского, записанные Н. М. Чернышевской. Текстологическое сравнение наиболее ранних и поздних вариантов «Бесед о прошлом» позволяет увидеть, как изменялся текст с течением времени, что было в него привнесено и кем было это сделано. Критическая оценка данного источника актуализирует его новое использование в экспозиционно-выставочной деятельности музея.

Ключевые слова: мемориальная экспозиция музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, «Беседы о прошлом» Е. Н. Пыпиной, варианты текста, критическая оценка источника.

А. В. Зюзин

**Библиографирование научной и исследовательской литературы
о Н. Г. Чернышевском: прошлое и настоящее**

В статье рассматриваются этапы становления и развития персональной библиографии публикаций о жизни и творчестве Н. Г. Чернышевского в саратовском контексте. Отмечаются сложности библиографирования материалов для персональной библиографии из интернет-пространства.

Ключевые слова: литература о Чернышевском, библиографирование, персональная библиография.

SUMMARIES

V. K. Kantor

Augustine and Chernyshevsky: the fall of Rome as a cultural and philosophical problem

The article compares Augustine's speech "On the Sack of the City of Rome" and Chernyshevsky's tractate "The reasons for the fall of Rome (imitating Montesquieu)". The Roman Empire used to be something bigger than just a state formation, but a symbol of how a non-barbarian needed to live. Augustine referred to an accident as a cause of the disaster, the force of nature and saw the main goal of humankind as building the City of God, not an earthly organization. Montesquieu supported him. Chernyshevsky wrote about Rome that had fallen because the civilization had happened to be at the mercy of barbarians' pressure. He distinctly divided the history of humankind into civilized and barbarian / barbarous periods. A man / person had to rise above himself / themselves on the way to the City of God, as the Russian thinker supposed, it was needed to educate and civilize one's people.

Key words: the fall of Rome, Augustine and Chernyshevsky, Montesquieu, civilization and barbarity, christianity, ancient culture.

V. V. Prozorov

N. G. Chernyshevsky on the Internet network (unexpected observations)

The author of the article shares his thoughts about the perception of N. G. Chernyshevsky and his novel "What is to Be Done?" among new generations of young people who are *not interested in reading*. On the Internet Chernyshevsky is mentioned briefly, superficially. He is placed in philologically oriented school programs. The article gives some comments and short reviews on Chernyshevsky written by prospective students of Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. Many young people get to know the novel "What is to Be Done?" starting with its synopsis. And it may be reasonable for the specialists in liberal arts to take a closer look at this phenomenon in terms of the quality of a classical text retelling.

Key words: Chernyshevsky and the Internet, memory of a reader, Generation Z, "What is to Be Done?", school curriculum, synopsis.

A. A. Gaponenkov

Three thinkers of Saratov: N. G. Chernyshevsky, S. L. Frank, G. P. Fedotov. Marking the centenary of the Russian Revolution

In intellectual life of Saratov there were three outstanding thinkers (N. G. Chernyshevsky, S. L. Frank, G. P. Fedotov) who made it into history

of Russian thought, glorified the Volga city, left behind their own Saratov text, places of residence. But many people are unfamiliar with the correlation of these three names in intellectual history of Saratov. They are brought together not only by the local principle of “geniuses of the place”, all of them were notable for a special attitude to the Russian Revolution, its driving force, the destiny of Russia. They used Saratov biography experience for comprehension of revolutionary events (in Europe as well as in Russia).

Key words: Saratov thinkers, Russian Revolution, cultural space of a city, Saratov text, destiny of Russia.

E. V. Besschetnova

Aristotle’s love for oneself and N. G. Chernyshevsky’s reasonable egoism

The article examines the parallels in the ethical views of Aristotle and Nikolay Chernyshevsky. The author proves the statement that Aristotle was an intellectual teacher of Chernyshevsky. Chernyshevsky called Aristotle and Spinoza one of the few thinkers who followed the anthropological principle, although they did not use this term to describe their views on a human being. Special attention is paid to the analysis of the notions of “love for oneself” and “reasonable egoism”. The author concludes that Aristotle’s fundamental text “Nicomachean Ethics” has influenced the formation of Chernyshevsky’s ethical views.

Key words: love for oneself, reasonable egoism, ethics, anthropological principle, happiness, good.

On Oya

English utilitarianism and N. G. Chernyshevsky’s “hypothetical method”

The influence of English utilitarianism on N. G. Chernyshevsky’s mindset formation hasn’t yet been studied thoroughly enough. Thanks to Mill Jr. Bentham’s utilitarianism widely opened a gate for the theory of present-day flourishing States. Bentham’s “benefit” principle can be called “the greatest happiness principle”. Chernyshevsky’s first Bentham’s work review appeared in the journal “Sovremennik” (“The Contemporary”) (1857. № 10). With the help of “hypothetical method” Chernyshevsky unlike Bentham “objectively” proved the benefit of collective land property use. Besides he did it by means of objective measure of “benefit” quantity – monetary unit. Speaking of the argument about well-being quality Chernyshevsky can be called Mill’s predecessor.

Key words: English utilitarianism, Bentham and Chernyshevsky, Mill, “benefit” principle, “hypothetical method”, village community, well-being quality.

A. S. Baranova

Anthropological fundamentals of human cognition independence

The questions concerning anthropological fundamentals of human cognition independence raised by N. G. Chernyshevsky are immensely pressing nowadays and require further elaboration in present-day conditions for social development. Chernyshevsky makes a profound conclusion that during the process of human cognitive independence development it is not enough to have one’s own mental power, healthy human nature, common sense; introduction to the latest scientific knowledge is also needed. Independence of thought is closely linked to a person’s impulses. Chernyshevsky examines a correlation between intelligence and kindness. An anthropological principle as realized by Chernyshevsky consists of integrity of a human being.

Key words: anthropological principle, human cognition independence, abilities, thinking, impulses, scientific knowledge, integrity of a human being.

Sonya Branko

N. G. Chernyshevsky's aesthetics through the eyes of D. I. Pisarev

The questions about art raised by N. G. Chernyshevsky were reconsidered in D. I. Pisarev's article "Destruction of Aesthetics". The literary critic declared the connection between aesthetics and "pseudoscience", that the study of the beautiful determined by an individual taste has no right to exist. It was the continuation of the dispute between empiricists and dogmatists about knowledge acquired through experience and universalistic knowledge. Pisarev was motivated by the imperative of universalism, but scientific, not philosophical one. For Chernyshevsky the beauty of life is always above the beauty in art. In this connection life as the ultimate objective is the perfect future. Chernyshevsky demolishes the "destruction of aesthetics".

Key words: aesthetics, "destruction of aesthetics", Chernyshevsky and Pisarev, science, universality, empirics and dogmatics.

M. M. Adulyan

The trace of N. G. Chernyshevsky's novel "What is to Be Done?" in Armenian literature

A number of Armenian writers demonstrated a keen interest in N. G. Chernyshevsky and his novel "What is to Be Done?". This fictional work left a trace in Armenian literature and became a source of inspiration and ideas for Raffi (Hakob Melik-Hakobyan), Mikael Nalbandyan, Raphael Patkanyan, Azariya Adulyan. The similarity between Chernyshevsky's novel "What is to Be Done?" and Raffi's "Hent" is tracked in detail. The authors consciously paint the pictures of future in the dreams of main characters. The peculiarity of Armenian writers' texts is the presence of national liberation struggle realia, their own opinion on the issue of female emancipation, religion and church.

Key words: Chernyshevsky and Armenian literature, Armenian writers, new type literary characters, national problems, utopia, female emancipation.

V. A. Kitaev

To the characteristics of I. S. Turgenev's Westernism

For the "notes" on I. S. Turgenev's Westernism mostly off-the-record texts are taken – the writer's letters and his contemporaries' memoirs about him – in the context of the theories of V. G. Belinsky, A. I. Herzen, K. D. Kavelin, M. N. Katkov, B. N. Chicherin, F. M. Dostoevsky. Turgenev protested against external mimicry, in the school of Russia's Europeanisation he saw inevitable stage on the way to achieving true independence in the family of European nations. The article places special emphasis on the journal "Vestnik Evropy" ("The European Messenger"). The periodical's liberalism evolved and by the early 1880s acquired social stigma, shedding western label. For the rest of his life Turgenev remained faithful to his "old" western liberalism, but liberal orthodoxy did not interfere with his friendship with a range of "Vestnik Evropy"'s staff in 1870 – early 1880s.

Key words: I. S. Turgenev, Westernism, evolution of liberalism, Europeanism, national culture, "Vestnik Evropy", dispute.

E. V. Perevalova

**“Editorial staff’s responsibility is to make its presence visible everywhere. ...”:
a few touches to the portrait of M. N. Katkov-the editor**

The article covers some episodes concerning early years of publishing M. N. Katkov’s journal “Russky vestnik” (“The Russian Herald”), the reasons for B. N. Chicherin, E. V. Salias-de-Turmenir (E. Tur), B. I. Utin, N. M. Blagoveschensky, M. E. Saltykov chose to end the partnership with him. The article proves that the discordance of opinion between the editorial staff and the authors of “Russky vestnik” was based on nothing less than difference in understanding the responsibilities of an editor-in-chief and employees or his tyranny inclinations. The analysis of correspondence, memoirs and documents testifies that Katkov wished for mutual understanding with the authors willing to shape the publication according to a certain course. He tightened the regulations applied to published materials. By the end of 1850s Katkov turned “Russky vestnik” into the most consistent liberal and conservative journal.

Key words: M. N. Katkov-the editor, “Russky vestnik”, employees, liberalism and conservatism, journal’s concept.

O. A. Khvostova

M. N. Katkov in 1880: inauguration of the monument to Pushkin

The article emphasizes that in aggravated political situation in Russia in 1880 (escalation of movement of “Narodnaya Volya” (“People’s Will”), a number of attempted murders and homicides, domestic social cleavages) M. N. Katkov, a publicist and an editor, publicly protected patriotic national interests. The article presents specific examples of how the organizers of celebrations in Pushkin’s honor (S. A. Yuryev, M. M. Kovalevsky, I. S. Turgenev) tried to stop Katkov from appearing at the party. Meanwhile his inspirational word of conciliation at the dinner marking the opening of the monument to Pushkin turned out to be unexpected for many people. The article examines a personal conflict between Turgenev and Katkov and broader – Katkov’s and Turgenev’s supporters during the celebrations, in the light of journal debates. In memoirs it was called “Incident Katkoff”.

Key words: M. N. Katkov and liberals, celebrations in Pushkin’s honor, “Incident Katkoff”, I. S. Turgenev, journal debates, Pushkin and Russia.

V. V. Prozorov

Adolf Andreevich Demchenko: the years of youth

The memoirs about A. A. Demchenko and his teachers in his early years (the end of 1950s – the beginning of 1970s), Saratov philologists – A. P. Medvedev and E. I. Pokusaev. A. P. Medvedev was hardly the first person who offered the young scientist a topic for his life-long research that was connected to Chernyshevsky’s biography. Demchenko owes E. I. Pokusaev “a debt of gratitude for the enduring interest in facts, the text, the source”. V. V. Prozorov and A. A. Demchenko, E. I. Pokusaev’s students, together were listening to his speech in Saratov drama theatre on F. M. Dostoevsky’s 150th anniversary held on the 11th of November, 1971. Yu.G. Oksman gave a high appraisal of young Demchenko’s article “From the history of disputes between Chernyshevsky and A. V. Druzhinin”. Professor Demchenko is a historiographer of a legendary philological community (the university, the museum of Chernyshevsky, other cultural nests of Saratov).

Key words: A. A. Demchenko, A. P. Medvedev, E. I. Pokusaev, Saratov philological school, Chernyshevsky’s scientific biography.

E. V. Kireeva

A. A. Demchenko – the head of SSU philologists' folkloric expedition to Khvalynsk district of Saratov region in 1982

Recollections of a trip with A. A. Demchenko as a head of students' folkloric expedition to the town Khvalynsk and the village Dubovy Gay on the river Tereshka are given. The proper work was held in pairs in accordance with the topics: Old Belief, traditional folklore of secular people (songs, fairytales, couplets, historical fiction). In the village Dubovy Gay the expedition listened to a vocal group. The personal qualities of the expedition's head are highlighted: following specially developed guidelines, unpretentiousness in everyday life, pleasantry, love for a wife and children, work/life balance. Those traits of character evoked sensation of senior surveillance and freedom, initiative of subordinates.

Key words: A. A. Demchenko, folkloric expedition, the town Khvalynsk, the village Dubovy Gay, folkloric practice organizational experience.

On Oya

Adolf Andreevich Demchenko's trip to Japan in 2011

From January, 26 to February – 3 2011 professor A. A. Demchenko travelled to Japan as a “foreign member” of a political thought research crew. Adolf Andreevich got acquainted with Sapporo University, a unique university library. In Tokyo he met “The society of the history of Russian thought researchers” (Waseda University), took part in Scientific readings sessions. Demchenko delivered a speech “Nikolay Chernyshevsky: a vision from the XIXth century”. After an excursion in Yokohama he arrived at Yokohama university, inspected the library's Russian stock. Invited by a researcher of Plekhanov Sakamoto Demchenko visited The Ohara Institute for Social Research, Hosei University. The visit full of scientific meetings was accompanied by the acquaintance with Japanese exotics.

Key words: A. A. Demchenko, Chernyshevsky and Japan, Japanese universities, Russian social and political thought, “The society of the history of Russian thought researchers”.

A. P. Skaftymov

The novel “What is to Be Done?” (its ideological composition and public impact)

A. P. Skaftymov's first article dedicated to N. G. Chernyshevsky's novel “What is to Be Done?” was published in 1926 in the digest “N. G. Chernyshevsky. Unpublished texts, articles, materials, memoirs” (Saratov. Lower Volga Regional Scientific Society of Local Studies Publishing House. PP. 92–140) and, as the author stated, it consisted of: “1) the public speech said at the session of Saratov University on 29.X.1924 and 2) the report read at the session of Regional Lower Volga Scientific Society of Local Studies on 9.XI.1924”. That article has not yet been republished. Its new publication is being released after a number of misprints correction. Bibliographic descriptions in author's footnotes meet the standards of 1920s.

Key words: author's text and censorship, novel genre, the sum of a novel philosophy, ideological composition, characters, female emancipation, tendentiousness, social pressure.

A. I. Vanyukov

A. P. Skaftymov about the novel “What is to Be Done?”: the problems of genre typology

A. P. Skaftymov’s article about the novel “What is to Be Done?” (1926) is analysed from the point of view of its genre, i. e. Skaftymov’s methodology of a novel as a genre study. The article’s logic and structure fully disclose the principles of the analysis of Chernyshevsky’s novel as ideological, social, tendentious. First of all A. P. Skaftymov points out the novel’s *composition*, its conflict foundation, “the sum of the philosophies”, “common dialectics of the whole”, etc. In the course of the scientist’s works about Chernyshevsky the classical analysis of the novel “What is to Be Done?” occupies the central, core position. Strong methodological framework is based on V. V. Sipovsky’s work “Essays on the Evolution of the Russian Novel” (St Petersburg, 1909). The article quotes Skaftymov’s notes on the pages of this fundamental study that pioneered the research of a novel as a genre.

Key words: problems of genre typology, a novel as a genre, Skaftymov’s methodology, ideological novel, V. V. Sipovsky.

N. V. Novikova

The cause you serve: N. G. Chernyshevsky of professor E. P. Nikitina

The article observes the contribution of professor Evgeniya Pavlovna Nikitina (1926–2013), a student of A. P. Skaftymov and E. I. Pokusaev and a successor of their work, to popularization of the personality and N. G. Chernyshevsky’s literary-critical legacy, particularly at Saratov State University.

Key words: N. G. Chernyshevsky, A. P. Skaftymov, E. I. Pokusaev, E. P. Nikitina, Saratov philological school, personality and literary-critical legacy of a writer, a study-room as a museum.

Anna Roberti

Luigi Caroli and the Italian Garibaldians in Siberia and their relationships with Nikolay Gavrilovich Chernyshevsky

Luigi Caroli and some Italian Garibaldians took part in the Polish Revolt of 1863. They were arrested and sent to Siberia. On the basis of the memoirs of E. Andreoli, A. Venanzio, documents about the Siberian exile written by Caroli and his friends, family legends of the article’s author N. G. Chernyshevsky’s circle of Italian contacts in the village Kadaya where he remained from August 1864 to January 1865 has been reconstructed. An assumption about a possible meeting of Chernyshevsky and the Garibaldians at the Alexandrovsky factory is made. In 2015 A. Roberti visited a possible grave site of Luigi Caroli in Kadaya.

Key words: Luigi Caroli and Chernyshevsky, the Garibaldians, Siberian exile, Kadaya, family history.

V. L. Kirillov

“It’s easy to say: set free!” Background information about N. G. Chernyshevsky’s liberation plan made up by St Petersburg secret society “Smorgon academy”

There were a numerous attempts to liberate N. G. Chernyshevsky from Siberian exile. The article reconstructs an attempt to organise the Siberian prisoner’s escape made by the members of the revolutionary club “Smorgon academy” in 1869–1870

(V. I. Kuntushev, D. A. Voskresensky, P. A. Nikolaev and others). The Smorgonians did not have any “supportive connections” or an “action plan”. The idea discussed by the members of the secret society was in fact a speculative venture of young people that fell apart in no time. There is a question of succession in terms of Chernyshevsky’s liberation plan between the Smorgonians and other organizers of a possible escape (P. A. Rovinsky, etc).

Key words: Chernyshevsky in Siberia, Russian revolutionary underground of 1860s, revolutionary club “Smorgon academy”.

S. N. Rubtsov

“The talks about the past”. To the question of modernization of the memorial exposition at N. G. Chernyshevsky’s Estate Museum

Recently, the question about a possible modernization of the exposition located at the memorial house of the Chernyshevsky family is frequently brought up. That information in its turn refers us to the sources and publications that have been the basis for the exposition. One of such sources is “The talks about the past”, memoirs of Ekaterina Nikolaevna Pypina, N. G. Chernyshevsky’s cousin, written by N. M. Chernyshevskaya. The textological comparison of the earliest and later versions of “The talks about the past” lets us see how the text was being changed over time, what was inserted in it and by whom. The critical assessment of this source actualizes its new usage at the museum’s expositional and exhibitional activity.

Key words: memorial exposition at N. G. Chernyshevsky’s Estate Museum, “The talks about the past” by E. N. Pupina, variants of a text, critical assessment of a source.

A. V. Zyuzin

Bibliographing of scientific and research literature about N. G. Chernyshevsky: the past and the present

The article examines the stages of establishing and development of a personal bibliography of publications about N. G. Chernyshevsky’s life and work in the context of Saratov. Difficulties connected to bibliographing of materials for a personal bibliography from the Internet are pointed out.

Key words: literature about Chernyshevsky, bibliographing, personal bibliography.

АВТОРЫ СБОРНИКА

Адулян Марине Мисаковна, кандидат филологических наук, ассистент, преподаватель Ереванского государственного университета (Армения).

Баранова Алла Саввична, кандидат педагогических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета (Беларусь).

Бессчетнова Елена Валерьевна, кандидат философских наук, преподаватель НИУ ВШЭ, зам. заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога (Москва).

Бранко Соня, кандидат филологических наук, доцент Федерального Университета Рио-де-Жанейро (UFRJ) (Бразилия).

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Зюзин Алексей Валериевич, зам. директора по научной работе ЗНБ им. В. А. Артисевич Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, старший преподаватель Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Кантор Владимир Карлович, доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога (Москва).

Киреева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Кириллов Виктор Леонидович, аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра истории России XIX – начала XX в.

Китаев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород).

Новикова Наталия Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Оя Он, кандидат юридических наук, профессор Университета Саппоро (Япония).

Перевалова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Московского политехнического университета, высшая школа печати и медиаиндустрии (Москва).

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Роберти Анна, Почетный президент Культурной ассоциации «Русский мир», (г. Турин, Италия).

Рубцов Сергей Николаевич, заведующий экспозиционным отделом Государственного музея К. А. Федина (Саратов).

Хвостова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

CONTRIBUTORS

Adulyan Marine Misakovna, Candidate of Philology, Assistant, Lecturer Yerevan State University (Armenia).

Baranova Alla Savvichna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Minsk State Linguistic University (Belarus).

Besschetnova Elena Valeryevna, Candidate of Philosophy, Lecturer National Research University – Higher School of Economics, Deputy Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Dialogue (HSE) (Moscow)

Branko Sonya, Candidate of Philology, Associate Professor Federal University of Rio de Janeiro (UFRJ) (Brasilia)

Vanyukov Alexandr Ivanovich Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University.

Gaponenkov Alexey Alexeevich, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University

Zyuzin Alexey Valerievich, Deputy Director in Scientific Research V. A. Artisevich Regional Scientific Library Saratov State University, Senior Lecturer, Institute of Philology and Journalism

Kantor Vladimir Karlovich, Doctor of Philosophy, Professor, National Research University – Higher School of Economics, Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Dialogue (HSE) (Moscow).

Kireeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology Associate Professor, Philology and Journalism, Saratov State University.

Kirillov Victor Leonidovich, Postgraduate student, Moscow State University, Department of the History of Russia XIX – early XX century (Moscow).

Kitaev Vladimir Anatolyevich, Doctor of History, Professor, Department of Information Technologies in Humanitarian Research Institute of International Relations and World History Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod).

Novikova Natalia Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Philology and Journalism, Saratov State University

Oya On, Candidate of Law Professor, University of Sapporo (Japan).

Perevalova Elena Vladimirovna, Candidate of Philology Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Moscow Polytechnic University, Higher School of Press and Media Industry (Moscow).

Prozorov Valeriy Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific advisor of Institute of Philology and Journalism, Saratov State University.

Roberty Anna, Honorary President of the Cultural Association “Russian World” (Turin, Italy).

Rubtsov Sergey Nikolaevich Head of the Exposition Department, K. A. Fedin State Museum (Saratov).

Khvostova Olga Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Philology and Journalism, Saratov State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ	5
Кантор В. К. Августин и Чернышевский: падение Рима как культурфилософская проблема	5
Прозоров В. В. Чернышевский в сетях Интернета: неожиданные наблюдения	13
Гапоненков А. А. Три саратовских мыслителя: Н. Г. Чернышевский, С. Л. Франк, Г. П. Федотов. К 100-летию русской революции	17
Бессчетнова Е. В. «Себялюбие» Аристотеля и «разумный эгоизм» Н. Г. Чернышевского	27
Он Оя. Английский утилитаризм и «гипотетический метод» Н. Г. Чернышевского	34
Баранова А. С. Антропологические основы самостоятельности человеческого познания	40
Бранко Соня Эстетика Н. Г. Чернышевского глазами Д. И. Писарева	48
Адулян М. М. След романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в армянской литературе	53
Китаев В. А. К характеристике западничества И. С. Тургенева (вторая половина 1850 – начало 1880-х гг.)	68
Перевалова Е. В. «Обязанность редакции состоит в том, чтобы присутствие ее было видно повсюду...»: несколько штрихов к портрету М. Н. Каткова-редактора	77
Хвостова О. А. М. Н. Катков в 1880 году: открытие памятника Пушкину	90
К 80-ЛЕТИЮ АДЛЬФ АНДРЕЕВИЧА ДЕМЧЕНКО	97
Прозоров В. В. Адольф Андреевич Демченко: годы молодые	98

Киреева Е. В. А. А. Демченко – начальник фольклорной экспедиции филологов Саратовского государственного университета в Хвалынский район Саратовской области в 1982 году	102
Он Оя. Поездка А. А. Демченко в Японию в январе 2011 года	107
II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	112
Скафтымов А. П. Роман «Что делать?» (его идеологический состав и общественное воздействие)	112
Ванюков А. И. А. П. Скафтымов о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (методологические аспекты анализа жанра)	157
Новикова Н. В. Дело, которому служишь: Н. Г. Чернышевский профессора Е. П. Никитиной	169
Роберти Анна. Луиджи Кароли и итальянские гарибальдийцы в Сибири и их взаимоотношения с Николаем Гавриловичем Чернышевским	180
Кириллов В. Л. «Легко сказать: освободить!» К истории замысла освобождения Н. Г. Чернышевского петербургским тайным обществом «Сморгонская академия»	187
Рубцов С. Н. «Беседы о прошлом»: К вопросу о модернизации мемориальной экспозиции музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского	193
Зюзин А. В. Библиографирование научной и исследовательской литературы о Н. Г. Чернышевском: прошлое и настоящее	199
АННОТАЦИИ	204
SUMMARIES	211
АВТОРЫ СБОРНИКА	218
CONTRIBUTORS	220

Научное издание

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Редактор *Е. А. Малютина*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Подписано в печать 25.09.2018. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Усл. печ.л. 13.02 (14.0). Тираж 130. Заказ № 133-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.